

Р. С. Кац

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Гуманитарная Академия
Санкт-Петербург
2013

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К30

Рецензенты:

А. З. Дубровский, д-р филол. наук (Институт истории культуры РАН),
И. А. Коваленко, д-р философ. наук (МГПИ)

Кац, Р. С.

К30 История советской фантастики. – 4-е изд. – СПб.:
Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2013. –
220 с.
ISBN 978-5-93762-105-4

Книга доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургской Гуманитарной Академии Р. С. Каца охватывает более семи десятилетий истории советской фантастической литературы (1921–1993). Автор предлагает свою оригинальную трактовку целого ряда проблем генезиса и развития научной фантастики в СССР. Нетрадиционный подход к исследуемому материалу и популярный характер изложения делают данную монографию не только полезным, но и увлекательным чтением.

Для филологов, историков и всех интересующихся научно-фантастической литературой.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-93762-105-4

© Р. С. Кац, 2013

© Р. Э. Арбитман, послесловие, 2013

ОТ АВТОРА

Предлагая вниманию читателей четвертое, переработанное и исправленное, издание своей книги «История советской фантастики», считаю необходимым хотя бы кратко упомянуть о судьбе трех предшествующих изданий.

По ряду объективных причин не могу признать совершенно удачным ни третий вариант этой монографии (СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004), ни второй (Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993), ни тем более первый (М.: ИНИОН, 1986). Уже сам «закрытый» характер ИНИОНовской публикации (книга, как известно, вышла тиражом не более сотни экземпляров, да еще с обязательным грифом «Для служебного пользования») привел к сокращению до минимума количества ее потенциальных читателей. Мне уже довелось рассказывать про то, как в упомянутом 1986 году эта «секретная» монография, недоступная в библиотеках даже моим студентам (ко второму отделению спецхранов — «книгам ограниченного пользования» — они допущены не были), по официальным каналам свободно попала в государственные библиотеки ряда европейских стран, США, Израиля и Японии.

Впрочем, дело было не в тираже и не в грифе «ДСП». Готовя публикацию осенью 1985 года, я исходил из того, что история отечественной фантастики — будучи весьма и весьма значительной частью истории советской литературы, в целом, — не просто зияет лакунами, но и вообще является большим «белым пятном». Достаточно вспомнить хотя бы о фантастике 20-х годов: десятки, сотни имен и названий уже в 30-е были просто выброшены из обихода; важнейшие события литературной жизни, потрясавшие наше общество на протяжении многих лет, искусственно обойдены, зато микроскопические фигуры (а то и вовсе слепленные позднейшей пропагандой фантомы) были подняты на небывалую высоту.

Автор этих строк попытался, не пренебрегая общеизвестным, свести воедино оборванные нити, в меру своих скромных сил реконструировать ПОЛНУЮ картину событий и явлений «литературы мечты и фантазии» на протяжении семи десятилетий... и, видимо, переоценил свои возможности. Ибо стремление вместить сразу ВСЕ в отведенные издательством 120 страниц неизбежно обернулось сумм реестром вместо книги, более или менее внятным перечислением фамилий, произведений, дат, съездов, литературных группировок и т. п. Желая ничего не упустить, автор зачастую вынужден был жертвовать контекстом истории, так называемым «воздухом эпохи», без которого практически любое историко-литературное исследование превращается в бесстрастный библиотечный каталог. За все это мне и попало от рецензентов — канадца Дарко Сувина в «Galaxy»,

израильтянки Майи Каганской в журнале «22», британца Терри Пратчетта в «Time», а также автора изданного в Берлине «Лексикона русской фантастики XX века» Вольфганга Казака.

Во втором, саратовском, издании «Истории советской фантастики» я попытался отчасти учесть пожелания рецензентов и слегка беллетризовать свою работу. Одновременно пришлось ее «проредить», освобождаясь от второстепенных эпизодов — иногда действительно дежурных (вроде перипетий группы «Земное притяжение», известной в 20-е разве что своими изощренными нападками на роман А. Обольянинова; или обзора политико-литературных пристрастий издательства «Молодая гвардия» второй половины 70-х; или бесплодных споров начала 90-х о возможных связях главных фигурантов ВТО МПФ с казначейями Международного отдела ЦК КПСС), а иногда довольно любопытных (типа безуспешной борьбы за лидерство «протоселенитов» — Гастева и Дорогойченко). С некоторым сожалением автор исключил из этого и последующих изданий ряд весьма существенных фрагментов (например, касающихся переписки Александра Беляева с Вернером фон Брауном, заметок Сталина на полях второго издания «Катапульты», многих закулисных подробностей подготовки фантастов к I Съезду писателей СССР; выпала, увы, целая глава «Стругацкие против цензуры»): в 1985 году освещение этих вопросов имело оттенок новизны, даже сенсационности, однако теперь, после стольких публикаций — в том числе и автора этих строк — на данные темы в периодике, возвращение к ним вновь выглядело бы очередным тиражированием трюизмов, не более того.

По той же причине автор, например, воздержался от подробного изложения речи Лежнева на закрытии Чрезвычайной конференции ВАПП в Москве (о ней довольно сказано в любом вузовском учебнике) или от перечисления всех доносов Кургузова на коллег-фантастов, адресованных в Комиссию партийного контроля (выпущенные издательством «НЛО» три тома документов «КПК и литературный процесс в СССР» с комментариями А. Рейтблата и Н. Митрохина счастливо избавляют автора от этого неблагодарного дела).

Второму изданию «Истории советской фантастики» повезло больше, чем первому. Из тысячного тиража 800 экземпляров разошлось в России и странах СНГ; в девяти провинциальных пединститутах книга эта была включена в учебный план на правах факультативного чтения, а в трех (Иваново, Тверь, Калуга) — в качестве обязательного. К сожалению, нашлись у книги и недоброжелатели: к примеру, внук С. Шпаньря, занимавший в тот период ответственную должность в Министерстве культуры РФ, сделал попытку воспрепятствовать закупке «Истории» работниками библиотечных коллекторов. Печально, что мои коллеги из специализированных журналов проигнорировали выход книги. Ни «Успехи филологических наук», ни «Литература

в высшей школе», ни даже «Актуальные проблемы русской словесности» не поместили на своих страницах даже аннотации. Зато журналы и газеты, которые принято называть массовыми, оказались достаточно благосклонными к моей работе (сужу об этом по рецензиям в «Литгазете», «Независимой газете», «Московских новостях» и др.); отраднo, что любители фантастики удостоили книгу трех своих высших наград — «Бронзовой улитки», «Интерпресскона» и «Странника». Еще отраднее, что некоторая (весьма ограниченная) популярность моей «Истории» в кругах политиков «первого демократического призыва» способствовала восстановлению исторической справедливости по отношению к давно усопшим фигурантам книги (был посмертно реабилитирован А. Лежнев; на доме в Санкт-Петербурге, где родился А. Обольянинов, была установлена мемориальная доска; в Екатеринбургe стали регулярными Курицынские чтения; одна из новооткрытых в 1994 году малых планет получила имя Анастасии Величко). Не забыты, впрочем, оказались и ныне живущие (либо здравствующие на момент выхода второго издания) персонажи книги: С. Штерну возвратили российское гражданство и дачу в Саратовской области.

Увы, все эти локальные радости не могли заслонить и печали: второе издание книги также оказалось весьма небезупречным. По вине типографских работников половина иллюстраций были едва различимы; из-за недосмотра технического редактора были утеряны и заменены неравноценными несколько портретов из раздела «Personalia», причем дубликат портрета А. Величко был найден лишь в 1997 году; по оплошности корректора перепутана нумерация страниц в именном указателе. Часть вины лежит и на авторе этих строк: цитата из романа Р. Хайнлайна попала в абзац, посвященный В. Аксенову; выпало несколько реплик Н. Хрущева из главы, посвященной роману «Не хлебом единым». И тому подобное.

В третьем издании старые огрехи были исправлены, зато появились новые. Из текста выпало несколько важных иллюстраций — например, портрет Осипа Брика. Портрет писателя и ученого Бориса Бенько был почему-то заменен на портрет советского актера Николая Гринько. Из главы, посвященной высадке Нейла Армстронга на Луну, исчезло четыре концептуальных абзаца — отчего читателям пришлось догадываться о том, где именно была совершена посадка. Из-за небрежности корректоров Гронский превратился в Тройского, Бескин — в Бескюга, Гроссман-Рощин — в Гроссмана-Рордана, Ермолаев — в Ярмольника. Автор этих строк не снимает с себя вины за одну оплошность, произошедшую по его вине. Написав в предисловии к предыдущему изданию о том, что «В. Пелевину была — при содействии столичного «Мемориала» — предоставлена отдельная квартира в спальном районе Москвы», автор невольно стал жертвой

мистификаторов: на самом деле никакой квартиры от московской мэрии В. Пелевин не получил, несмотря на все обещания, и ныне проживает в Шотландии.

Готовя книгу к переизданию, автор счел нужным оставить прежнюю структуру монографии: все персоналии по-прежнему сконцентрированы в отдельных главках по ходу повествования. В то же время список использованной литературы не следует сразу после каждой главы, как в первом издании, а помещен в конце книги.

В заключение хотелось бы поблагодарить Якова Стрельцина, Эльхана Кулиева, Леонида Фишмана, Андрея Тужилкина, Бориса Файфеля, а также Ирину Аристарховну Виндт (Обольянинову) и Александра Алексеевича Лежнева за помощь, оказанную автору при написании этой монографии и подготовке четвертого ее издания.

Март 2013 года

I.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО СЕЛЕНИТА» (1921—1928)

Есть в советской истории вопросы, на которые исследователи до сих пор не в состоянии дать внятного ответа (даже в эпоху рассекреченных архивов) и склонны только строить предположения. Один из таких вопросов — был ли В. И. Ленин непосредственно причастен к созданию «Красного Селенита», поначалу небольшой литературной группировки с более чем специфическими творческими задачами, а затем на протяжении почти всего первого послереволюционного десятилетия — практически самой влиятельной писательской фракции, одно время приближенной к руководству ВКП(б). Публицистика конца 80-х годов, в зависимости от отношения авторов к фигуре Ленина, по-разному оценивала роль вождя: то принималась демонизировать ее донельзя («огоньковский» очерк Максима Губарева «В. И. Ленин как завоеватель Луны»), то, напротив, спешила объявить ее «судьбоносной» и ее критиков — «ревизионистами» (статья Владимира Шубина «Наследники Фанни Каплан» в газете «Советская Россия»), а то и торопились признать ее несуществующей вовсе (цикл статей Игоря Кириллова в «Комсомолке»). Справедливости ради заметим, что ни той, ни другой, ни тем более третьей сторонами новых фактов предъявлено не было; журналисты оперировали только теми, что были давным-давно введены в научный обиход. Сами «Красные Селениты», как известно, в свое время недвусмысленно намекали (особенно после 1924 г.), кому именно их группа была обязана начальной финансовой и «идеологической» поддержкой. Например, в статье А. Лежнева «Великий мыслитель», опубликованной в январе 1925 г. в «Московской правде» и приуроченной к годовщине со дня смерти вождя, прямо говорилось о «заинтересованном внимании», которое

«наш Ильич оказал молодому литературному объединению». Правда, часть историков склоняется к мысли, что как раз эта фраза могла быть лишь хитрым дипломатическим ходом, способным пресечь в зародыше упреки в «нечеткости классово-й позиции», хотя и редко, но раздававшиеся как со стороны обиженных «пролеткультов», так и все еще влиятельной «Наковальни», руководители которой не могли простить «непролетарского происхождения» отдельных членов «Красного Селенита».

Тем не менее, вполне возможно, Лежнев все-таки не лукавил. Во всяком случае, рецензия Ленина в «Известиях ВЦИК» на роман «Красная Луна», конфиденциальная беседа с автором понравившегося романа в феврале 1921 г. и встреча с «селенитами» (Лежневым и Величко) в марте 1922 г. — все это есть непреложные исторические факты, зафиксированные биографами. К косвенным же доказательствам интереса Владимира Ильича к идеям «КС» чаще всего относят полусутоливую фразу, брошенную Лениным на встрече с Гербертом Уэллсом: «Так вы полагаете, на Луне могут иметь место тяжелая индустрия и сознательный пролетариат?» (цитата из VI главы «России во мгле»), и пометку *nota bene* на полях брошюры К. Э. Циолковского «На Луне» (М.: Изд-во Сытйных, 1893) напротив фразы о «неисчерпаемых богатствах недр спутника Земли, весьма удобных, вследствие уменьшенной силы тяжести, для промышленной геологической разработки». Кстати, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, первой книгой по астрономии, заказанной Лениным по каталогу «Книжной летописи», стала монография Камиля Фламариона «Спутник Земли», опубликованная «Шиповником», а первой книгой Жюль Верна, пополнившей кремлевскую библиотеку, оказалась — как теперь уже нетрудно догадаться — «С Земли на Луну» (из приложений к «Ниве»).

В принципе, сейчас можно обнаружить еще множество «косвенных уликов», но в них ли дело? Ведь даже если Ленин и не собирался первоначально быть пастырем «селенитов» и не

помогал им хозяйственно и организационно, он все равно, без сомнения, готовил почву для появления на свет их и им подобных. «Селениты» просто удачно заполнили ту ячейку в теоретических построениях Ильича, которую и должен был кто-то заполнить. Видимо, поэтому им было довольно долго позволено немного больше, чем всем остальным их коллегам.

Дело было, естественно, не в абстрактных «кремлевских мечтаниях» и какой-то вдруг возникшей мистической склонности предсовнаркома к литературной фантастике вообще и к «лунной» ее ипостаси в особенности. Эстетические пристрастия Ленина были самыми что ни на есть консервативными, однако политический расчет все чаще заставлял вождя наступать на горло собственным художественным вкусам и привлекать на свою сторону разнообразные художественные явления, подчас и довольно причудливые. Позднейшие исследователи советской фантастики, отыскав потом в работах Ленина и в мемуарах о нем дюжину приличествующих цитат («Фантазия есть качество величайшей ценности» — о Жюле Верне, «Вот и напишите об этом роман, сеньор махист!..» — о Богданове, «Хорошо разделал буржуазию наш фантаст Илья Лохматый...» — о «Хулио Хуренито» И. Эренбурга), делали вывод о его «высокой оценке литературы социалистического предвидения» (М. Храпченко), «подлинно марксистском взгляде на природу художественного вымысла» (Б. Рюриков) и тому подобном. На самом же деле традиционный реализм был просто помехой на пути построения ленинской коммунистической утопии. Признать литературу зеркалом текущей жизни означало бы автоматически признать известную правоту «критических реалистов», негативно оценивших все симптомы недуга «новой России». То есть «всех этих хныкающих кадетишек (...), злобствующих куприных, буниных, мережковских и прочей белоэмигрантской швали». Литература, по Ленину, отныне не должна была смотреть под ноги: ей надлежало поставить горную цель, отвлечь ее от низменной реальности. Требовалось сделать литературу художественным эквивалентом революционной мечты о светлом Завтра.

Первоначальные заигрывания Наркомпроса с «космистами», футуристами и прочими «бюджетлянами» всех оттенков, принятые скорее по недоразумению, быстро прекратились.

Ставить нужно было на то, что прочно, что понятно. Для строительства новой жизни наиболее подходила в качестве «подручного средства» именно научно-фантастическая литература, более или менее удаленная от сегодняшней реальности — по содержанию, достаточно традиционная — по форме, антирелигиозная — по духу. (Средний читатель, для которого она, в массе своей, предназначалась, не был готов к восприятию эстетических изысков.) Потребность в «советском Жюль-Верне», который «смог бы увлечь грамотных рабочих и сельский пролетариат величественной перспективой социального строительства», — как четко формулировал Троцкий в своей книге «Литература и революция», — была вполне насущной и не реализовывалась до начала 1921 г. по совершенно пустяковой причине: не было подходящей кандидатуры на должность «главного Жюль-Верна РСФСР», ибо годился далеко не всякий. Писатель должен был быть непременно с именем, являться сторонником советской власти и иметь наготове какое-нибудь новое фантастическое произведение на «классово близкую» тему.

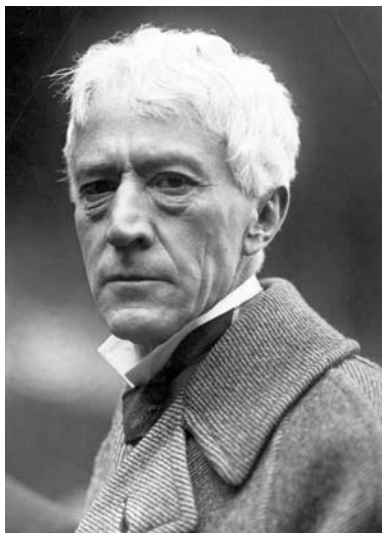
По странному стечению обстоятельств, подходящий сочинитель и был найден на родине автора «Капитана Немо», а не в Москве или Петрограде. Дальше счет пошел буквально на дни. 17 января 1921 г. В. И Ленин опубликовал свою рецензию «Полезная книжка!» в газете «Известия ВЦИК» (подписано: «Н. Л-н»), 18 января наркоминдел Чичерин, находящийся в это время в Париже по делам концессий Рено, получил секретную телефонограмму из Москвы. А уже через два дня продиктовал ответ: писатель согласен вернуться обратно в Советскую Россию!

Таким образом, первый претендент был явлен.

Им стал тридцатипятилетний прозаик Аристарх Обольянинов.

PERSONALIA: ОБОЛЬЯНИНОВ

Аристарх Кириллович Обо-
льянинов родился 8 августа
1886 г. в Санкт-Петербурге, в се-
мье товарища министра путей
сообщения графа Оболяни-
нова, получил хорошее домаш-
нее образование, экстерном
закончил Лицей, а затем историко-
филологический факультет
Санкт-Петербургского универ-
ситета (восточное отделение).
Оболянинов много путешест-
вовал, дважды бывал в Китае,
второй раз — в качестве чинов-
ника для особых поручений Де-
партаментa здравоохранения.

Первая публикация — повесть «Утро в усадьбе» (1912) в журнале «Русское богатство». Популярность молодому писателю принесли так называемые «помещичьи рассказы», в духе тургеневских «Записок охотника», но только с большей мерой юмора и самоиронии («За оврагом», «Мешок», «Холостой выстрел» и т. д.), напечатанные сначала в горьковской «Летописи» (1913) и затем вышедшие большим тиражом в «дешевой библиотеке Сытиных» (1914). Скандальную известность принесла автору повесть «Танцовщица из Шанхая» (1915) — произведение авантюрно-приключенческого жанра, с элементами фантастики и эротики. Виктор Буренин в суворинском «Новом времени» желчно обозвал повесть «китайскими каникулами наглого бонвивана» и предрек автору «скучную смерть от ножа в каком-нибудь тьяньцзинском притоне». Произведение между тем имело успех, сравнимый разве что с успехом «Санина» М. Арцыбашева. (Достаточно сказать, что ночной ресторан на Литейном в Петрограде, названный «Смуглая Чи» — прозвище главной героини повести Оболянинова, — просуществовал два с половиной года. Причем автор и все его друзья имели право посещать ресторан бесплатно: хозяин больше выигрывал на рекламе и автографах.) После Октябрьского переворота А. Оболянинов несколько месяцев проработал во «Всемирной литературе» и даже написал по заказу Горького пьесу о Спартаке, однако летом 1918 г. все-таки эмигрировал во Францию. Парижский период А. Оболянинова — наименее изученный историками литературы. Известно лишь, что писатель вошел вместе с Н. Чайковским,

М. Алдановым-Ландау и А. Толстым в редколлегию журнала «Грядущая Россия» (вышло только три номера, в третьем — рассказ А. Оболянинова «Соломенный букет»). Частично опубликована любопытная переписка Оболянинова с издателем Гржебиным, где писатель жалуется на скудость гонораров, а Гржебин — на стесненные обстоятельства. В эмиграции А. Оболянинов так ни с кем и не сблизился, от салона Мережковских держался на отдалении, настроен был умеренно-просоветски.

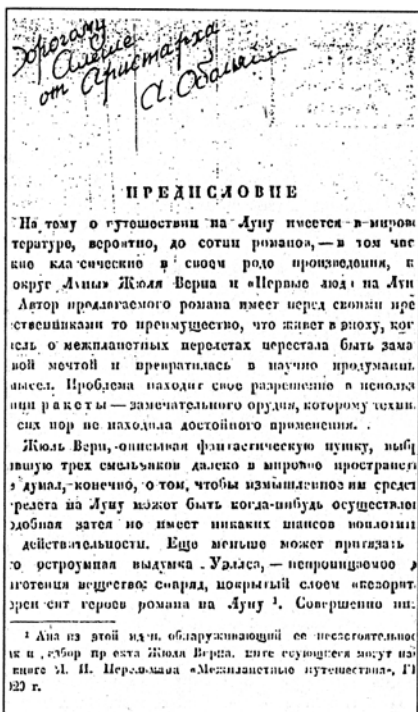
Первая крупная зарубежная публикация — фантастический роман «Красная Луна» в берлинском «Накануне» (1920) — стала основанием для триумфального возвращения на родину. В 1921 г. роман был напечатан в Москве, в Государственном издательстве, и с тех пор переиздавался не менее шестидесяти раз. Дальнейшие попытки закрепиться в «лунной» тематике (роман «Профессор Гелий» (1922), повесть «Тени кратера» (1926) и некоторые другие) были довольно благосклонно приняты читателями, однако автору самому быстро надоело сочинять вариации на тему одного и того же романа, и на несколько лет он прекращает занятия литературным трудом. В 30-е годы А. Оболянинов пишет очерки для «Огонька», рецензии для «Литературного критика» — авторитет «советского Жюль-Верна» был еще довольно высок. В 1939 — 1940 г. писатель читает в ИФЛИ блестящий курс «История фантастики в СССР» (сохранились только фрагменты и отдельные воспоминания студентов). В 1941 г. А. Оболянинов добровольцем уходит в ополчение и гибнет от осколка авиабомбы в октябре 1941 г. Похоронен в Ленинграде, на Волковом кладбище, в фамильном склепе графов Оболяниновых.

Роман «Красная Луна», столь увлекший В. И. Ленина, довольно прост по сюжету и несколько напоминает романы Берроуза из «венерианского» цикла. Поскольку содержание книги хорошо известно, напомним его только конспективно. Главные герои романа — академик Воронцов и его дочь Анна — отправляются в научную экспедицию на Луну; их цель — проверить наблюдение Пулковской обсерватории, зафиксировавшей непонятные изменения видимой части лунного ландшафта и какие-то красноватые блики на поверхности. Сам процесс путешествия «в стальном цилиндре высотой около двух десятков метров» автор представил мельком и достаточно наивно, с научной точки зрения (даже

по тогдашним меркам). Впрочем, главные события разворачиваются не по пути, но по окончании путешествия. На Луне действительно неспокойно: идет затяжная война между двумя государствами, Ил-лом и Воту, война с применением «радиовых бомб» и «умерщвляющих газовых смесей». Причем все старания Хельга, единственного сына престарелого правителя Ил-ла, прекратить бойню, оканчиваются лишь тем, что сам Хельг схвачен, обвинен в «предательстве нации»

и вот-вот должен быть казнен. Подобная же участь ждет Рами, бывшего соратника главного жреца государства Воту, кото-

рый, со своей стороны, пытался договориться с Хельгом, а потому тоже обвинен в измене. «Стальной цилиндр» с землянами появляется на Луне за два «оборота светила» (тамоянная мера времени) до казней, уже в ту пору, когда Хельг в медной клетке ожидает своей участи на главной площади Линна, столицы Ил-ла. По всем законам жанра Анна влюбляется в приговоренного Лунного Принца и убеждает отца помочь «селенитам, которые не хотят остаться без будущего...». Несколько динамичных эпизодов «превращения империалистической войны в гражданскую» (говоря словами В. И. Ленина) прописаны довольно шаблонно,

Первая страница «Красной Луны» с автографом А. Обольянинова (из архива А. Лежнева)

в строгом соответствии с большевистскими доктринами, но именно они как бы искупали в глазах придирчивого читателя 20-х и тем более 30-х годов обостренное внимание автора к любовной линии романа.

Образ Анны не совсем обычен как для самого Оболянинова (конечно, это не Смуглая Чи и не буколические поселянки из «помещичьих рассказов»), так и для всей последующей советской «лунной эпопеи» (20-х — середины 80-х годов). В фантастической литературе женские образы — большая редкость, а полнокровные и убедительные женские образы — вообще редкость небывалая (исключение составляет разве что героиня «Луны с правой стороны» С. Малашкина). В Анне Аристарха Оболянинова читателя привлекает и поражает странное сочетание видимой хрупкости, незащищенности и какой-то поистине нездешней, «спартанской» воли, целеустремленности, почти визионерского осознания собственной правоты, в жертву которому героиня готова принести неизмеримо много. Восхищаясь «революционной убежденностью» Анны, критики 20-х не заметили — или сделали вид, что не заметили, — важного момента: гражданская война на Луне могла бы быть куда более короткой и менее кровопролитной, если бы для Анны Воронцовой на первом месте и впрямь стояла задача «дать свободу угнетенным жителям вечного спутника Земли» (Н. Гроссман-Рощин), а не завоевать расположение довольно немичного Лунного Принца. В «лунно-земном» тандеме Анна — Хельг сам Принц оказывается ведомым, в то время как дочь академика становится главным «нервом» локальной битвы за любовь Хельга (для селенита любовь к кому-либо, помимо членов вима — разновидности государственно-родового клана, — есть табу еще более страшное, чем прямой бунт против отца). Читая заключительные страницы «Красной Луны», не одна рабфакровка в 20-е обливалась слезами: восстание победило, но гибнет Хельг, гибнет академик Воронцов, тяжело ранена сама Анна. Красный цвет Луны, обозначенный в заголовке романа, — одновременно и цвет

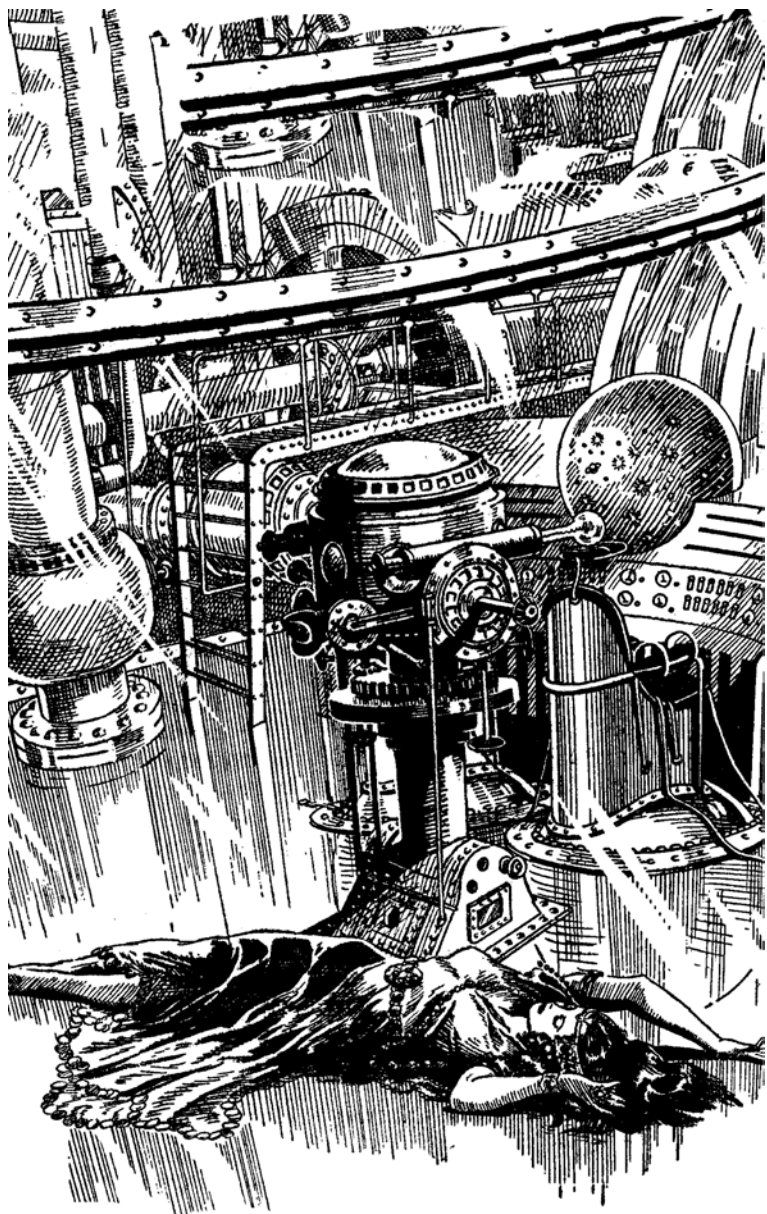

Иллюстрация к роману А. Обольянинова «Красная Луна»

треугольных вымпелов победивших «революционных селенитов», и цвет крови всех главных героев произведения. Последний, «оптимистический» абзац (радиограмма предсовнаркома, поздравляющая восставших с победой) выглядит безусловно фальшивой нотой, вымученной индугенцией, необходимой для возвращения в Советскую Россию.

Кстати, позднее Обольянинов неоднократно предпринимал попытки заново отредактировать роман, снять несколько явно пропагандистских эпизодов, убрать ходульный финал. Однако все его просьбы разбивались о непоколебимую уверенность чиновников Агитпропа в том, что «трудящиеся привыкли именно к такому виду книги, и было бы политически ошибочным обманывать их ожидания...» (эту фразу как пример ответов подобного рода не без горечи приводил сам Обольянинов в письме к Михаилу Пришвину). И все же ценность «Красной Луны» несомненна: первый советский научно-фантастический роман был написан увлекательно и талантливо, а потому так или иначе остался читаемым и во времена более поздние.

Группа «Красный Селенит», вне всяких сомнений, вышла из романа Аристарха Обольянинова — точно так же, как «натуральная школа» русской классики «вышла из гоголевской шинели». Любопытно, однако, что формальная принадлежность Обольянинова к новой группировке (принадлежность, которая многими историками литературы считается само собой разумеющейся даже до сих пор) на самом деле не имела места. И, если вдуматься, просто не могла иметь место. Для идеолога «селенитов» имя Обольянинова, окруженное положенным пиететом, должно было стоять чуть в стороне — точь-в-точь, как в придуманной гораздо позднее конструкции типа «и-примкнувший-к-ним-Шепилов». И Лежнев, и сам автор «Красной Луны» прекрасно понимали, что вызывающе непролетарское происхождение графа Обольянинова может сделать (поначалу и делало) уязвимым для критики многие дальнейшие шаги группировки, препятствовать усилению ее влияния. Вероятно, некое джентльмен-

ское соглашение было заключено между Оболяниновым и Лежневым еще в 1921 г. и, как показывают дальнейшие события, исправно выполнялось и тем, и другим. (Даже в конце 30-х, когда уже Оболянинову предлагали «осудить и заклеймить» некоторых своих бывших единомышленников по «КС», ставших «троцкистско-бухаринскими вырожденками, наймитами иностранных разведок», писатель каким-то образом сумел отмолчаться.)

В 20-е годы, таким образом, Аристарх Оболянинов, фактически солидаризуясь с «селенитами», не подписал ни одной их декларации, а во всех печатных выступлениях группировки принимал участие на правах «попутчика, осознающего правоту идеологии победившего пролетарского государства». Такое двусмысленное положение «советского Жюль-Верна» вызывало злую издевку критиков, могущих похвастать разве что безупречной анкетой. Николай Чужак, например, писал в 1922 г. про «бархатный шнурок, прибитый ржавым гвоздем к крупу фанерной лошадки». Мих. Левидов уверял своих читателей, на примере автора «Красной Луны», что «мелкобуржуазная и выродившаяся дворянская интеллигенция потеряла надежду достичь своих идеалов на Земле и земными средствами», а поэт Александр Жаров однажды посвятил Оболянинову такие вот строки:

*«Лунатик, скинь свою мантилью!
Посмотрим: чем-то полон ты?
Все той же гумилевской гнилью
И той же жаждой темноты?»*

Отдельные нападки на автора романа «Красная Луна» продолжались уже в пору, когда с самими «селенитами» предпочитали не связываться; и, напротив, как бы сочувствующий группировке «дворянчик», «граф», да еще бывший эмигрант, был легко уязвимой мишенью. Лишь со второй половины 1925 г., после июньского постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»,

где специально подчеркивалось: «Считать недопустимым отталкивать таких талантливых попутчиков, как тов. Оболянинов, доказавший своими книгами, что он на стороне Республики Советов...», — вал упреков стих. (Существует мнение, что фраза была вписана в постановление Ф. Раскольниковым после мягких, но настойчивых советов Лежнева). Последний раз над Оболяниновым подшутили в 1928 г. Илья Ильф и Евгений Петров в романе «Двенадцать стульев», изобразив его в виде охотника за своими сокровищами Ипполита Воробьянинова. Впрочем, это-то был вполне беззлобный шарж, где сатирики обыграли только особенности внешности и отдельных манер писателя-фантаста, намекнув на адресат своей пародии лишь фразой дворника Тихона: «Барин! Из Парижа!»

Однако за разговором об Аристархе Кирилловиче Оболянинове мы несколько забежали вперед. Вернемся в март 1921 г., который официально считается месяцем рождения «Красного Селенита».

Именно 20 марта Лежнев выступил в клубе московского механического завода им. тов. Зиновьева с программой нового писательского объединения. Вступительная часть содержала положенную революционно-романтическую риторику («Да, Вселенной и всей природой мы овладеем лишь разумом, наукой — точными познаниями, а суеверия, мистика и прочая штука, делавшая людей рабами этой природы, должна быть забыта...» и т. п.), зато тезисы были удивительно конкретными.

«Красный Селенит» провозглашался добровольным объединением писателей-фантастов, без права ассоциированного членства; писателям «из крестьянской и буржуазной среды» в приеме как бы не отказывалось (хотя и устанавливался целый ряд препон вроде годичного испытательного срока), «лунная» тема объявлялась приоритетной («Луна — зримый символ Вселенной, достижение Луны и овладение ее богатствами — вековая мечта человечества, научный метод и прогноз сделают пролетариат хозяином как Земли, так и его ближайшего спутника», и проч.). Вместе с тем Лежнев

как бы между делом упомянул об издании регулярного альманаха «Селена», «пока четыре раза в год, а в перспективе — раз в два месяца».

Рождение «КС» было встречено довольно настороженно. Только Семен Родов в журнале «Грядущее» приветствовал коллег малопонятным стихотворением «Селенитам» («Протянули миллионный кабель // На каждый межзвездный стык // На миллионах черных Кааблей // Межпланетно-лунный язык!»), да еще «Печать и революция» в третьей книжке за 1921 г. поместила вежливо-равнодушную заметку по поводу «организации фантастических писателей» и дала выдержку из выступления Лежнева, по ошибке назвав его Ледневым.

Прочие же печатные органы, писательские объединения и инстанции предпочли за лучшее «не заметить» неофицитов: «перевальцев» не устроил уверенный тон декларации «КС», Товарищество крестьянских писателей оскорбилось, что крестьяне поставлены Лежневым в один ряд с «буржуазными интеллигентами», а «пролеткульты» с неодобрением восприняли, наоборот, потворство «классу мелких хозяйчиков». Даже Лито Наркомпроса затаило обиду — за то, что идея «организовать в своеобразную артель литераторов фантастического направления» родилась не в голове Гандурина. А все вместе усмотрели весьма неблагоприятное для себя обстоятельство в том, что «Селену» взялось субсидировать Государственное издательство и оно же определило гораздо более высокий, чем это было принято по отношению к другим, гонорарный фонд.

Лежнев сделал вид, что не заметил холодности приема. Да и некогда ему было обижаться; главным было — выдерживать темп. Через полтора месяца после выступления идеолога «селенитов» со своими тезисами вышел первый номер альманаха «Селена», тиражом в сто тысяч экземпляров, объемом в сорок (!) печатных листов. На кроваво-красной обложке первого номера — как и всех последующих — была помещена эмблема «КС»: голубая полоска лунного серпа,

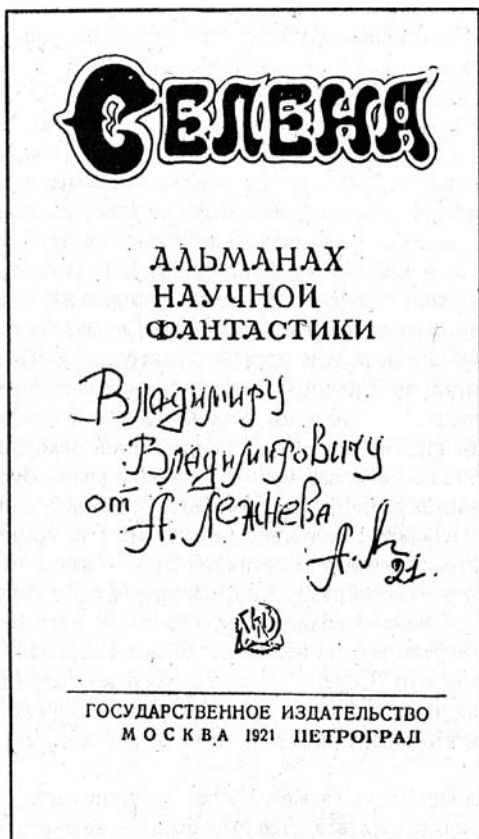
пересеченная черной рукояткой молота. Вид эмблемы, чрезвычайно напоминающей официальный герб Советской Республики, заставил некоторых руководителей группировок сразу же скорректировать свои позиции. Состав уже первого номера «Селены» оказался достаточно впечатляющим. Открывала книжку небольшая внятная статья Лежнева «О текущем моменте в области литературно-художественной фантастики», а завершала альманах статья профессора-астронома Владимира Поплавского «Что обязан знать пролетарий о Луне». Между этими двумя статьями помещалась поэма С. Обрадовича «Вверх дном!», повесть «Лунный календарь» Сергея Самобытника, подборка «космических» рассказов В. Есипова, С. Перова, А. Беляева, Всемира Ковалича и других, две новые новеллы Герберта Уэллса с большим послесловием Евгения Замятина. (Через несколько месяцев отдельная брошюра Замятина об Уэллсе выйдет в петроградском издательстве «Эпоха», однако симптоматично, что опытный и разборчивый Замятин, не раздумывая, отдал первый вариант своей работы в никому не известный тогда альманах: Лежнев умел убеждать...)

К моменту выхода в свет второго выпуска «Селены» новое литературное объединение оказалось буквально завалено предложениями о сотрудничестве — как со стороны признанных писателей, так и от новичков. Опубликовать в «Селене» действительно талантливую рукопись было совсем не сложно, зато отбор поступавших в «КС» Лежнев сделал предельно жестким. В интервью «Кузнице» (1922 г.) руководитель «селенитов» объяснял свою позицию так: «Правда, из 23 заявок поэтов и писателей о желании вступить в объединение фантастов было удовлетворено в этом полугодии 3 или 4, зато члены нашей группы могут подчеркнуть, что они не подвергались и не подвергаются, благодаря такому «сектантству», разлагающему влиянию народнически-интеллигентской идеологии...» Лежнев, разумеется, мистифицировал доверчивых читателей «органа пролетарских писателей, издания литературного отдела Наркомпроса»: рост рядов

«селенитов» был ограничен отнюдь не поэтому. Действительными членами становились, как правило, либо литераторы безоговорочно талантливые (на взгляд Лежнева), либо «полезные» фантасты, т. е. те авторы, которые совмещали свои писания со службой в госучреждениях, в солидных редакциях и издательствах. Позиция эта выглядела довольно циничной, но позволяла «Красным Селенитам» приобрести определенную поддержку в различных кругах — что, на первом этапе, было весьма существенно.

Именно по этой причине в «КС» были приняты Влад. Полетаев и Натан Авербах (брат Леопольда), Керженцев и Солин, но не были приняты Катаев и Добычин, Макаров и Буданцев, Осипов и Минич.

Драматичной оказалась история с приемом Андрея Платонова. Казалось, после «Лунной бомбы» он будет не только принят в действительные члены, но и введен в правление. К сожалению, испортил все нелепый случай. Ветеран гражданской войны, харьковский поэт Петр Крестоголовченко, тоже претендент в «Красные Селениты» (не имевший,

Титульный лист альманаха «Селена»

однако, никаких шансов), неожиданно заявил Лежневу, что в повести Платонова содержится явный пасквиль на самого Крестоголовченко и что имя и фамилия главного героя, изобретателя-убийцы Петера Крейцкопфа, только, мол, подтверждает это. Крестоголовченко так упорствовал, что Лежнев вынужден был перенести на неделю обсуждение кандидатуры автора «Лунной бомбы» — «до выяснения всех обстоятельств...» Само собой разумеется, Платонов воспринял этот шаг необычайно болезненно и демонстративно забрал свое заявление. В дальнейшем его отношения с Лежневым наладились, он даже напечатал в 8-м выпуске «Селены» вторую часть своего «Эфирного тракта», однако все предложения руководителя «КС» о вступлении он с тех пор решительно отводил.

Еще примечательнее были отношения «Красных Селенитов» с наркомпросом Луначарским. Первоначально тот воспринял ряд заявлений Лежнева на встречах с читателями как выражение «линии» на конфронтацию с установками Лито Наркомпроса; так появилась статья Луначарского в «Творчестве» под названием «Куда прилетел тов. Лежнев?» (1921), а также весьма жесткая рецензия в «Правде» на роман Ан. Чернышева «Гансит (лунный газ)», опубликованный во втором выпуске «Селены».

Роман действительно был довольно необычным. Действие его происходило на Земле, однако в той ее части, где рельеф местности являл собой как бы «лунный» ландшафт. Именно здесь вступали в поединок сыщик Андрей Кравцов и американский предприниматель Джеймс Раулинсон за право обладания новым военным секретом, который сегодня можно было бы определить как биологическое оружие. По существу, «Гансит» был первой в России попыткой создания «экологической» антиутопии («лунный» характер местности был как раз следствием испытания этого нового оружия), однако для 1921 г. тема выглядела столь неактуальной, что казалась насквозь искусственной. Тем более, что в финале романа вещество «гансит» не доставалось нико-

му — ни Раулинсону, ни Кравцову. По мысли автора, применять это вещество нельзя было ни той, ни другой стороне. Основываясь на этом моменте, и выстраивал Луначарский свою «разоблачительную» концепцию рецензии, обвинив автора (и издателей) в «примиренчестве», несовместимом с государственным характером издания. «Вряд ли кто-нибудь мало-мальски разумный будет спорить, — наставительно писал он, — что революцию в высшей степени укрепляет возможность, пользуясь всеми государственными ресурсами, уничтожить контрреволюционную пропаганду и агитацию. Но, судя по роману тов. Чернышева и текущей позиции Госиздата, в чьем ведении находится фантастический альманах «Селена», этого никак не скажешь...»

Надо признать, «селениты» в долгу не остались. К тому времени «КС» уже привлек на свою сторону нескольких видных «напостовцев», а потому сравнительно быстро был опубликован ответ в журнале «На посту», названный «В защиту Анатолия Чернышева» и скромно подписанный «редколлектив альманаха «Селена»» (ответ, безусловно, сочинял сам Лежнев). «Редколлектив», соглашаясь с наркомпросом в оценке характера отличий «пролетарской свободы от свободы буржуазной», в то же время отстаивал свою позицию как публикаторов романа «Гансит (лунный газ)» и предлагал Луначарскому-критику скрестить шпаги с «селенитами» в публичном диспуте.

Подобное предложение не было в ту пору неожиданным. Еще в феврале 1921 г., когда, по горячим следам, был устроен «литературный суд» над академиком Воронцовым, Анной и Хельгом (героями обольяниновской «Красной Луны»), сам Лежнев, которого тогда еще мало кто знал в лицо, выступил в роли «адвоката» Анны, вступив в полемику не с кем иным, как с самим Валентином Фриче, и блестяще выиграл «процесс». Событие это имело определенный резонанс, и Луначарский, конечно, не забыл о нем. Возможно, как раз поэтому он ответил «селенитам» отказом, причем не в письме, а через журнал «Печать и революция».

Любопытное это заявление написано было так, словно его автор решил поиграть в Соколиного Глаза и перенял у индейцев манеру выражаться о себе в третьем лице (впрочем, и у Сталина позднее тоже выработалась точно такая же привычка). Итак: «Критик Луначарский отвечает, что считает себя вправе высказывать какие угодно суждения о каких угодно книгах. (...) Ни в какой публичной дискуссии критик Луначарский участвовать не желает, так как знает, что такие публичные дискуссии г-да «селениты» обратят в еще одну неприличную рекламу для своей группы...» По существу, это был отказ от всякого диалога, но неожиданно для многих это же стало первым шагом к капитуляции. Поскольку всего через две недели после своего «ответа», капитуляция была признана наркомпросом и формально: Лито был расширен еще одним подотделом «Фантастика», куда был приглашен работать член редколлегии «Селены», друг Лежнева критик Григорий Рапопорт.

Что именно произошло между публикацией «ответа» и неожиданным назначением, никто не знает до сих пор. В воспоминаниях Землячки есть смутный намек то ли на закрытое заседание Секретариата ЦК, то ли просто на два телефонных разговора между Луначарским, с одной стороны, и Троцким и Рыковым — с другой. Правда, о характере заседания (или разговора) ничего не известно. Можно только догадываться, какие именно резоны были приведены обиженному «наркомпроду духовной пищи» (как именовал Луначарского Вяч. Полонский). Зато известно, что через два дня после триумфального въезда Рапопорта в свой новый кабинет в особняке, занятым Лито, Лежнев получил депешу от Луначарского. Не от наркома, не от критика, а как бы от простого литератора А. Н. Луначарского — депешу с просьбой о приеме в «КС».

Основанием для приема Анатолий Васильевич просил считать его пьесу-сказку «Василиса Премудрая» (Пг.: Гос. изд-во, 1920). В ней крестьянский сын Иван, покинувший свою Василису, отправлялся в Лунную страну, где и попадал ко двору

царя Фундука, окруженного сонмом магов и халдеев. Велик был соблазн отправить «простому литератору Луначарскому» ответ в таком же стиле, в каком им самим написана рецензия на Чернышева. Но Лежнев был прежде всего политиком. В ответном письме наркомпросу-драматургу он вежливо проинформировал своего адресата, что тот может быть принят в «КС» — при условии, что в последующих изданиях он изымет из текста своей «Василисы Премудрой» всех халдеев и магов, так как «подобный мистицизм совершенно не совместим с природой искусства новой России». Это было откровенно иезуитским ходом, поскольку «Селена» вполне допускала к публикации и сказки, и магов-волшебников в качестве их действующих лиц (меньше всего Лежнев был узколобым фанатиком, он неплохо разбирался в природе литературных жанров). Луначарский стоически снес оплеуху и пообещал сделать все необходимые исправления — после чего был торжественно принят в «Красный Селенит» и через полгода кооптирован в правление с правом совещательного голоса.

Чуть сложнее было с футуристами. По правде сказать, чисто политически Лежневу было выгоднее держать этот пестрый и скандальный народец в оппонентах, нежели в союзниках: практической

пользы от них было немного, зато их возмущенные демарши служили неплохой рекламой. Другое дело, что они раздражали, мешали спокойно работать. Первоначально «Леф» исправно покусывал «селенитов» («Так называемые фантасты! — издавался Осип Брик. — Дайте, наконец, вашей Луне новые цвета, новые очертания. Мы уже знаем, что она голубая. Нам уже объяснили, что теперь она еще и красная (будто это планета

Осип Брик

Марс). В магазинах потребкооперации есть хороший выбор новых красок, мы ждем!...»). Лежнев отмалчивался, спокойно накапливая силы. После очередного демарша Брика в 1924 г., когда он позволил себе несколько довольно оскорбительных высказываний, типография «Гиза», по непонятной причине, повысила «лефам» расценки за полиграфические работы. В то же самое время «Правда» напечатала ту самую подборку Маяковского, на которую рассчитывал «Леф»: журнал вынужден был заполнить освободившиеся страницы рифмованной рекламой.

Еще два-три таких «совпадения» — и «Леф» дрогнул, пошел на попятную, Брик торжественно принес «селенитам» оливковую ветвь мира, напечатав статью «Из Пушкина — Луну!», где предлагал фантастам объединить усилия в борьбе «с кровным врагом — искусством прежних лет, а также с теми, кто необычайно быстро усваивает фразеологию новаторов, ни капельки не изменяя своим прежним верованиям...». Лежнев снисходительно принял мировую и подписал с «Лефом» нечто вроде совместной «декларации» («Наш взгляд на искусство — под углом близко-далеких интересов рабочего класса...» и т. п.). Маяковскому как автору «Летающего пролетария» было даже предложено войти в «КС», но Лежнев сделал свое предложение в такой небрежной форме, что Владимир Владимирович справедливо посчитал ее оскорбительной — и отказался. Собственно, руководитель «КС» и рассчитывал на отказ; в одной команде со столь крупной личностью, как Маяковский, даже Лежнев чувствовал бы себя не очень уютно. В качестве «моральной компенсации» Лежнев опубликовал в 6-м выпуске «Селены» мелкую подборку «лефов», подвергнув их предварительно строгой правке (это, само собой, не касалось Маяковского). Инцидент был полностью исчерпан. «Исперчен», как горько пошутит несостоявшийся «селенит» Маяковский в своей предсмертной записке шесть лет спустя...

Говоря о «Селене», нельзя не сказать подробнее о содержании ее выпусков, последовавших вслед за первым.

Произведения, опубликованные в альманахе, в целом объективно отражали текущий литературный процесс 20-х годов, часто находясь в эпицентре газетных и журнальных споров.

Романы «Старт» Даниила Крептюкова (вып. 2, 1921), «Возвращение Гельмута Саса» Сем. Шпаньяра (вып. 3, 1921), «Лунное затмение» Леонида Полярного (вып. 4, 1922) и большая повесть Александра Зайцева «Разворот» (вып. 9, 1924) стали довольно заметным

явлением в литературной жизни России. (К примеру, «Лунное затмение» сочли своей обязанностью отрецензировать в «Правде», в «Рабочей газете», в журналах «Молодая гвардия» и «Литература и революция» такие заметные критики, как Войтоловский, Ангарский, Друзин и Дейч.) Произведения эти талантливо развивали темы, внедренные в читательский обиход Обольяниновым: путешествия на Луну, возможность существования на Луне разумных существ (организовавших свои социумы по законам той или иной политической системы), разработка недр спутника Земли и т. п. Никто из авторов, похоже, не сомневался, что осуществление «лунного перелета» — дело весьма недалекого будущего, и потому о проблемах грядущего авторы писали как о практически решенных, когда завершение работы тормозится только из-за незначительных деталей. Такая деловитость — на грани «конструктивизма» — публикуемой в «Селене» фантастической прозы производила впечатление.

Подготовка космического старта (в романе Д. Крептюкова) была показана всего лишь как будничная «часть

Обложка журнала ЛЕФ

общепролетарского дела»: быт завода «Лунный скороход», нарисованный автором с большим знанием реалий, был «фантастически» узнаваем, а сама цель (достижение поверхности спутника Земли) придавала тяжелому производственному труду высокий смысл, мелким конфликтам — принципиальную многозначность, неосмысленным и корявым железкам — облагороженный облик будущих частей ракетоплана. Сергей Королев, в юности жадно читавший каждый выпуск «Селены», позже вспоминал о том, что тогда «был абсолютно уверен: ракета на Луну уже практически готова. И мечтал хотя бы учеником попасть на «Лунный скороход» и успеть до старта поглядеть на корабль «Стремительный», а, если повезет, прикоснуться рукой к ребристой стабилизатору...». Даниил Крептюков действительно сумел захватить читателя ощущением работы-подвига, поэтизацией этого едва ли не рабского труда в три смены, без инструментов, с «надо!» вместо отдыха, когда после рабочего дня сил хватает только, чтобы дойти до кровати. («Шатаюсь, вошел в комнату. С усталой улыбкой сказал Кате: «Мы все-таки его сделали... Катюша...») И повалился навзничь, даже не дойдя до постели — все с той же странной, горячечной улыбкой...» — цитирую финальные строки первой части романа «Старт».)

«Лунное затмение» Леонида Полярного (Л. М. Каневско-го) было, собственно говоря, все тем же «производственным романом», только действие его разворачивалось уже не на Земле, а на борту «транспортного ракетоплана «Август Бибель». И работа, стало быть, протекала в еще более экстремальных условиях — правда, еще и в условиях невесомости, позволяющей рабочим сделать то, что немислимо на поверхности планеты. Критики справедливо замечали, что невесомость в данном случае не столько физическое явление, сколько красивый символ «освобожденного труда». К энтузиазму героев «Старта» добавлялось еще и восхитительное чувство легкости — легкости как металлических пластин, которые героям надлежит приварить на место, так и работы вообще. «Лунное затмение» было, вне всякого сомнения, пропаган-

дистским произведением, сочиненным по ленинским лекалам. Но это была очень умная и художественно цельная агитка. Абстрактному понятию из учебника политграмоты Л. Полярный придал конкретные, «вещественные» черты. Во всяком случае, понятие «радостный труд» внедрялось в сознание еще убедительнее, чем даже у Крептюкова. С работой мало было свыкнуться, ее еще надо было полюбить, как наркотик; причем речь шла отнюдь не о творческом или просто осмысленном труде, но о грубом, чисто механическом действии. (Грустный парадокс истории: сам Леонид Полярный погиб еще в те времена, когда страницы «Селены» с его романом не успели пожелтеть, — надорвался на лесоповале в 1939-м...)

В отличие от Д. Крептюкова и Л. Полярного автор «Возвращения Гельмута Саса» Семен Шпаньрь не касался производственных дел, от которых, кстати, был и весьма далек (до 1917 г. автор работал курьером в «Одесском листке», после 1917 г. и переезда в Москву — делопроизводителем в Главпушнине). «Возвращение...» — забавная сейчас и вполне естественная для начала 20-х годов фантазия на тему «мировой коммуны». Гельмут Сас, бывший военнопленный, а затем — коммунистический агитатор в кайзеровской армии, после мировой войны живет в РСФСР, хотя и мечтает вернуться домой, в Германию. Увы, пока у власти «социал-предатели», это невозможно: убежденного коммуниста ждет сфабрикованное обвинение и почти наверняка тюрьма. Чтобы каким-то образом отвлечься от мыслей о родном Гамбурге, Гельмут соглашается лететь добровольцем в составе 1-й Лунной экспедиции. Приключения героев на Луне (обследование кратеров и борьба с чешуйчатыми лунными хищниками) занимают примерно треть книги, зато дальше и начинается самое важное. Из-за свойств «мирового эфира» ракета прибывает на Землю через 15 лет после старта, в 1937-м (по всей видимости, Сем. Шпаньрь что-то слышал об открытиях Альберта Эйнштейна, но это преломилось его фантазией в довольно неожиданных формах). На Земле

герою сообщают, что теперь нет никаких препятствий к тому, чтобы вернуться в Германию. Более того отважный путешественник будет встречен с почетом. Оказывается, за то время, пока 1-я Лунная была в полете туда и обратно, на всей Земле победила пролетарская революция Гамбург переименован в Карл-Маркс-Штадт, а родная улица нашего странника — соответственно в улицу Гельмута Саса.

Последние десять глав романа представляют собой описание поездки Саса и его друга Василия Куркова по обновленной Германии, в ходе поездки многочисленные доброхоты рассказывают друзьям о грандиозных изменениях, которые произошли в стране. Герои (в первую очередь — Гельмут) удивляются и радуются, и еще попадают в занятные переделки, поскольку им трудно еще привыкнуть к коммунизму. Стиль Сем. Шпаньря выглядит несколько легковесным, а тональность повествования — отчасти пародийной, при-

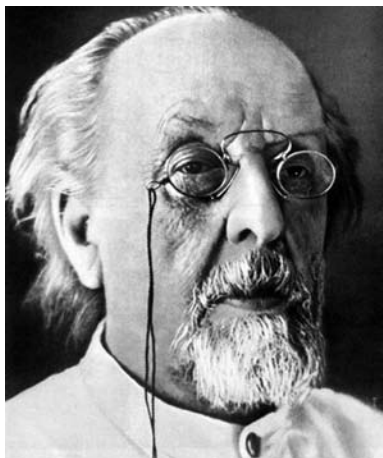

Иллюстрация к роману С.Шпаньря
«Возвращение Гельмута Саса»

чем некоторые описания сегодня кажутся гротескной издевкой. Тем не менее книга, вне всякого сомнения, писалась совершенно искренне. Читателям альманаха «немецкие чудеса» Сем. Шпаньня пришлось по вкусу, отдельное издание разошлось довольно быстро, роман даже был успешно инсценирован в ГосТИМе. В то же время некоторым коллегам писателя роман показался «опошлением великой мечты» или «грубым политическим трюком» (цитирую внутриредакционную переписку «Селены»). В архиве А. Лежнева автору этих строк посчастливилось найти очень злую анонимную пародию «Второе возвращение Гельмута Саса». В ней рассказывалось, как Гельмут, изрядно отупев от пресного дистиллированного счастья коммунистической Германии, решает лететь обратно на Луну, в мир кратеров и чешуйчатых чудовищ. Разумеется, в ту пору этот памфлет никто не решился бы опубликовать.

История, связанная с повестью «Разворот» Александра Зайцева, еще более любопытна. В этих событиях, как в капле воды, отразился несомненный рост влияния, которое приобрели к середине 20-х Лежнев и его «селениты». Сюжет «Разворота» нес в себе некоторые черты все той же «производственной» фантастики, однако куда больше в произведении было традиционной приключенческой атрибутики, позаимствованной автором у Гастона Леру и Луи Буссенара. В ходе эксперимента советских ученых Луна меняет свою орбиту и, благодаря такому «развороту» (отсюда и название), меняется и климат. Действие повести разворачивается в пышных лунных джунглях, куда из-за неисправности двигателя (кстати, «атомного двигателя» — предвидение Зайцева!) прилуняется «капсула» с земными путешественниками, географом Бабятинским и бывшим командиром Красной армии Климом Стрельцовым.

«Разворот» был произведением не вполне самостоятельным. Некоторые детали Зайцев для простоты позаимствовал у Жюль Верна (скажем, Бабятинский — ухудшенная копия Жака Паганеля), некоторые — у Обольянинова (все, что связано с лунными джунглями). В целом же вышла добротная

К. Э. Циолковский

компиляция, которая потом неоднократно переиздавалась Детгизом в «Библиотеке приключений».

Так случилось, что номер «Селены» с повестью Зайцева в том же 1924 г. попал в руки К. Э. Циолковскому. Тремя годами раньше престарелому теоретику ракетоплавания не довелось прочесть «Красную Луну» Обольянинова, зато теперь он прочел Зайцева и пришел в неопишное негодование.

В мае 1924-го Циолковский пишет в редакцию «Известий ВЦИК» гневное письмо на восемнадцати страницах, озаглавленное «Мои возражения на книгу тов. Зайцева». В письме много сильных выражений, возмущенное отрицание «каких-либо джунглей на Луне в принципе, ибо Луна, как известно, атмосферы не имеет», и вывод о том, что «произведение тов. Зайцева, прочитанное нашей молодежью, может дать неточное и даже превратное представление о целом ряде физических и астрономических явлений...» Через две недели в Калугу приезжает вежливый молодой человек, спецпорученец Юлия Стеклова, назвавшийся Сергеевым. Сергеев, разумеется, разделяет негодование ученого и предлагает Циолковскому напечатать его письмо не в самих «Известиях» (оно слишком велико для газеты), а отдельной брошюрой. Циолковский соглашается и подписывает все необходимые бумаги... Много лет спустя, в 1965 г. когда в новое помещение переезжал один из складов конторы «Известий» в Трубниковском переулке, на самом дальнем стеллаже были обнаружены нераспечатанные пачки с этой брошюрой Циолковского — все тридцать тысяч экземпляров. Вернее, 29 987. Десять авторских экземпляров вместе с гонораром

были честно отправлены в Калугу автору, две брошюрки взял себе на память Лежнев, а последняя, видимо, просто затерялась. «Наша молодежь» так ничего и не узнала о том, какое «неточное и превратное представление о Луне» она впитала вместе с книжкой А. Зайцева. Руководителю «Красных Селенитов» не нужен был никакой скандал, тем более с участием столь знаменитой фигуры, как К. Э. Циолковский. Как всегда, Лежнев действовал тихо, точно и результативно. «Селенитам» в те годы никто не помешал, и альманах тоже продолжал выходить без препятствий.

Прежде чем мы обратимся к «пику» активности «Красных Селенитов» (1925—1927) и последовавшему за ним мгновенному закату, необходимо напомнить читателю, что сам Лежнев, хотя и был руководителем-куратором «Селены», в будничную работу альманаха не вмешивался. Все обязанности по редакции и непосредственному ведению альманаха брал на себя другой человек — «хранитель печати» группы «КС», страж Устава, секретарь Приемной комиссии и так далее. Речь идет, конечно же, о Величко.

PERSONALIA: ВЕЛИЧКО

Анастасия Юрьевна Величко родилась 13 января 1890 г. в селе Пырки Самарской губернии в крестьянской семье. Читать научилась только в возрасте 16 лет после того, как переехала с родителями в Самару. Одной из первых прочитанных книг Насти стал роман Герберта Уэллса «Война миров», что, без сомнения, было определяющим моментом в ее биографии. Анастасия работала посудомойкой, много и бессистемно читала, примерно с 19 лет сама начала писать стихи. До революции опубликовала в «Самар-

ском вестнике» четыре подборки стихотворений, в основном эсхатологической тематики, наиболее типичным для Величко можно считать стихотворение «Армагеддон» («Когда трехсотчатые башни // Взойдут огнями до небес, // И черный грач сгорит на пашне, // И Черный Всадник въедет в лес...» и т. д.), в котором весьма любопытно переплелись Уэллс и Апокалипсис. В годы Гражданской войны работала санитаркой в полевом госпитале при корпусе Думенко, где и познакомилась с Лежневым. С момента создания «Красного Селенита» — бессменный член правления «КС», с первого же и до последнего выпуска «Селены» — главный редактор альманаха. Сама в «Селене» никогда не печаталась. До середины 20-х еще пишет стихи, однако маленький авторский сборник «Люди и звери» (М.: Гиз, 1924) критиками дружно признан «упадочническим» (см., например, рецензию С. Городецкого в «Веке» и пр.). Единственное прозаическое произведение А. Величко — повесть «Враги» (1925) — создано было под очевидным влиянием все той же «Войны миров», образы которой причудливо смешались с впечатлениями автора о Гражданской войне. Повесть была издана «Никитинскими субботниками», но, в силу своей необычности, жестокости фактуры и некоей эмоциональной взвинченности тона повествования, особого успеха не имела (любопытно, что захватчики — «лунники» чересчур напоминали «дикую дивизию» Шкуро, только посаженную на аэропланы...). В дальнейшем, несмотря на советы Лежнева, которому в отличие от многих повесть понравилась, А. Величко больше ничего не пишет. Современники отмечали, что, при всем недостатке систематического образования, вздорном характере и необычных житейских поступках, она была отличным редактором, чутким к слову. Политическая ценность того или иного произведения для нее, конечно, имела важное, но не определяющее значение. Сама талантливый художник, она понимала смысл литературного творчества, а потому никогда не диктовала автору. Дмитрий Горбов приводит в своем дневнике фразу Величко, сказанную на редколлегии при обсуждении вызвавшей споры рукописи Сергея Кондратьева «Берлога» (опубликована в 15-м выпуске «Селены»): «Кондратьев слишком художник, чтобы изменить себе. Он скорее изменит революции. И не следует толкать его на этот отчаянный шаг. Считаю необходимым принять во внимание точку зрения самого писателя и печатать повесть в авторском варианте».

После распада «Красного Селенита» А. Величко работает в школьном отделе Наркомпроса, затем в редакции журнала «Литература в школе». В 1936 г. в связи с семейными обстоятельствами переезжает из Москвы в Хабаровск. Вероятно, это и спасло ее от ареста. В Хабаровске А. Величко преподает литературу в средней школе. Умерла в 1947 г. от воспаления легких.

У Лежнева были все основания доверить альманах Величко. Сохраняя ее в тылу, он мог спокойно заниматься литературной политикой, оставив прерогативу занятия непосредственно литературой главреду «Селены».

Начиная с 1925 г., деятельность «Красных Селенитов», и без того благополучно поставленная, приобрела дополнительный толчок. Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», если вдуматься, словно бы специально было принято для укрепления позиций «КС» в стане коллег. Предпочтение, отданное Агитпропом, «не бытописательству, не мелкому копошению в житейской ряске, не мещанскому натурализму, но литературе, преображающей нашу реальность», как бы заведомо предполагало еще более явное сближение позиции государства с декларациями писателей-фантастов из «КС». Недаром умный Валентин Катаев сразу же после постановления поспешил предложить «Селене» свой роман «Повелители железа», а Ю. Либединский, по сообщению «Вечерней Москвы», взялся было даже перерабатывать свою знаменитую «Неделю», вводя туда «космические» эпизоды (к счастью для автора, из этой затеи ничего не вышло).

Лежнев, давно предчувствовавший — и отчасти сам готовивший — такое «время больших удач», действовал по тщательно обдуманному плану. Он не стремился закрепить фазу огосударствления его литературного объединения новыми громкими декларациями и совсем уж несбыточными проектами. Замысел его был внешне неэффектен, но по последствиям мог стать весьма значительным. Выступая 1 марта 1926 г. на заключительном заседании Чрезвычайной конференции Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), он, как и многие ораторы до него, пожаловался на «раздробленность наших рядов» и предложил создать «некую единую ассоциацию — с одной стороны, жестко ограниченную и мешающую проникновению в наши ряды явных классовых врагов и примиренцев, а, с другой стороны, достаточно гибкую, чтобы не оставить

за бортом тянущихся к новой жизни правых и левых попутчиков из числа перековавшихся интеллигентов». «Разумеется, — подчеркивал Лежнев, — всю организационную работу готовы взять на себя те литературные секции, что уже сейчас как бы стоят на пороге грядущего и всех приглашают за собой...» Множественное число («те секции») никого не ввело в заблуждение. Все поняли, кто именно готов был стать «центром творческой консолидации». Виктор Шкловский, присутствовавший на конференции в качестве наблюдателя от «серапионов», писал Тынянову: «Восхищаюсь Лесиком Лежневым и ужасаюсь. Он мягко стелет. Но на самом деле это паровоз, уже раскатавший железнодорожное полотно по нашим головам. Я, например, чувствую, как первая шпала будет прибита первым костылем к моему лысому черепу. Соппротивление бесполезно. Нас мало, и тех нет...»

Далеко не все из присутствовавших на конференции идейных ВАППовцев обрадовались лежневскому предложению. Однако демонстративная поддержка оратора Луначарским и Бухариным (они присутствовали в качестве почетных гостей и начали аплодировать первыми) вынудила недовольных промолчать. Правда, если бы они и захотели что-то сказать, им это вряд ли бы удалось: вел заседание Г. Лелевич, открыто сочувствующий «селенитам». Несогласным просто не дали бы слова...

В 1926 и 1927 гг. «Селена» стабильно выходила шесть раз в год. Лежневу многократно предлагали сделать альманах журналом, однако всякий раз идеолог «КС» советовал не спешить. Будь «Селена» журналом, ей так или иначе пришлось бы вводить раздел текущей критики, заниматься «литпроцессом», полемикой, т. е. демонстрировать свои намерения через печать, как бы предупреждая других. Лежнев же предпочитал действовать сразу и наверняка. Тем более, что в эти годы для «селенитов» настежь были открыты двери любого серьезного издания — не только литературного. Кусачие «налитпостовцы» были давно приручены Лежневым

и, в конце концов, «На литературном посту» сделался исправным и бескорыстным пропагандистом «Красного Селенита»: никого из них, кроме — очень изредка — С. Родова, А. Величко в своем альманахе не печатала.

Очень показателен, например, № 14 «На литературном посту» за 1926 г. В разделе «Классовая борьба и литература» — анализ «литературного сегодня» с неперменными комплиментами «четкой позиции А. Лежнева и его секции». В разделе «Литературная жизнь», среди прочего, — подробный рассказ о самом что ни на есть рядовом заседании Приемной комиссии «КС». Рубрика «Писатели рассказывают» тоже примечательна. С. Буданцев, например, говорит следующее: «Недавно мной закончена повесть «Лунный месяц Рамазан», которая пойдет в альманахе «Селена»...» С. Малашкин тоже делится планами: «Работаю над фантастическим романом «Луна с правой стороны». Первая часть уже прочитана Анастасией Юрьевной Величко и, в принципе, принята в работу...» Примерно в таком же духе сообщает о своих «скромных достижениях» Емельян Ясенов: «Надеюсь предложить свою повесть «Первый шаг» печатному органу «Красных Селенитов». Давно сочувствую этим деятельным и глубоко принципиальным товарищам...» (Заметим в скобках, что «сочувствие» Е. Ясенову не помогло: Величко повесть отвергла, найдя ее слабой и претенциозной.)

Весьма занимательны сообщения под рубрикой «На местах». Здесь можно, например, ознакомиться с размышлениями астраханского библиотекаря о том, что и как читают каспийские рыбаки. «Книга тов. Пильняка пылится на полке новенькая, никто ее не берет. Зато роман Д. Крептюкова «Старт» зачитан едва ли не до дыр. Любит наш читатель зажигательные фантазии «Красных Селенитов»...» и тому подобное. Даже в ответах на только что введенную «напостами» для государственных мужей анкету («Читаете ли вы современную русскую литературу? Какое из произведений последнего времени вам больше всего понравилось?»)»

то и дело мелькают подопечные Величко и Лежнева. Наркомздрав Семашко, скажем, отмечая, что «почти не имеет времени на чтение художественной литературы», все же припоминал «живые энергичные романы фантаста Полярного». В свою очередь, зам. наркоминдел тов. Литвинов, тоже сетуя на недостаток времени, называл, в конце концов, роман «Возвращение Гельмута Саса» — известный товарищу замнаркома, правда, не в оригинале, а по инсценировке у Мейерхольда в ГосТИМе, где роль Саса исполнил Эраст Гарин, а его русского друга — Игорь Ильинский. Примечательно, что тов. Панов, секретарь ячейки ВКП(б) Машиностроительного завода им. Владимира Ильича, счел необходимым отметить маленькую повесть Юлия Шпилевого «Стук в дверь», назвав ее «понятной для рядового партийца». Слова эти тем более удивительны, что автор «Стука в дверь», описывая ужасные черты лунной олигархии (влияние джеклондоновской «Железной пяты» было вполне ощутимо), словно бы предвидел эпоху «Большого Террора». «Стук в дверь» — знак того, что жандармы олигарха Вейла пришли за очередным бунтовщиком, чтобы доставить его во дворец и там казнить. В этой связи замечание Панова о «понятности для рядового партийца» подобного произведения выглядит мрачноватым пророчеством...

Нельзя сказать, что столь частые упоминания «селенигов» и их книг проистекали только из позиции журнала «На литературном посту»: все это, в общем, верно отражало реальность. Произведения фантастов все активнее входили в читательский обиход, медленно вытесняя на периферию внимания многие другие жанры. В том же 1926 г. фантастические повести, романы и сборники рассказов на «лунную» и примыкающие к ним темы издавались в немалом количестве. К примеру, Гиз выпускал «Тени кратера» А. Обольянинова, ЗиФ печатал двухтомник Л. Полярного, «Прибой» публиковал фантастическую трилогию Влад. Соболя «Лунным днем», «Недра» отдельными выпусками печатали «Гансит» А. Чернышева, а «Сеятель», как всегда, паразитировал на

С. Самобытнике, выпуская еще одним тиражом его полу-бульварный «Лунный календарь». В свою очередь, «Молодая гвардия» собирала «фантастическую библиотеку пионера и школьника», куда в первый же том попадал зайцевский «Разворот». Даже солидная «Академия» — и та в том же году выпускала очередное издание «Красной Луны», с комментариями и библиографией.

Дела шли настолько гладко и успешно, что даже осторожный Лежнев наконец решился. В 1927 г. он большим тиражом выпустил в свет сборник своих теоретических статей; на одну из которых возлагал особые надежды. Статья была увеличенным и расширенным вариантом доклада на Чрезвычайной конференции ВАПП и уже совершенно недвусмысленно давала ответ на вопрос: «как нам надо организовать писателей и кому именно следует полностью доверить эту ответственную задачу?».

Эта статья все погубила. Государственная система до поры до времени способствовала возникновению и процветанию «селенитов», но не собиралась позволять одному из «винтиков» стать слишком самостоятельным.

В каком-то смысле дело жизни Лежнева уничтожил сам Лежнев.

PERSONALIA: ЛЕЖНЕВ

Алексей Львович Лежнев (Гринбаум) родился 8 марта 1887 г. в Санкт-Петербурге в семье купца 1-й гильдии Льва Гринбаума. Алексей окончил гимназию, после чего поступил в «Новую жизнь» театральным обозревателем (интерес к театру мальчик впервые испытал, еще когда учился, и даже одно время был занят в «ролях без речей» в Александринке — в спектаклях «На дне», «Уриэль Акоста»

и «Доктор Штокман»). Тогда же и появился псевдоним «Лежнев», ставший фактически фамилией. Перу Лежнева принадлежали сотни статей и рецензий в десятках столичных изданий, он был работоспособен и неутомим. В 1914 г. Лежнев добровольцем уходит на фронт, служит в кавалерии, награжден двумя Георгиевскими крестами. («Былинный» образ русского богатыря Козьмы Крючкова, придуманный в годы Первой мировой войны журналистом «Нового времени» Вельским и ставший, благодаря тысячам лубочных картинок, весьма популярным, как это ни парадоксально, «делался» с Лежнева-Гринбаума, обладателя роскошных казацких усов, бывшего театрального репортера и, безусловно, храброго конника.)

В годы гражданской войны А. Лежнев воюет в 1-й Конной, под началом Думенко. В 1919 г. получает из рук комкора именной маузер «за мужество и революционную стойкость». В 1920 г. возвращается с фронта в Петроград, полгода работает в Петросовете — вплоть до возвращения Обольянинова в Россию. С 1922 г. живет в Москве. Трудно сказать, когда идея «Красных Селенитов» была оформлена Лежневым в конкретную программу литературного объединения, однако несомненно, что встреча «советского Жюль-Верна» и будущего руководителя «КС», состоявшаяся уже в марте 1921 г., сыграла решающую роль.

Кстати, именно благодаря стараниям Лежнева процесс возвращения Обольянинова из «благополучного» Парижа в разоренный Петроград прошел наименее болезненно. Через Петросовет Лежнев выхлопотал писателю дополнительный «академический» паек, а после выхода в Москве 1-го советского издания «Красной Луны» — квартиру на Невском. (В ней Обольянинов прожил до середины 20-х годов, после чего перебрался в новую столицу — и там квартира им была получена по ордеру, раздобытому все тем же Лежневым через канцелярию Совнаркома).

В 1920—1921 гг. Лежнев занят подготовительной работой по созданию «КС», а после 1921 г. и своего выступления в клубе завода имени Зиновьева — уже руководит объединением (руководящее ядро «КС» — в Москве, отделения в Петрограде, Киеве и Екатеринбурге). В эти годы Лежнев пишет значительно меньше, чем до революции, хотя практически в каждом номере «Селены» все-таки выходит по одной его обширной статье. Лежнева увлекает глобальная идея — «объединение всех групп, всех фракций в одно сплоченное ядро, для того чтобы помочь писателям идти к светлому будущему». Основные тезисы этой идеи Лежнев проговаривает на конференции ВАПП в 1926 г., они получают определенную поддержку некоторых видных членов ЦК ВКП(б). В 1927 г. выходит в свет первый — и последний — сборник его статей по

проблемам фантастики и «литературного дела» — «Луна и революция». В 1928 г. Гиз прекращает выпуск альманаха «Селена» под предлогом «острой нехватки бумаги». В том же году Григорий Рапопорт уволен из Лито Наркомпроса с обвинениями в «буржуазной мягкотелости». Сам Лежнев вызван в Агитпроп и узнает там, что «дальнейшее существование объединения фантастов в таком виде, в каком оно существует в настоящий момент, политически нецелесообразно», и что он сам, Лежнев, получает «ответственное партийное поручение» — ехать в Курск для контроля правильности проведения культурной политики ЦК. Лежнев пытается встретиться со Сталиным, пишет ему письмо, дважды телефонирует, но его попытки успеха не имеют. В конце 1928 г. Лежнев выезжает в Курск, а в январе следующего года «Печать и революция» в той же равнодушно-спокойной манере, в какой некогда сообщала о рождении нового писательского объединения, повествует о его «самороспуске в связи с ошибками в руководстве и некоторыми творческими причинами». До сентября 1932 г. Лежнев работает в курском Агитпропе, занимается «культурным обеспечением коллективизации»; в сентябре возвращается в Москву, где определен вторым заместителем ответственного секретаря «Профсоюзной газеты».

С 1932 г. Лежневым не написано ни строки. Он мало с кем общается, большинство бывших друзей и соратников — кто из осторожности, кто стыдясь своего отступничества — избегают его. Воспоминания Б. Михайловского (опубликованы только в начале 60-х) доносят до нас резкие и злые комментарии Лежнева к I Съезду писателей СССР, где в числе выступавших и избранных в президиум было не менее трети авторов из бывших «красных селенитов» или просто публиковавшихся в альманахе Величко (Лежнев, естественно, не получил на съезд даже гостевого билета). В начале марта 1938 г. с формулировкой «скрытый троцкист» исключен из партии и уволен со службы. В ночь на 15 марта 1938 г. за ним пришли. Пока агенты НКВД выламывали дверь, Лежнев застрелился из врученного ему Думенко именного маузера, уже сам факт наличия которого мог бы стать причиной ареста и расстрела. Сотрудники НКВД обнаружили на столе Лежнева (это отражено в протоколе обыска) один из выпусков альманаха «Селена», который Лежнев в последние годы, судя по всему, часто перечитывал. Этот выпуск был раскрыт на первой странице повести Ю. Шпилевого «Стук в дверь»...

Где похоронен Алексей Лежнев — неизвестно.

Если вдуматься, исчезновение с литературного горизонта «Красных Селенитов» было фиктивным. В том же самом месяце, когда «Печать и революция» констатировала смерть популярного литобъединения и прекращение альманаха, при Агитпропе ЦК ВКП(б) был создан неприметный подотдел, в задачу которого входила, среди прочего, «поддержка наиболее одаренных литераторов-фантастов из числа здорового элемента пролетарских, крестьянских писателей и идейно подкованных писателей-интеллигентов» (цитирую по тексту закрытой директивы ЦК ВКП(б) №364/28 от 21 марта 1928 г.).

Курировать этот подотдел было поручено самому Вячеславу Молотову-Скрябину. Благодаря директиве № 364/28 большинство бывших «селенитов» получили возможность, как и прежде, печатать свои романы и повести «лунной тематики», только в других изданиях. Если заглянуть в оглавления литературных ежемесячников конца 20-х («Октябрь», «Сибирские огни», «30 дней», «Молодая гвардия» и др.), если просмотреть по «Книжной летописи» библиографию отдельных изданий, то легко убедиться, что там представлены все те же имена, до того мелькавшие на страницах «Селены». Помимо этого, преемственность аккуратно подчеркивалась и государственными отличиями. Так, в ознаменование одиннадцатой годовщины Октября, «за заслуги в области культуры, искусства и народного просвещения» ценными подарками были награждены, среди прочих, Сем. Шпаньрь и А. Зайцев, похвальными грамотами ЦК за те же заслуги были отмечены Чернышев, Буданцев, Самобытник и, для порядка, Обольянинов.

Судя по всему, Сталин очень внимательно прочитал статью Лежнева и сделал для себя полезные выводы. Во всяком случае, создавая впоследствии структуру Союза писателей СССР с генсеком во главе, Сталин очень много позаимствовал из наработок «главного селенита» (еще более усилив, правда, «надзирательный» момент, органы «контроля и идеологической работы» в лице рабочего секретариата и трех ко-

миссий при секретариате). Сталину пришлось по душе плоды деятельности Лежнева, который всего за несколько лет смог четко сформулировать идею своего объединения, сделал его массовым, влиятельным, подобрал толковые «кадры». В отличие от идеологов сгинувшего «пролеткульта» и всех последующих литературных группировок, суетливо претендовавших на звание «государственных»; в отличие от Л. Авербаха, требовавшего за верность РАППа «генеральной линии» неограниченных благ только для своей ассоциации, Лежнев высчитал ту степень зависимости «селенитов» от государства, которая, оставаясь жесткой и централизованной, имела бы видимость двустороннего сотрудничества. Согласно этой схеме, власть пестовала словно бы не совсем уж «рупоры», «винтики», а как бы добровольных помощников на идейной основе. «Селениты» на первый взгляд ничего не требовали от партии и были на ее стороне бескорыстно. «Передовой отряд писателей» (руководитель «КС» мыслил видеть в первых рядах авторов «фантастического направления») имел бы вид вполне самостоятельной силы — в то время как был бы на незаметном идеологическом поводке. Причем длина этого поводка определялась в зависимости от поведения отдельных членов «передового отряда». Таким образом, внешний декорум был бы соблюден. В этой схеме Иосифа Сталина не устраивало, пожалуй, лишь одно звено — сам Лежнев. Это звено и было безболезненно устранено в 1928 г. «Командировка» Лежнева в Курск была предпринята в тот самый момент, когда на рабочий стол Сталина легла маленькая невзрачная книжка, изданная «Кругом», с каким-то загадочным агрегатом на обложке...

Читатель, конечно, уже догадался, что речь идет о романе «Катапульта» Степана Кургузова.

II. КАТАПУЛЬТА НА СОЛОВКАХ (1929—1932)

Как известно, Степан Кургузов никогда не состоял ни в действительных членах «Красного Селенита», ни в принятых с испытательным сроком; все его попытки опубликовать свою «Катапульти» в альманахе Величко оказались неудачными (главный редактор «Селены» сочла, и не без оснований на то, рукопись графоманской). И тем не менее своим возвышением Кургузов косвенно был обязан Лежневу: ведь именно благодаря его деятельности Сталин всерьез заинтересовался «селенитами» и даже поручил секретарю откладывать для генсека все публикации, так или иначе касающиеся фантастики (в особенности «лунной» фантастики — другой, впрочем, было немного). Борис Бажанов в своей книге «Я был секретарем Сталина» ядовито замечал по этому поводу: «Начиная с середины 20-х, Сталин необыкновенно увлекся литературой «фантастических писателей» (так называемых «селенитов»), которых один весьма энергичный молодой человек по фамилии Лежнев не без успеха сплотил в некое подобие ячейки. Обычная «пролетарская» литература порядком раздражала генсека. И не только потому, что она была скучна безмерно. Любая современная тема, даже раскрытая вполне верноподданнически, содержала скрытый подвох. Трезвый взгляд на «достижения» был, разумеется, невозможен. Но и безудержный оптимизм «производственных» или «кооперативных» романов отдавал откровенной фальшью, что было видно со стороны невооруженным взглядом. Литература же фантастическая, в буквальном смысле этого слова, для Совдепии подходила идеально. Ни один «злопыхатель» не смог бы упрекнуть таких писателей в преувеличениях либо в подтасовках. Эта литература была вся выдумкой, искать в ней меру достоверности и пропаганды было бы действительно глупо. Бригады фантастов можно было безбоязненно отправлять в «творческие командировки» куда угодно — в Туркестан, на

строительство Беломорканала, на Соловки, — и всюду они видели бы не столько реальные мерзости режима, сколько темы для своих убогих «лунных» романов. К тому же партийная поддержка «селенитов» ослабляла позиции РАППа, разрушала громогласные уверения тех, будто бы только они «заведуют всей литературой республики», делала их претензии на лидерство просто смешными...»

На наш взгляд, Бажанов несколько утрирует ход мыслей Сталина. Если согласиться с этими рассуждениями, то вообще непонятно, для чего Сталину потребовалось ждать 1934 г. и только тогда закреплять приоритет «литературы мечты и социалистической фантазии» организационно? К тому же в отношении РАППа и «селенитов» Бажанов допустил явный анахронизм: в 1928 г. когда «Красный Селенит» официально прекратил свою деятельность, РАПП только набирал силу. В этом смысле, скорее, надо согласиться с мнением калифорнийского советолога Германа Елисеева, который в своей книге «Советская литература. 1917—1934» (1963) отмечал: «Сталин позволял литературным группировкам только отбирать и готовить «человеческий материал», выковывать будущих борцов «культурной революции». Как только необходимые «кадры» были отобраны, Сталин ломал чужие структуры, выметал амбициозных лидеров напрочь, находил послушных — уже для своих структур. Ликвидация весьма влиятельных «Красных Селенитов» как группы была лишь репетицией будущего роспуска РАППа; малоизвестный и бездарный Кургузов естественным путем заступал на место сначала Лежнева, а потом и Авербаха...»

Назвав будущего руководителя Секции фантастов будущего Союза писателей СССР, одного из самых активных деятелей его секретариата в 1930—1960-е годы, Степана Петровича Кургузова «малоизвестным и бездарным», американский советолог почти не погрешил против истины. И если первый эпитет оказался преходящим (с начала 30-х годов любой читатель так или иначе слышал о Кургузове), то второй оспорить гораздо труднее.

Подобно сюжетам большинства последующих романов этого автора, сюжет «Катапульти» был прост, как «Правда» 20-х, и, как «Правда» 30-х, кроваваден. Начиналось все с провокаций на польско-советской и румынско-советской границах, причины провокаций объяснялись автором однозначно: «Опять затевали недобитые пилсудчики, науськанные капиталами Англии и Франции, поход против молодой Республики Советов. Опять (? — *Р. К.*) дым стелился над Бугом, и готовы были белогвардейцы всех мастей использовать любую возможность, чтобы задушить коммунизм...»

Сделав такое глубокомысленное вступление, Кургузов переходил к сути дела. Суть состояла в том, что и советская власть не дремлет. В экспериментальной лаборатории профессора Красносельского, расположенной почему-то на Соловецких островах, уже готово оружие «встречного удара» — огромная электрическая катапульта, нацеленная на Луну. В любой момент мощный электрический разряд может изменить скорость вращения Луны, что немедленно скажется на земных делах. Как только появляются первые намеки на интервенцию, могучие приливные волны затопляют Англию, почти всю Францию и половину Северной Америки. На оставшихся частях суши рабочие и крестьяне берут власть в свои руки. После чего разбушевавшаяся стихия успокаивается (это проф. Красносельский повторно выстрелил из катапульти — уже в противоположную сторону Луны). Такова фабула, всем более-менее знакомая.

Оставим в стороне чудовищное техническое невежество Кургузова (занудно описанное им на двенадцати страницах электрическое устройство в действительности бы потребовало всей мощности Днепрогэса и не смогло бы не только сдвинуть с орбиты Луну, но даже поджечь легкую вражескую авиетку... «Селениты», впрочем, тоже беспечно относились к «научным» деталям — хотя они-то и не рекламировали, как впоследствии сам Кургузов, свои произведения в качестве разновидности «мощного инженерного предвидения»). Не будем касаться нравственного аспекта сюжета

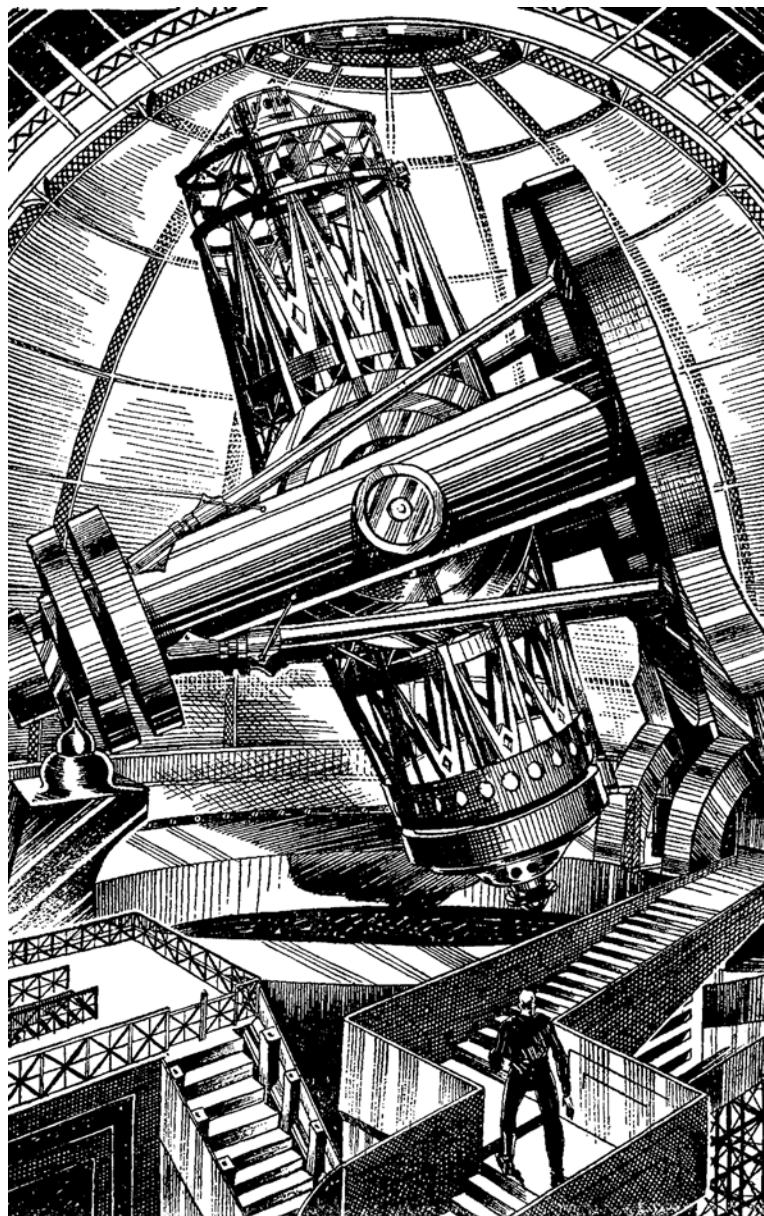

Иллюстрация к первому изданию романа
«Катапульта» С. Кургузова

(гибель миллионов ни в чем не повинных людей ради торжества «мировой революции» в те годы, увы, многим энтузиастам вселенского «пожара в крови» казалась вполне заурядным делом). Но даже в главном своем, литературном, отношении роман «Катапульта» не выдерживал никакой критики. Мало того, что автор сюжет поворота Луны позаимствовал, конечно же, из зайцевского «Разворота». Он еще и умудрился обворовать Обольянинова, выдав целый ряд рабских заимствований из «Красной Луны» за принципиальный спор с ее автором. Скажем, профессор Красносельский выглядел бледным двойником академика Воронцова, причем помощницу профессора звали не иначе как Анна Соколова. Кургузов ликвидировал всякие намеки на психологизм, сделав своих персонажей послушными марионетками в простеньком кукольном спектакле. Если мы помним, у героини А. Обольянинова любовь была все-таки на первом месте, а помощь «революционным селениям» — на втором. Степан Кургузов исправил этот досадный просчет. У него Анна, ради торжества идеалов социализма, легко может пожертвовать собственным мужем, Игорем Соколовым. На первых же страницах «Катапульти» Игорь еще выглядит типичным «расслабленным буржуазным интеллигентом», который уговаривает Анну «не спешить применять это грозное оружие (...) подумать о последствиях». По его словам, «весь цивилизованный мир и так придет к социализму, эволюционным путем, насилие излишне. Красная Армия может стоять на страже завоеваний Октября и без вашей катапульти...»

Сначала Анна, как подобает любящей жене, решает, что ее Игорь добросовестно заблуждается (принципиальный спор супругов занимает всю четвертую и две трети пятой главы). Но затем она — вместе с читателями — начинает подозревать недоброе. Читательские подозрения подкрепляет и шестая глава («В логове обреченных»), которая посвящена совершенно секретному совещанию крупнейших магнатов Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатов. Не мудрствуя лукаво, Кургузов дает этим героям очень простые имена: Уинстон Ливерпулл, Леон Буржуа, Ганс Цумтойфель и Генри Рокфорд. Эти четыре

карикатуры и ведут себя сообразно своим именам — «жадно сверкают глазами», «потирают подагрические руки», «тупо вращают толстыми шеями», обнаруживают «хищный оскал неровных мелких зубов» и под конец поручают своему тайному агенту в Советской России «приступить к решительным действиям» и «разрушить секретное оружие большевиков». Само собой разумеется, их агент по кличке «Хамелеон» — и есть Игорь Соколов, в свое время скрывший и от жены, и от ГПУ, что был поручиком в армии Врангеля. За секунду до того, как шпион собирается нажать на кнопку адской машины и разнести лабораторию вместе с катапультией, Анна стреляет в своего мужа. Катапульта уцелела и включена. Восставший рабочий класс Гамбурга, Льежа и предместий Парижа (сам Париж пока еще под водой) приветствует конницу Буденного. Мокрые «остатки» Польши и Румынии согласны на капитуляцию. Над ратушей Львова поднят красный флаг (случайное и в высшей степени красноречивое пророчество!). Победители поют и танцуют. Господа Ливерпулл, Буржуа, Цумтойфель и Рокфорд пытаются скрыться на импровизированном «Ковчеге» — роскошном дирижабле «Флорида», но натываются на шпиль Эмпайр Стейт Билдинг и гибнут в результате взрыва водорода...

Уже упомянутый Герман Елисеев, пытаясь понять подоплеку увлечения Сталина именно этим романом, пишет о «доктринерской ясности изложения всех предполагаемых событий: провокации Антанты, новое оружие, поражение империалистов в войне, восстание народных масс и т. д. Сталин сам любил четкость и последовательность, не терпел так называемой «интеллигентской расплывчатости». Косноязычный малограмотный Кургузов усвоил только азы политграмоты. Читая «Катапульти», Сталин обнаруживал в авторе искреннего начетчика, повторяющего его же, Сталина, тезисы. А поскольку пропагандист и обязан был быть несколько примитивнее, нежели сам генератор идей, генсек жаловал своего alter ego толикой государственных благодеяний...»

На наш взгляд, Г. Елисеев абсолютно прав. Добавим лишь, что было еще два обстоятельства, способствовавшие тому,

что Кургузов неожиданно для себя оказался под покровительством Сталина. Почему-то мало кто замечал, что одна из любимых фраз генерального секретаря «Кто контролирует Луну, контролирует весь мир» — точная цитата из «Катапульты» (причем, из главы «В логове обреченных», реплика Генри Рокфорда!). Вполне вероятно, что фраза эта дала толчок ко всей космической программе Советской России на полвека вперед: в первую очередь, имеются в виду второй и четвертый «лунные» проекты ГИРДа. Кстати сказать, ГИРД обрел официальный статус и был засекречен как раз в 1929 г. «Наивно-материалистический» (термин Гюстава Бодэ) тип восприятий Сталиным произведений литературы и искусства сказался и в том, что вскоре после того как на стол генсеку легла злополучная «Катапульта», Главное управление исправительно-трудовых лагерей ГПУ СССР спешно приняло программу «реконструкции» Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОИ). Вадим Богущ, переживший Соловки и позднее оказавшийся на Западе, писал в своих мемуарах: «Начиная с 1930-го года, огромная территория, на которой прежде находились хозяйственные постройки лагеря, стала выравниваться по теодолитам и бетонироваться. Заключенные сделали вывод, что здесь будет располагаться секретный полигон, а их самих по окончании работ «активируют» (выражение «отправить на Луну» в ту пору еще не вошло в обиход ээка)...»

К счастью для заключенных СЛОИ, на сей раз Сталину не удалось добиться подлинного единства фантастики и реальности, помешала природа: вывод специальных комиссий Наркомата обороны и Наркомата геологии об «опасных карстовых пещерах и пустотах, делающих непригодной территорию Соловецкой трудовой колонии для строительства аэродрома категории «бис» (так в цитируемом документе, взятом из английской монографии «Космонавтика в СССР», именовался будущий космодром — *Р. К.*)» спас жизнь десяткам тысяч заключенных. Проект был отложен на некоторое время, но отнюдь не отменен.

Впрочем, ни сам Кургузов, ни читатели романа, ни литературные критики ни о чем подобном, естественно, не догадывались. К слову сказать, нелицеприятная рецензия на роман успела проскочить в печать только одна-единственная. В ноябрьском номере «Красной нови» за 1928 г. Иосиф Бескин опубликовал достаточно резкую статью «Всемирный потоп С. Кургузова (по поводу романа «Катапульта»)». В ней, помимо весьма здравых обвинений в научно-техническом невежестве автора («Само собой разумеется, — замечал критик, — что если бы и впрямь придуманная автором катапульта обладала столь разрушительной силой, то первым бы оказался под водой не Париж, а Ленинград...»), содержались и не менее здравые — хотя и очень осторожные — упреки в «чрезмерном количестве жертв», без которых, судя по роману, «тов. Кургузов не мыслит мировой революции».

Отстаивая свой взгляд, Бескин упирал на «все возрастающую сознательность пролетариата всех стран», однако это ему не помогло. В марте 1929 г. «Правда» помещает на первой полосе статью «Об одной вылазке «Красной нови» и ее последствиях». Статья была без подписи, но только совсем уж недалекий человек не узнал бы руку Сталина. «Товарищ Кургузов написал правильный роман, — говорилось в статье. — Правильный идейно, научно и художественно. Роман верен с идейной стороны потому, что ни одна революция не может обойтись без жертв, мировая революция — тем более. Роман верен с научной точки зрения, ибо научное и военное использование Луны — одна из перспективных задач пролетарского государства. Наконец, роман абсолютно верен с художественной точки зрения, поскольку в условиях победоносного наступления социализма в нашей стране классовая борьба будет все обостряться и, стало быть, такие выродки и двурушники, как Игорь Соколов из романа «Катапульта», должны всемерно разоблачаться нашими мастерами пера...»

Высочайшая директива была мгновенно принята. В апреле того же года только что образованная «Литературная газета»

опубликовала статью В. Ермилова «Подвиг Анны Соколовой», где цветистые комплименты в адрес романа Степана Кургузова перемежались со снисходительно-пренебрежительными оценками романа Обольянинова. «Конечно, для своего времени роман «Красная Луна» бывшего графа Обольянинова был полезен и сыграл известную роль, — небрежно замечал Ермилов. — Школьники начальных классов и сейчас могут извлечь из него известную пользу. Однако нельзя забывать, что мы живем уже не в 1921-м, а восемь лет спустя, в эпоху обострения классово-борьбы, активизации врагов и двурушников (таких, как предатель Соколов из романа «Катапульта»), а в перспективе — в эпоху грядущего военного и научного использования Луны. И роман Степана Кургузова потому — волнующе современен, поступок Анны Соколовой исполнен высокого революционного пафоса. Собственно говоря, убивает она не мужа, а шпиона, врага, изменника Родины. Кто осмелится сказать, что она была права?»

И правда — не осмелился никто. Вслед за статьей Ермилова появилось еще десяток-полтора публикаций-близнецов (в журналах «Литература и марксизм», «Литературный критик», «Наши достижения», «Молодая гвардия», «ЛЮКАФ», «Звезда» и др.), где перепевалось одно и то же — «мировая революция в зеркале литературы», «обреченность буржуазной агентуры», «нерушимость наших рубежей», «Луна как символ научного гения Советской страны», «подвиг Анны» и т. д. Роман «Катапульта» сразу был перепечатан несколькими центральными издательствами, расценившими его как «заказ № 1»; коллекционеры раритетов сегодня считают за честь иметь роскошное подарочное издание «Катапульты» (М.: Государственное издательство, 1929), отпечатанное всего пятидесяти тысячным тиражом, иллюстрированное гравюрами Житомирского (ученика Полякова), с послесловием академика Н. Морозова.

Если верить мемуарам Якова Зелинского, чуткий Авербах сразу же после статьи в «Правде» самолично поехал на Сивцев Вражек к Кургузову, где тот снимал комнату, и немедленно предложил ему: 1) квартиру в центре Москвы и 2) место

в центральном правлении РАППа. Квартиру от пролетарских писателей Кургузов согласился принять, членский билет ассоциации, не без колебаний, тоже взял, но вот от руководящей должности в РАПП отказался категорически. Позднее биографы напишут о «скромности молодого литератора» (Б. Левада), о его «желании не ввязываться в окололитературные дрязги, а работать и работать» (С. Нейман), что, на наш взгляд, совершенно не соответствует действительности; доказательство тому — бойкая и именно «окололитературная» деятельность Кургузова после 1932 г. Скорее всего, автор «Катапульты» уже был кем-то предупрежден, что через год-другой РАПП падет. Видимо, поэтому предложение Авербаха он встретил столь отчужденно. «Казалось, он стремился держаться от руководства РАППа подальше, как от заразных больных», — пронизательно отмечал все тот же Я. Зелинский.

Будущее показало, что Кургузов был, в известном смысле, прав — «болезнь» руководящих рапповцев называлась коротко — небытие (большинство из них было расстреляно в 1937—1938 гг.). «Заразиться» этим недугом автора «Катапульты» категорически не устраивало.

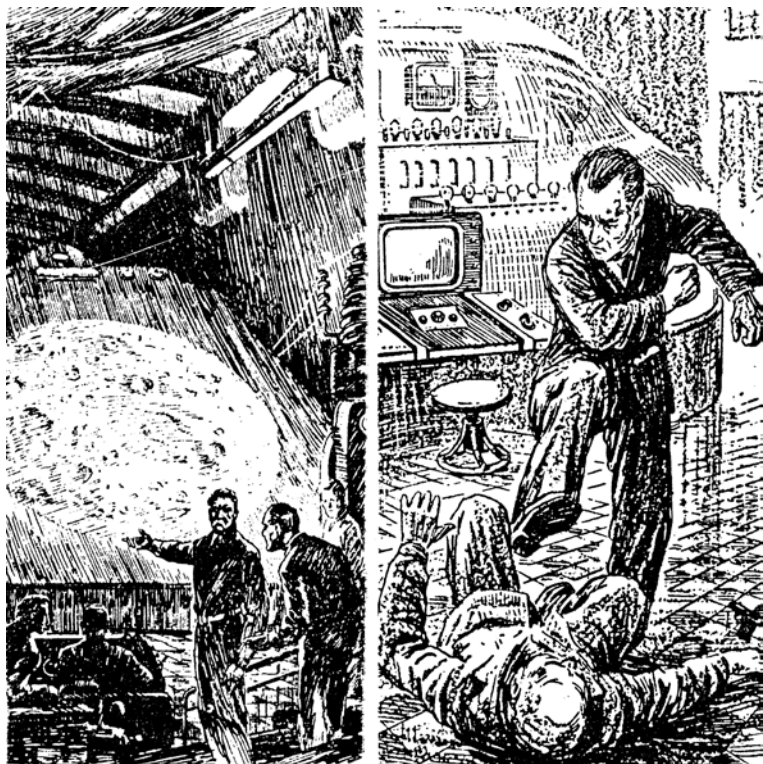
PERSONALIA: КУРГУЗОВ

Степан Петрович Кургузов родился 13 апреля 1902 г. в Твери, в семье столяра-краснодеревщика. Закончил три класса городской гимназии, после чего работал в мастерской отца. В годы гражданской войны служил рассыльным в Тверском губисполкоме, потом некоторое время был начальником Посадской милиции (Тверская губ.). В 1923 г. переезжает в Москву, устраивается наборщиком в типографию им. 25 Октября. Свою новую должность Кургузов

использовал как возможность для самообразования (типография печатала книги по физике, журналы «Электричество», «Природа и мы», «Авиатор» и др.). Однако, судя по его романам, азы естественных наук Кургузов усвоил поверхностно, в точных же почти не разобрался. В 1927 г. он пишет свою «Катапульта», которую напечатать ему удается только в 1928 г. — и то с большим трудом: помогло то, что тесть Кургузова был близким другом коммерческого директора издательства «Круг». (Об этом факте писатель позднее поведал сам в своих воспоминаниях, усматривая в том некий перст судьбы.) Начиная с 1929 г. он увольняется из типографии и в дальнейшем занимается только литературной деятельностью. В принципе, несколько лет автор мог бы жить только на доходы от переиздания «Катапульты» (1929 г. — три издания, 1930 — пять, 1932 — семь (!) переизданий за год и т. п.). Однако Кургузов предпочитает все-таки писать. В 1934 г. появляется новый роман «Конец «Острова Негодяев» (М., изд. 1-е) — своеобразное продолжение «Катапульты». В романе выясняется, что после мировой революции утонули не все капиталисты и прочие эксплуататоры — некоторые из них ускользнули от народного гнева и обосновались на острове в Карибском море. На этом «Острове Негодяев», единственном оставшемся в мире заповеднике заповеди «человек человеку — волк», по-прежнему зреют коварные планы мирового господства, Карл Цумтойфель и Джон Рокфорд — дети погибших в первом романе акул империализма — собирают свою собственную катапульта и решают отомстить мировой коммуне. К счастью, на остров проникает агент Коминтерна Василий Кандыба. Он входит в доверие к Кларе Цумтойфель, сестре Карла (судя по выбору имен героев, Кургузова в момент написания романа неотвязно преследовала известная поговорка про кражу кораллов и кларнета). Дальнейшее понятно: в критический момент, когда катапульта вот-вот будет включена, распропагандированная Василием Клара взрывает бомбу. Чтобы ей помешать, Карл стреляет в сестру из «смит-вессона», но поздно «Остров Негодяев» взлетает на воздух вместе с катапультиой и двумя миллионами населения. Василию в последний момент удается спастись на дирижабле «Сталин», посланном ему на выручку Коминтерном. (Сюжет романа, нелепый до анекдотичности, здесь пересказан только лишь потому, что большинству сегодняшних читателей он неизвестен: роман, правда, трижды издавался в 30—40-е годы, но после 1959 г. — года победы Фиделя Кастро на Кубе — автору посоветовали это произведение пока больше не переиздавать и не включать в собрание сочинений, так как в контексте кубинских событий любое упоминание советского автора об «Острове Негодяев» в Карибском море выглядело бы, мягко говоря несвоевременным...)

В 1932 г. Кургузов входит в оргкомитет единого Союза советских писателей (наряду с Гронским, Билль-Белоцерковским, Вс. Ивановым и др.). В августе 1934 г. избран в правление Союза писателей СССР, возглавил Секцию фантастов. В 30-е годы он много выступает в центральной печати с теоретическими статьями по «проблемам литературной фантастики в русле текущего момента» (в «Правде», в «Известиях», в «Комсомольской правде» и особенно почему-то в «Профсоюзной газете» — возможно, ему доставляет удовольствие, что Лежнев, работая в секретариате газеты, вынужден сам отправлять эти статьи в набор). Наиболее известна его статья «Луна — реальность!» (в «Литгазете»), где он от имени Секции фантастов дает отпор «нытикам и маловерам, сомневающимся в нашем светлом будущем». В 1937 г. появляется роман «Счастливое Завтра», в 1938 — «Упреждающий удар» (издательство Наркомата обороны выпустило роман в «Библиотечке солдата и матроса» тиражом около 2 миллионов

Иллюстрации к роману С. Кургузова
«Конец «Острова негодяев»

экземпляров, точные цифры тиража, впрочем, неизвестны; роман удостоен Сталинской премии 2-й степени 1939 г.). В эти же годы влияние Секции фантастов, руководимой Кургузовым, резко возрастает.

После войны появляется целый цикл, посвященный грядущей «победе нашей науки над тайнами природы», так называемая «лунная серия Кургузова» («Транзит Антарктида — Луна» (1952), «Ловушка моря Лапласа» (1955), «Кратер Браге» (1959) и «Исправленному — верить!» (1961), также несколько рассказов (1960—1962) на все ту же тему). В 1950—1960-е годы активно борется с «чуждой нашему строго и нашей морали зарубежной фантастикой» (статьи в периодической печати, выступления на II Всесоюзном съезде писателей СССР (1954), на I Учредительном съезде писателей РСФСР (1959), на Всесоюзной конференции по вопросам развития литературы народов СССР (1962) и на некоторых других писательских форумах). В июле 1968 г. — он один из авторов коллективного письма «Не надо врать, господин президент!» (в «ЛГ»). В 1969 г. — общественный обвинитель на процессе «группы писателей-антисоветчиков» (Штерна, Малахова, Юрьева, Руденко, Орлова).

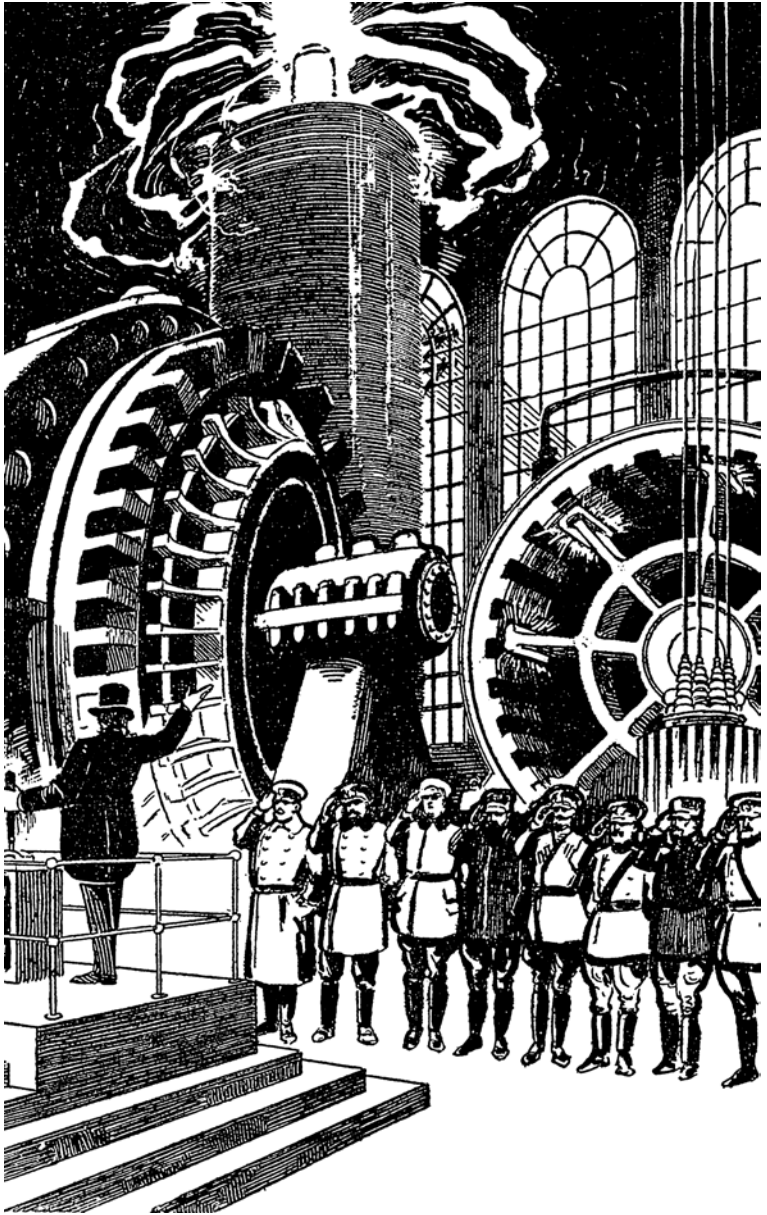
В 1972 г. году к 70-летию со дня рождения удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1978 г. в издательстве «Молодая гвардия» выходит «шпионский» роман-тетралогия «Каракурт» (Государственная премия СССР 1980 г.), после чего больше ни одного прозаического произведения С. Кургузова в печати не появляется. С 1979 г. писатель изредка публикует в периодике статьи, эссе, «заметки по поводу», фрагменты мемуаров. В 1990 г. выходит книга его воспоминаний «Что было, то было».

Степан Кургузов скончался в ночь с 22 на 23 августа 1991 г. от острой сердечной недостаточности, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Легко представить, что роман «Катапульта» сразу же оброс своими почитателями и последователями. В первую очередь речь идет о таких литераторах, как Валерий Маркелов, Анатолий Спирин, Михаил Лодочкин, Андрей Румянцев, Владислав Понятовский и проч. Обидное прозвище «подкургузники», похожее на «подгузники» и на «подкулачники» одновременно (которым их наградила желчный Эмиль Левин), этих авторов, похоже, не смущало. Уже в 1930 г. все они «выстрелили» по роману на тему Луны, нового секретного оружия и мировой революции. Если даже слабейшие из «селенитов» по крайней мере брали за образец талантливый

роман Оболянинова, то «подкургузники» вынуждены были ориентироваться на эстетические и этические нормы, установленные в романе «Катапульта». Соответственно все их «положительные» герои выходили еще бледнее, чем у Кургузова (по сути, превращались в тени теней учебника полиграммы), а «отрицательные» обязаны были еще больше прибавлять по части «кривых улыбок», «отвратительных оскалов» и «бегающих глазок» — не говоря уже про «заплывшие сытые рыла».

В этом смысле особенно обескураживают литературные метаморфозы А. Румянцева и В. Понятовского. Оба они начинали в «Селене» вполне приличными рассказами: первый опубликовал «Историю Той Стороны» (1925), второй — «Бездну» (1927), однако в качестве «подкургузников» оба совершенно деградировали. «Расплата» А. Румянцева (1930) и «Пропуск на Луну» В. Понятовского (1930) — две ходульные вариации на тему «катапульты», еще более плоско-пропагандистские, чем у самого Кургузова. (Пожалуй, из всех «катапультных», условно говоря, романов советской фантастики произведения этих, наиболее приближенных к Кургузову литераторов выглядят особенно беспомощно, очевидно, что будущий руководитель Секции фантастов внимательно отбирал кадры). У Румянцева новое оружие установлено уже на Луне, и оттуда в любой момент может испепелить любой континент (автор, правда, ограничился только Британскими островами — после того как «олигархия потопила в крови восстание шахтеров»; стало ли после такой оказии лучше жить шахтерам — неизвестно). У Понятовского «лунный луч» — нечто вроде лазерного — легко определяет «классовую природу» любого из жителей Земли рабочие и крестьяне от него совершенно не страдают, зато буржуа и капиталисты падают замертво (автор, увы, не прояснил, как же будет воздействовать луч на интеллигентов и прочих совслужащих — очевидно, этот вопрос предполагалось изобретателями оружия как-нибудь утрясти в рабочем порядке). Содержание опусов В. Маркелова

(«Долгая лунная ночь»), Ан. Спирина («Взлет») и М. Лодочкина («Путешествие «ЛК-1») даже упоминать лишний раз не хочется — настолько они художественно беспомощны и политически сервильны. Достаточно сказать, что, например, все «космические снаряды», в которых ученые в романе М. Лодочкина отправлялись на Луну, были названы в честь советских государственных деятелей («Чичерин», «Рудзутак», «Тухачевский», «Ворошилов», «Сокольников» и др.). Эти неуклюжие реверансы уже в конце 30-х годов едва не подвели автора под 58 статью УК. К счастью для него, в последний момент Кургузов все-таки замолвил словечко Ежову и дело против очередного «пособника врагов народа» было прекращено, не успев начаться.

Так или иначе, уже в начале 30-х С. Кургузову удалось набрать достаточный вес в писательской среде и сгруппировать вокруг себя сплоченное ядро последователей (в 1932 г. его собственная «Секция», еще никак официально не оформленная, уже насчитывала свыше трех десятков писателей). Ему даже удалось — хотя это и потребовало определенной сноровки — заручиться поддержкой видных «селенитов», которые после роспуска их объединения и фактического устранения от дел Лежнева остались без видимого прикрытия. Кургузов знал, что многие «селениты» считают его опасным и хитрым интриганом; «селениты» знали, что Кургузов это знает. Однако на некоторое время «сосуществование» всех устраивало: у воспитанников Лежнева были талант и все еще авторитет среди читателей, у Кургузова была поддержка Сталина и ядро будущей организации, которая должна была стать со временем многочисленной и в конечном итоге самой влиятельной. Близился 1934 г. — I Съезд писателей СССР. В ожидании нового штурма Кургузов крепил единство рядов.

III.

«СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ТОВАРИЩУ УЭЛЛСУ...» (1933—1936)

Прежде чем перейти непосредственно к событиям 1934 г., необходимо вернуться на два года назад — в апрель 1932 г. Как известно, Ассоциация пролетарских писателей ненадолго пережила «Красный Селенит»: решение ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля превратило РАПП из живого и деятельного «хозяина литературы Страны Советов» в рядового покойника. Разгром последовал столь молниеносно, что еще какое-то время РАПП, не понимая всего ужаса, с ним происшедшего, пытался конвульсивно дергаться. «Литгазета», например, напечатала довольно-таки «умиротворяющий» комментарий к постановлению ЦК (в следующем же номере дала опровержение, отхлестав самое себя с невиданной силой). «На литературном посту» попытался было осторожно полемизировать с передовицей «Правды» (через две недели журнал был закрыт вовсе). Что касается рапповских вождей, то они, выступая в мае в различных аудиториях, поддерживали решение ЦК, но не очень активно, с оговорками; «признавали свои ошибки», но оставляли себе пространство для маневра. (Реакция на это последовала тоже быстро — экс-вождей тут же задвинули подальше на периферию: Г. Лелевича послали в Дагестан, Л. Авербаха — в Калмыкию, И. Вардина — в Таджикистан, а страдающего язвой С. Родова, словно в насмешку, назначили руководить «Пищевым журналом», скучнейшим производственно-статистическим изданием Наркомата легкой и пищевой промышленности).

Из всех крупных фигурантов РАППа, по сути, в активе остался только один А. Фадеев — и то лишь потому, что в мае успел публично покаяться в «Литгазете» и «пересмотрел свои неверные позиции». Впрочем, несмотря на такую

оперативность не Фадееву суждено было сыграть первую скрипку в Оргкомитете единого Союза советских писателей — том самом, который должен был готовить «исторический» I Съезд. Почетным председателем Оргкомитета, разумеется, стал Горький, а рабочими председателями были назначены И. Гронский и С. Кургузов. Последний и добился, чтобы в Оргкомитет, помимо Н. Асеева, Вс. Иванова, А. Афиногенова и др., попали и его подопечные (В. Маркелов и В. Понятовский), и бывшие «селениты» из его же коалиции (Сем. Шпаньрь, А. Зайцев, Л. Полярный и др.). Таким образом, между фантастами и «реалистами» образовался некий паритет, с перевесом в пользу Кургузова (небольшим, в два голоса). Причем до августа 1934 г. никто и представить себе не мог, чем в конце концов обернется этот «небольшой перевес». Даже сам С. Кургузов, заранее «просчитывая» будущий съезд, в 1932 г. еще не знал всех своих возможностей. Горький поначалу казался ему реальным руководителем всего «объединительного» процесса, сам же автор «Катапульты» до конца 1932 г. видел себя на вторых ролях, тихо интригуя против Гронского. И лишь к декабрю Кургузов вполне четко осознал: классик играл роль красивой ширмы, Гронский — амортизатора, Сталин поставил только на него, Кургузова. И он же дал этому писателю полную свободу действий.

Определенных организаторских и административных способностей у Степана Кургузова было не отнять. Чувствуя за спиной теперь мощную поддержку, он сумел заставить работать на себя большинство провинциальных литвождей, каждому обещая что-то весьма реальное и в то же время неуловимо-туманное (место в Правлении — если оно будет сформировано таким-то, а не таким-то; содоклад на съезде — если обстоятельства сложатся так-то, а не так-то; собрание сочинений в Гизе — если к 1934 г. порядок прохождения рукописей останется таким же, как и раньше, и так далее). От любого своего обещания Кургузов сумел бы потом отречься, ссылаясь на «объективные обстоятельства» (от многих в ходе и после съезда действительно отречься, хотя кое-что и испол-

нил), зато в период подготовки эти посулы были достаточно вескими основаниями для конкретной помощи Оргкомитету.

Переговоры с «пролетарскими писателями» брал на себя лично Кургузов, передоверяя особо капризных интеллигентов-«попутчиков» обходительному и красноречивому Гронскому, тоже очень скоро понявшему, кто в их тандеме главный. Одновременно с этим автор «Катапульты» весьма грамотно муштровал свою преторианскую гвардию, добиваясь от нее высокой производительности труда: их «лунные» романы обязаны были выходить из печати с периодичностью не реже одного названия в месяц (художественное качество Кургузова, само собой, совершенно не волновало — в пору индустриализации был важен валовый продукт, а не кустарные поделки, пусть даже и более высокого сорта). Бывшие «селениты» не могли еще освоить такой темп.

Сем. Шпаньрь, к примеру, сочинял своих «Первопроходцев» (1933) добрых полгода, да еще потом — после двухнедельной командировки в Германию — дописывал к роману отдельные главы о заводах Мессершмидта и о так называемом «реактивном проекте», согласно которому капсула «отстреливалась» от самолета-носителя уже в стратосфере (по жанру роман был «производственно»-шпионским с легким заходом в мировую революцию).

Зато уж «подкургузники» работали, как конвейер. Книжные полки заполнились безразмерными «Приключениями капитана Тарасова», которые Понятовский с Маркеловым сочиняли «бригадным методом». Ан. Спирин даже умудрился, пользуясь доверчивостью издателей, перелицевать «на советский манер» семь томов из «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна, нагло объясняя на читательских конференциях наличие львов и крокодилов в средней полосе России «следствием всеобщего потепления на планете, вызванного внеочередной сменой фаз Луны». Слово «Луна» в сочетании с именами Горького и Кургузова для издателей имело магическую силу, как бы само собой ликвидируя все недоуменные вопросы: по негласному указанию ЦК, уже к середине 1933 г.

проблема «присоединения спутника Земли к территории СССР» с газетных страниц, посвященных литературе, науке и технике, медленно перемещалась на общественно-политические полосы, занимая положенное место рядом с проблемами реконструкции, построения социализма в деревне и освоения Арктики. (В этой связи легко понять, почему, например, в «Правде» мог увидеть свет гневный фельетон на целый газетный «подвал», где разоблачался мелкий американский жулик, посмевавший дурачить обывателя фиктивным «Акционерным обществом по освоению Луны». Вместо того, чтобы посвятить курьезу пять строк в рубрике «Их нравы», газета пресерьезно писала об «империалистической экспансии» и о «покушении на достояние мирового пролетариата» — чьим полпредом, естественно, был СССР.)

Еще не имея технических возможностей распространить свое влияние и на Луну, Сталин планомерно готовил массовое сознание страны к этой очередной и, по его мнению, скорой победе пролетарского государства над силами косной природы, от которой никто и не собирался ждать милости. Грядущий съезд писателей и новая перегруппировка сил литераторов должны были, по мысли Сталина, как раз настроить писателей на соответствующую творческую волну. Они обязаны были помочь генсеку уничтожить границу между настоящим и будущим, между событиями, уже случившимися, и событиями, только еще прогнозируемыми, нереальными, перспективными в лучшем случае. Девизом были избраны строки Маяковского «Вперед, время! Время, вперед!» Реальный объективный ход времени мало трогал генсека — достаточно было перевести часы всей страны вперед и сорвать заранее с календаря побольше листков. Собственно, для этого генсек и предоставил Кургузову карт-бланш. И не ошибся в своем выборе.

К середине 1933 г. Степан Кургузов уже совершенно четко знал, что ему надлежит делать, и никаких колебаний в проведении «генеральной линии» не испытывал. Его самого увлекала эта работа. В июле, когда большая часть подготовительных заданий была осуществлена, меньшая находилась в процессе

разрешения, на повестку дня вновь встал «кадровый вопрос». Вернее, в волонтерах у Кургузова недостатка не было, однако тут требовался определенный шаг вперед. За бывшими «селенитами» в ту пору закрепился, скорее, «приключенческо-»-юношеский фронт работ, «подкургузники» трудолюбиво создавали необходимый культурный фон (или, скажем определеннее, культурную почву, гумус). Теперь же возникла нужда в новом крупном «лунном» романе, который стал бы своеобразным «подарком съезду», знаком боеготовности Секции фантастики Оргкомитета. Из-за недостатка времени Кургузову даже пришлось отставить мысль самому создать такое полотно — оргработа требовала полной сосредоточенности. Впрочем, претендент отыскался довольно быстро. Если Ленин с Чичериным нашли «советского Жюль-Верна» Обольянинова в Париже, то Кургузов обнаружил своего будущего ставленника значительно ближе — в одном из московских собесов, куда зашел по какому-то пустяковому делу.

Вот как по рассказам современников реконструирует это событие американский советолог Агнес Голицына: «Внимание Кургузова, зама Горького по Оргкомитету, привлекла фигура огромного человека, который со свирепыми криками: «Пустите писателя и инвалида гражданской войны!» — прорывался в начало очереди. Вместо правой кисти человека была грубая культя с навинченным железным крюком. Вместо правой ноги был неуклюжий протез. Степан Кургузов, заинтересованный словом «писатель», пробился к скандалисту: «Ну-ка, назовите свою фамилию, писатель!» — представившись, строго скомандовал он. Тот, узнав, что перед ним крупное литературное начальство, быстро стих и послушно отрекомендовался «Шпаковский»...»

Не могу, естественно, поручиться за абсолютную фактологическую точность этой беллетристической зарисовки. Вполне возможно, мемуаристы, на которых ссылается сама госпожа Голицына, несколько утрируют. Однако событие, что называется, имело место.

Это был действительно Николай Шпаковский.

PERSONALIA: ШПАКОВСКИЙ

Николай Александрович Шпаковский родился в 1900 г. в городе Ростове-на-Дону, в семье фабричного рабочего. С четырнадцати лет работает на местной картонажной фабрике, сначала учеником, потом помощником мастера резательного цеха. В годы Гражданской войны судьба забросила Шпаковского на Дальний Восток, там же он потерял руку и ногу. (Обстоятельства, в ходе которых Шпаковский остался калекой, достаточно запутанны. Уже много лет спустя, после 1956 г., появились веские доказательства,

что Шпаковский пострадал отнюдь не от японских пуль — как он писал во всех анкетах, — а просто зимой задремал на посту.) Тем не менее после 1921 г. Шпаковский получает пенсию по инвалидности, живет в Москве. С 1923 г. пробует писать, сначала воспоминания о войне, затем и беллетристику. До 1933 г. автора никак нельзя было назвать преуспевающим писателем: мучительный процесс писания (по трафарету, левой рукой — пишущей машинки тогда у него не было) отнимал много сил, в то время как иступленная работоспособность, к сожалению, не сопровождалась творческой удачей. Оба его романа о Гражданской войне — «Конница» (1927) и «И на Тихом океане...» (1930), с натугой изданные «ЗИФом», — были практически не замечены читателями, а критикой встречены довольно прохладно. Шпаковский не умел строить сюжет, сбивался то на описательство, то на риторику; герои его, как будто взятые из реальной жизни, выглядели травмированными или инопланетянами — словно увечье автора наносило непоправимый ущерб и всем его персонажам. (Позднее, отвечая на анкету «Как мы пишем?» журнала «Огонек» (1936 г.), Шпаковский не без гордости заметит: «Все мои персонажи похожи на меня», и с этим трудно будет не согласиться...)

К моменту знакомства Кургузова со Шпаковским тот впервые попробовал свои силы в жанре фантастического романа. «Вспашка» была закончена в 1933 г.; в начале следующего года, благодаря помощи Кургузова, была издана сначала в журнале «30 дней», потом отдельной книгой в «Молодой гвардии». Роман был высоко оценен прессой — во многом в результате поддержки все того же

Кургузова, чье влияние в писательской среде в это время было уже весьма значительно. Впрочем, судя по тому, что роман получил одну из первых Сталинских премий, эта поддержка была санкционирована на самом верху.

В 30—40-е годы Ник. Шпаковский занимается исключительно общественной работой: избранный членом правления СП СССР, он участвует во всевозможных политических кампаниях. Одно время даже возглавляет комиссию партийной чистки при СП; по мнению многих современников, самоубийство поэта Андрея Соболева и арест нескольких бывших «селенитов» — на его совести.

В конце 40-х, после долгого перерыва, появляется его второй фантастический роман «Начало новой эры» (1948), достаточно традиционное, весьма добротное сколоченное чисто «производственное» произведение на тему «разведки лунных недр». Роман был вновь удостоен Сталинской премии II степени (1949 г.), дважды переиздавался. Однако уже в 1954 г., после смерти Сталина и последовавшего за ней временного ослабления влияния С. Кургузова в СП, разразился скандал. Выяснилось, что настоящим автором романа «Начало новой эры» является Григорий Рапопорт, которому Шпаковский просто пригрозил арестом как «космополиту» и, напротив, пообещал заступничество, если тот возьмется за роман для него. Весной 1954 г. состоялся товарищеский суд Московского отделения СП. Ник. Шпаковский был исключен из Союза писателей СССР (союзный секретариат не утвердил исключение, мотивируя свой отказ боевыми заслугами Шпаковского и его инвалидностью). В 1955—1956 г. «Крюк» — как за глаза называли Шпаковского все московские писатели — ничего не пишет, даже «Докладных»; лечится от алкоголизма в Бутовской больнице. Умер в 1956 г. от цирроза печени.

«Вспашка» — первая и, к счастью, единственная крупномасштабная попытка в советской литературе сделать коллективизацию темой научно-фантастического романа. Смелость автора поражает. О Гражданской войне, которой были посвящены два предыдущих романа Шпаковского, тот знал, по крайней мере, не понаслышке. На этот раз тема «великого перелома в деревне» была перенесена в роман при отсутствии эмпирического опыта автора, исключительно на основе газетных и журнальных публикаций 1930—1931 гг., которые — надо отдать должное Шпаковскому — он довольно внимательно изучил. Возможно, именно поэтому книга

так пришлось по душе Сталину (а значит, и Кургузову): очищенная от бытовых мелочей и вполне реальных бедствий, картина вышла отчасти даже трогательная в своей неповторимой сюжетной ходульности. Луна под пером Шпаковского превращалась всего лишь в одну из союзных республик, куда питерский рабочий Петр Глебов посылался с заданием возглавлять «великий перелом».

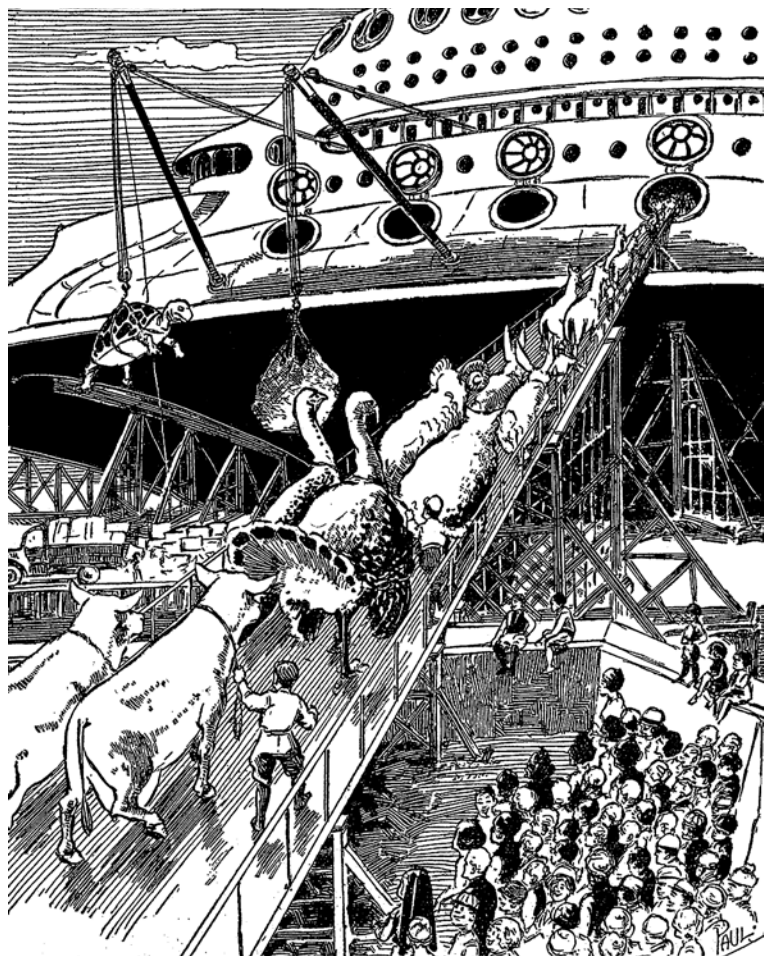

Иллюстрация к роману
Ник. Шпаковского «Вспашка»

Как и предыдущие герои Шпаковского (Ковалев в романе «Конница», Денисенко в романе «И на Тихом океане...»), Глебов должен был являть собой, безусловно, сильную личность, неуклонного борца и проч. И, соответственно, как и персонажи двух первых романов, Глебов превращался в alter ego автора — в странного картонного паяца, конгломерат из комплексов и лозунгов.

Шпаковскому, заметим, не откажешь в некоторых проблесках дарования. Там, где речь идет о той или иной ипостаси «себя, любимого», читать произведение становится даже любопытно. Прилетев на Луну в мифическом «стратолете» (нечто вроде реактивного дирижабля — познания в технике у автора были столь же глубоки, как и у Кургузова), Глебов совершает две вещи: организует в лунном селе Илл (название беззастенчиво украдено у Обольянинова) коммуны и влюбляется в туземку Эл-ли. Причем если первое дело дается передовому рабочему с «Электросилы» без труда, то с аборигенкой ему еще предстоит помучиться: бедняжка любит Глебова, однако поначалу находится в плену частнособственнических инстинктов и не желает переходить в коммуны. Правда, «перековка» Эл-ли в итоге все-таки происходит. Обнаружив, как весело и счастливо живут илл-овцы в организованном Глебовом колхозе, она, скрепя сердце, уступает его горячим просьбам.

Для полноты картины не хватало только классовых врагов, а потому во второй части романа (примерно на двухсотой странице) являются и они. Тут автор проявил некую толику странной фантазии. Оказалось, что антропоморфны у Шпаковского только «положительные» селениты, а отрицательные, враги коммуны, внешне напоминают огромных разумных рептилий, слегка уменьшенных динозавров из учебника зоологии. Логично было бы задаться вопросом, на каких же основах сосуществовали до прилета Глебова и, естественно, до колхоза обе эти расы лунян и почему факт обобществления земли и скота одними стал причиной кровной обиды других. Но Шпаковский и не замечал

таких мелочей. Его выдумка позволила отличать «классовых врагов» от трудолюбивых лунитов-колхозников невооруженным взглядом, а заодно делала наглядным чисто газетный штамп насчет «звериного оскала кулачества». Очевидно, что «классовая борьба», по Шпаковскому, превращалась в геноцид чистой воды: один разумный вид жителей Луны «искоренял», во имя неких довольно абстрактных (да еще и привнесенных Бог знает откуда) идей, другой разумный вид. И все это — под лозунгом построения светлого будущего!

Если бы не изнурительная серьезность, с какой Шпаковский нагромождал свои жестокие выдумки, можно было бы даже предположить, что «Вспашка» — необычайно злой и остроумный памфлет и на «коллективизацию», и на всю пропагандистскую литературу о ней. (Кстати говоря, на Западе, где «Вспашку» оперативно перевели уже в 1935 г., многие и полагали роман закамуфлированной смелой сатирой на сталинский режим; Джордж Оруэлл вспоминал, что свою «Ферму животных» он написал не без влияния романа Ник. Шпаковского.) В принципе, пародийным сегодня выглядит даже название романа, ибо всерьез представить мертвый лунный грунт в качестве объекта вспашки и сева, даже сильно напрягшись, невозможно. Сам же Ник. Шпаковский видел в своем названии, напротив, нечто глубоко символическое — первая борозда, проведенная трактором, знаменовала для автора явную победу светлых сил над темными...

Несмотря на то что критика высказалась о романе очень и очень благожелательно, большинство авторитетных и уважающих себя представителей критического «цеха» (Бахметьев, Горбунов, Полонский, Кирпотин, Субоцкий и ряд других) предпочли промолчать: явно плыть «против течения» они не собирались, но одновременно не считали нужным лишний раз откровенно лукавить. Некоторые из них втайне определенные надежды связывали с предстоящим съездом писателей. Им казалось, что роспуск РАППа, проповедовавшего жесткую дилемму «союзник или враг», есть явление обнадеживающее. Кое-кто даже наивно полагал Кургузова

калифом на час, временной и случайной фигурой, ненадолго возвысившейся только по причине недостаточной адаптации Горького (который сравнительно недавно вернулся из-за границы) к условиям советской страны.

Они, разумеется, глубоко заблуждались.

Собственно говоря, I Съезд писателей СССР обманул очень многие ожидания, а результаты его оказались еще более непредсказуемыми, чем это можно было бы себе представить.

Сам Кургузов, незадолго до 17 августа 1934 г., спровоцировал утечку информации из Оргкомитета, а за неделю до открытия Гронский даже выступил перед писателями Москвы с основной программой будущего форума почти официально. Основываясь на этих сведениях и зная, как примерно проходят рутинные заседания того же Оргкомитета, каждый в меру любознательный писатель столицы или Ленинграда мог с большей или меньшей долей уверенности догадываться о будущем ходе и основных перипетиях съезда.

Казалось бы, не произойдет ничего экстраординарного. Алексей Максимович сделает доклад «об основных направлениях литературной политики». В прениях обещали быть интересными речь Олеси о своей внутренней писательской эволюции, а также полемическое выступление Эренбурга с критикой «бригадного метода» в литературе (все последующие ораторы стали бы сочувствовать «перековавшемуся» интеллигенту Олеше и горячо спорить с недораскаянным Эренбургом). Могли оказаться любопытными доклад Радека о зарубежной литературе (его обязаны были поддержать выступления приехавших на форум западных прогрессивных писателей) и доклад Бухарина о поэзии (Николай Иванович, по всеобщему предположению, собирался высмеять Демьяна Бедного и, как всегда, дать высокую оценку Пастернаку — что опять-таки вызвало бы горячие возражения Суркова, Кирсанова и, конечно, самого оскорбленного Д. Бедного). Доклад Молотова о фантастике и Кирпотина о драматургии не обещали быть особенно интересными: предсовнаркома

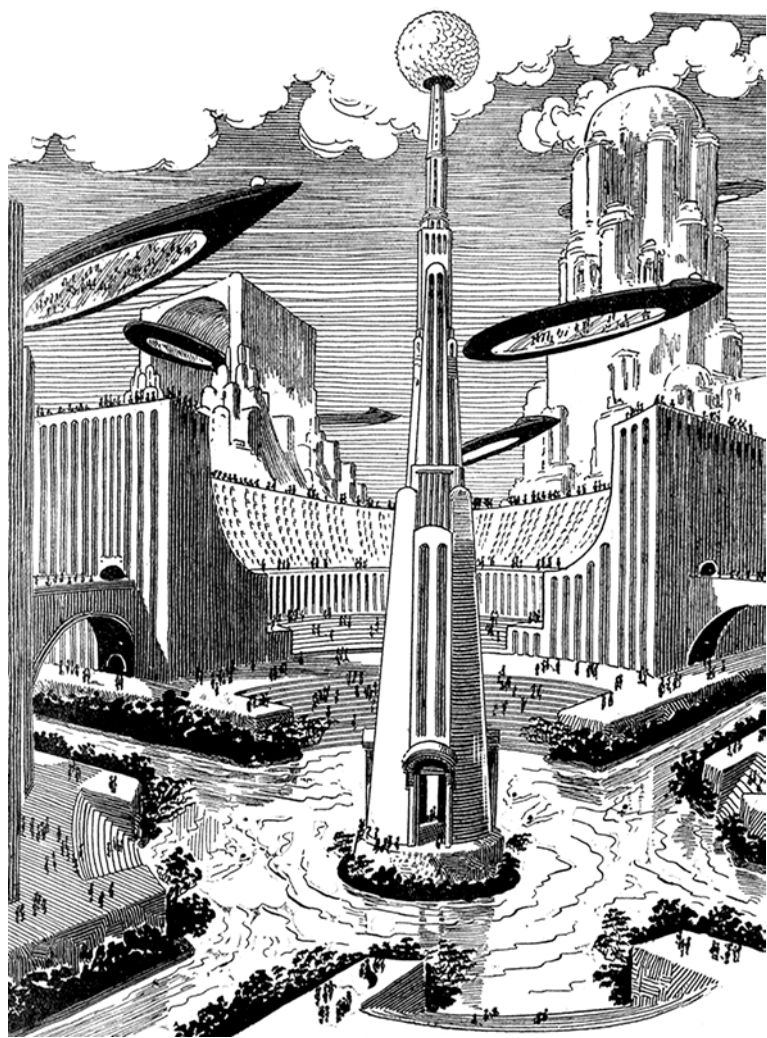
считался не очень хорошим оратором и в литературе, которую ему поручили «курировать», разбирался посредственно; что касается драматургии, то съезд собирался в межсезонье, когда предмета для разговора, по сути, не было (кроме дежурных филиппик по поводу белогвардейцев во МХАТе — спектакля «Дни Турбиных» — ничего нельзя было бы ожидать). По окончании всех прений должны были быть оглашены приветственные телеграммы Сталину и правительству и выбраны рабочие органы нового писательского объединения. После чего съезд должен был бы торжественно закрыться. Называли даже точную дату закрытия — 1 сентября. Съезд и вправду закрылся в этот день. Что до остального, то, хотя многие предположения и оправдались, никто не предвидел главного...

Первое же выступление на съезде — «установочный» доклад Горького — оказался для многих необычным. Уже во вступлении советского классика и признанного основоположника главного творческого метода советских писателей стало кренить в неожиданную сторону. «Для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика — романтика нового типа... — доказывал Горький. — Наша партия была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества! Это не будет утопией, ибо наше завтра готовится планомерной сознательной работой уже сегодня». Такое смещение акцента в сторону приоритета романтического научного вымысла поначалу даже не особенно насторожило присутствующих, которые посчитали эти тезисы обыкновенным старческим чудачеством, если угодно, ностальгической данью памяти своему собственному творчеству периода «Старухи Изергиль». Но Горький этими пассажами не ограничился. Он вдруг стремительно совершил экскурс в далекую историю. «Уже в глубокой древности, — отмечал он, — люди мечтали о возможности летать по

воздуху, об этом говорят нам легенды о Фазтоне, Дедале и Икаре, а также сказки о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах». Можно привести еще десятки доказательств дальнорзости образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей, возвышающихся до таких уже современных нам гипотез, как, например, утилизация силы вращения Земли, уничтожения полярных льдов или, конечно же, промышленного освоения Луны...» (Как рассказывают очевидцы, на последних словах скромно сидевший в президиуме Степан Кургузов позволил себе поднять голову и победно улыбнуться — и многие присутствующие уже начали кое о чем догадываться.) «Значение фольклора, — продолжал между тем Горький, — особенно ярко освещается сравнением его фантастики, основанной на успехах труда, с тяжелой, бездарной фантастикой церковной литературы и жалкой фантастикой рыцарских романов. Буржуазное общество, как мы видим, совершенно утратило способность вымысла в искусстве. И, напротив, социалистическое искусство утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие индивидуальных свойств человека, ради победы его над силами природы. Воображение создает то, что ему подсказывает действительность, а в ней играет не беспочвенная оторванная от жизни фантазия, а вполне реальные причины...»

Выступление Горького завершилось бурными и продолжительными аплодисментами, после чего съезд двинулся в направлении, рассчитанном Кургузовым, те кто ничего не знал заранее, вынуждены были перестраиваться на ходу. Надо признать, почти все сумели сделать это грамотно и даже элегантно. Маршак, к примеру, выступавший почти сразу вслед за Горьким, уже отмечал: «У нас в Союзе есть все необходимое для создания занимательной, небывалой в мире литературы, такого фантастического романа, какого еще не видел свет. Мы не должны рыться в библиотеках, чтобы найти сюжет для эпопеи. Их можно найти в будущем, потому что

будущее нам открывается с каждым днем. Мы не собираемся возрождать в советской стране старую сказку. Нам ни к чему воскрешать гномов и эльфов. Нужна иная книга, сочетающая смелый реализм с еще более смелой романтикой...» Академик Шмидт, говоря об эволюции фантазии, подчеркивал одновременно, что «астрофизика продвинулась колоссально

вперед»; тов. Архангельский, инженер-конструктор ЦАГИ, вторил ему, распространяя горьковские тезисы конкретными примерами «борьбы за скорость, за увеличение грузоподъемности и дальности полета»; выступивший следом тов. Суханов, член делегации V пленума Московского общества изобретателей, желал писателям успехов «в области изобретательства новой литературы, которая должна помочь изобретателям и рационализаторам».

Секретариат умно чередовал выступления собственно писателей и приглашенных на съезд гостей (рабочих, колхозников, ученых), хотя чем дольше продолжались прения, тем больше нивелировались сами выступления. Практически каждый, в той или иной мере, касался будущего и фантастической литературы. Федор Гладков подчеркивал, что «фотографический портрет» эпохи недостаточен, что надо «сгустить образы». Леонов пояснял, что «наше искусство должно в большой степени содержать элементы мечтательности, вооруженные уже не лирой, а безоговорочной верой в победу». Кассиль прямо начинал свою речь со слов: «Товарищи, я буду говорить о бережном отношении к будущему. Мы должны повернуться лицом к будущему...» Эренбург метафорически развивал эту мысль: «Наши иностранные гости совершают сейчас поездку в машине времени. Они видят страну будущего...» Ильин конкретизировал: «Подлинная научная фантастика должна быть основана не на произвольной комбинации известного, а на выводах необходимых следствий из новых условий. Прежде всего, это применимо к книге о будущем. Со всех сторон слышим мы голоса дайте нам еще книг о будущем. Это не случайно. Когда человек идет по лестнице, ему надо видеть ступеньку, чтобы поставить на нее ногу...» Профессор Образцов поддерживал Ильина: «Мы, товарищи, сейчас с нашим транспортом находимся на известном распутье. Это распутье требует от нас полета мысли, новой фантастики. Правда, может, писатель должен быть специалистом, но ведь мы знаем, что как раз фантастика Жюль Верна создавалась все же писателем. Мы, ученые,

можем в этом отношении помочь, но создавать технико-фантастическую книгу все же будут писатели...»

Эти и целый ряд им подобных выступлений порождали благоприятную для Кургузова атмосферу форума, невольно настраивая всех присутствующих на особое отношение к научной фантастике. Прения по докладу Горького завершились характерным в этом смысле выступлением Емельяна Ярославского, которого ранее трудно было заподозрить в симпатиях к научно-фантастическому жанру. Тем не менее он, в частности, сказал: «Говорят, что наша сегодняшняя действительность фантастичнее, сказочнее всякого фантастического романа. Но, товарищи, когда сейчас рабочие строят заводы, когда они ведут героическую борьбу за то, чтобы пятилетку закончить в срок (...), они хотят знать а что дальше, вот через 15–20 лет?»

И я думаю, товарищи, что не будет никакого греха, если мы дадим больше таких произведений, если потом в жизни чуточку окажется не так...» После такой мощной «артподготовки» ожидаемое выступление Молотова должно было смотреться уже совершенно по-иному. Однако Кургузов, похоже, еще далеко не исчерпал своих «домашних заготовок». Присутствующих покамест ожидало кое-что не менее любопытное. На пятый день съезда, на вечернем заседании, после перерыва, председательствующий неожиданно объявил: «Слово предоставляется товарищу Уэллсу...»

Это был настоящий сюрприз. В советской прессе, конечно, Уэллса время от времени поругивали за пацифизм, однако среди читателей авторитет автора знаменитого романа «Первые люди на Луне» был очень высок, и никто не ожидал, что осмотрительный британец решит посетить I Съезд. В предварительном списке гостей имени Уэллса, кстати, и не было, как не были упомянуты и другие фантасты: соотечественник Уэллса Олдос Хаксли (в тогдашней транскрипции Альдус Гексли), а также два американца — Стенли Уэйнбаум и знаменитый автор «Лунной заводи» Абрахам Меррит. Много позже в своих мемуарах, опубликованных в 1990 г.,

Степан Кургузов вспоминал, как непросто ему дались приглашения писателей, которые тогда относились к Советскому Союзу, мягко говоря, не слишком доброжелательно. Гостей (в особенности, американцев) подкупило то обстоятельство, что в СССР — по необъяснимым для них причинам — фантастическая литература начинала все явственнее занимать привилегированное положение. На Западе, при всей ее популярности, она оставалась третьестепенной, развлекательной литературой, зато в Советском Союзе фантастика выдвигалась на передний край. Такого у себя на родине не могли вообразить ни автор «Марсианской одиссеи», ни автор «Корабля Иштар», ни создатель «Человека-невидимки», ни даже ироничнейший творец «Дивного нового мира». (Между прочим, только этим фактом и можно объяснить донельзя снисходительное, почти дружеское отношение целого ряда знаменитых западных писателей-фантастов — кроме, конечно же, Кингсли Эмиса и Роберта Хайнлайна — и к сталинскому, и к хрущевскому, и к брежневскому режимам. Страна, где их любимый жанр пребывал в условиях «наибольшего благоприятствования», в их глазах выглядела уже не таким монстром. Это, впрочем, не мешало нашим идеологам даже мягкую критику позиции СССР зарубежными фантастами считать «идеологическими диверсиями» и искать смертельных врагов там, где они могли бы обрести союзников.)

Точный текст выступления Герберта Уэллса на съезде нам неизвестен. Дело в том, что знаменитый фантаст говорил несколько в сторону от микрофона, потому его английский мало кто мог разобрать даже в первых рядах. Что касается перевода, который С. Кургузов прочел по бумажке после выступления писателя, то там содержались довольно тривиальные пассажи по поводу его давнего визита в Советскую Россию, разговора с «кремлевским мечтателем» и огромном впечатлении, которое-де производит на Уэллса сегодня осуществление планов по электрификации и промышленному строительству. («Вы — страна подлинно научной фантастики, в вашей стране мне было бы трудно

придумать что-то новое, необыкновенное, едва ли не все создано уже вашими руками...» и т. п.) К. Чуковский в своих дневниках высказывал предположение, что текст выступления и текст перевода были не вполне аутентичны: судя по всему, Кургузов не рискнул цензурировать английский вариант, зато внес существенные изменения в русский, усилив элемент «небывалого восторга достижениями». Таким образом, все стороны остались довольны — и Уэллс, который сказал то, что хотел, и Кургузов, который донес до аудитории то, что сам счел нужным. Уэйнбаум, Хаксли и Меррит не выступали. Они просто-напросто копили впечатления, одновременно собирая материал для своих новых фантастических романов (и точно: отголоски съездовских приключений можно — в преображенном виде — отыскать в «Обезьяне и сущности» Хаксли и в «Семи шагах к Сатане» Меррита. Произведения эти, впрочем, до конца 80-х на русский язык все равно не переводились).

Помимо всего прочего, сам факт выступления Герберта Уэллса имел большое пропагандистское значение и весьма поднимал акции Кургузова в секретариате СП. Нетрудно было заполучить на съезд наших друзей и явных единомышленников — таких не очень известных писателей, как Бен Филд, Амабель-Вильямс Эллис или Роберт Геснер. В то время как фигуры Уэллса или Хаксли уже сами по себе выглядели впечатляюще, придавали I Съезду дополнительную респектабельность.

Обещанный в программе доклад Молотова не состоялся. Официально было объявлено, что вместо председателя

Герберт Уэллс

Совнаркома доклад о фантастике сделает сам Степан Кургузов. Скорее всего, Молотов изначально не собирался выступать, заранее и по договоренности предоставив это право С. Кургузову. Замена предполагала, что, таким образом, руководитель Секции фантастов как бы уравнивался в части прав с одним из самых влиятельных партийных функционеров. Причем доклад, сделанный как бы «вместо» Молотова, соответственно приобретал очевидные черты партийной установки.

Ни о чем лучшем Кургузов и мечтать не мог.

Нет смысла подробно останавливаться на этом выступлении: оно всем хорошо известно — многократно выходило отдельными брошюрами и неизменно включалось в любой из томов кургузовского «Избранного». Напомним лишь его основные положения: 1) в эпоху реконструкции, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства научно-фантастическая литература как связующий мост между прошлым и будущим приобретает первостепенное значение; 2) в эпоху все более усиливающихся идеологических атак стран капитала на Страну Советов и возможной военной интервенции оборонный характер литературы вообще и научно-фантастической литературы в особенности становится основополагающим; 3) в связи с вышеизложенным писателям необходимо вплотную приближаться в своих произведениях к так называемой «лунной тематике», ибо Луна, как известно, есть символ одновременно и победившего социализма, и оборонного могущества СССР, а также стратегически выгодный оборонно-наступательный плацдарм для отражения любой агрессии извне; 4) Секция фантастов СП СССР уже немало делает для того, чтобы развивать и совершенствовать этот стратегически важный литературный жанр (в качестве примеров Кургузов упомянул новый роман Ник. Шпаковского и почему-то старый роман А. Обольянинова, а позже перечислил еще множество названий — в том числе, естественно, и свою «Катапульту»), хотя ей, Секции, не помешала бы и дополнительная поддержка.

В отличие от многих предыдущих и последующих публичных выступлений Кургузова, это было прямо-таки талантливым. Его выделяли из всех прочих цельность, четкость аргументации, стройность мысли, минимум отвлеченной демагогии и даже остроумие. Агнес Голицына, чью работу мы уже цитировали выше, предполагает, что доклад, по всей видимости, был написан кем-то из бывших «селенитов» — вероятнее всего, тем же бывшим руководителем отдела фантастики Лито Наркомпроса и будущим автором якобы шпакковского романа «Начало новой эры» Григорием Рапопортом (не зря же он вскоре после съезда был в ускоренном порядке принят в Союз писателей). Возможно, непосредственным автором и стал действительно Рапопорт. Однако нельзя не заметить, что самые важные тезисы выступления благополучно переключались в доклад из известного сборника Лежнева «Луна и революция», в особенности, из выступления Лежнева 1926 г. на Чрезвычайной конференции ВАПП, — разумеется, без малейшей ссылки на автора. В ту пору такое было в порядке вещей.

Формально доклад Степана Кургузова на I Съезде имел только организационные последствия: Секция фантастики в СП приобрела дополнительный статус и к 1936 г. окончательно закрепила его организационно. Фактически же это означало нечто значительно большее — начиналась эпоха прямого государственного покровительства одному из литературных жанров, выдвижение его в число первейших и необходимейших, что сопровождалось корректировкой отношения властей предрержащих ко всем прочим жанрам литературы. «Лунная» тема становилась первейшим блюдом «социального заказа», который оказывался так велик, что его отчасти позволялось исполнять в том числе и тем, кто не умел или еще не был готов работать в жанре научной фантастики.

Исследователи отмечают, что после 1934 г. даже образный строй советской поэзии стал меняться. Поэты еще неосознанно искали свое место в новых творческих условиях:

«Но ты, моя чудесная тревога, // Взглянув на небо, скажешь иногда: // «Он видит ту же Лунную дорогу, // И те же звезды, словно изо льда» (Н. Тихонов); «Молчаливо проходит Луна, // Неподвижно стоит тишина» (М. Светлов); «Луна скользит блином в сметане, // Все время скатываясь вбок» (это, конечно же, Б. Пастернак); «Ты слушал на Луне овсянок голоса...» (а это О. Мандельштам); «Людейников очнулся. Над селеньем // Выходил туманный рог Луны...» (Н. Заболоцкий) и так далее. Можно вспомнить еще «Явление Луны» Анны Ахматовой и целый ряд других произведений самых разных поэтов...

В том же 1934 г. в Москве на чердаке Дома Герцена был установлен платный телескоп, направленный на Луну. Телескоп был плохонький, однако большинство писателей — прежде чем поужинать в ресторане писательского дома — считали патриотическим долгом засвидетельствовать свое почтение спутнику Земли и набраться вдохновения. Сам Кургузов мог не подниматься на общественный чердак, у него на даче в Переделкино в мансарде давно уже был установлен куда более мощный телескоп — подарок делегации писателей-коммунистов из города Йены.

Смотрел в телескоп Кургузов редко, но зато бесплатно.

IV.

ВРАГИ ВНУТРЕННИЕ, ВРАГИ ВНЕШНИЕ (1937—1945)

17 февраля 1937 г. произошло сразу несколько событий, на первый взгляд между собой почти не связанных.

В Москве в Колонном зале Дома союзов начало свою работу Совещание писателей, работающих над произведениями, посвященными оборонной теме. Председательствовали Ставский и Кургузов. В президиуме оказались как члены бывшего ЛОКАФ (Литературного объединения Красной армии и флота) — Н. Асеев, Я. Купала, Ю. Либединский и другие, так и представители кургузовской Секции — С. Шпаньрь, А. Зайцев, В. Понятовский и Ник. Шпаковский. С докладом выступил нарком обороны Климент Ворошилов. Речь его была еще более невнятна, чем обычно. Климент Ефремович много жестикулировал, говорил на повышенных тонах, и из его слов выходило, что писатели-«оборонщики», с одной стороны, должны еще всемернее и активнее направлять свои усилия на создание произведений, отражающих возросшую боеготовность Красной армии и ее возможности в скором времени использовать лунный плацдарм; с другой стороны, те же писатели обязаны были крепить революционную бдительность и не давать нашим классовым врагам за рубежами СССР ни малейшего намека на реальные достижения нашей военно-научной мысли, дабы не допустить разглашения военных тайн, «либо сведений, могущих в исторически обозримом будущем стать таковыми». При этом Ворошилов с похвалой отозвался о работе кургузовской Секции фантастики, «члены которой не тратят драгоценное время и народные деньги на всевозможные поездки по гарнизонам, отвлекающие бойцов и дезориентирующие командиров РККА так называемым «сбором материала», а умеют создавать свои нужные книги, руководствуясь, прежде всего,

теми сведениями, которые всегда можно получить у уполномоченных на местах, а также пониманием насущных требований жизни...»

Авторы-«оборонщики» испытали легкий шок: по сути дела, им предписывалось отныне творить, не выходя из своего кабинета и подстегивая свое вдохновение только тщательно отобранными Политуправлением РККА сводками. И если поэты смогли бы еще вдохновлять свою музу газетами (некоторые уже так и делали), то прозаики и тем более очеркисты оказались в положении крайне сомнительном. Выиграл, как всегда, один только Степан Кургузов, который мгновенно понял, что новая директива способствует очередному укреплению и без того сильных позиций практикующих писателей-фантастов (ведь и раньше почти все из них прекрасно обходились без командировок куда бы то ни было). В своем коротком ответном слове Кургузов пообещал от имени Секции крепить боеготовность, зорко охранять рубежи и секреты и «обеспечить население самыми лучшими научно-фантастическими романами, какие только способны создать наши отважные бойцы литературной передовой».

В тот же день был официально упразднен ГИРД. В коротком сообщении «Правды» говорилось, что «ликвидация одной из неперспективных отраслей современного авиационного строительства дает возможность шире развивать все остальные отрасли». (Получив по каналам ТАСС такую информацию, редактор «Правды» Поспелов, на всякий случай, счел своим долгом еще раз уточнить в Наркомате обороны — действительно ли это сообщение предназначено для открытой печати, нет ли здесь ошибки? Как вспоминает Игорь Сапунов, бывший тогда заместителем ответственного секретаря газеты, из Наркомата ответил сам Тимошенко: немедленно печатать и не задавать лишних вопросов!) Одновременно с ликвидацией ГИРДа тут же был образован — и вот об этом нигде не сообщалось ни слова! — второй Наркомат авиационной промышленности. В отличие от первого он подчинялся непосредственно Сталину, и до 1954 г. даже Ильюшин

и Лавочкин не подозревали, чем же именно занимается наркомат-«дублер».

В тот же день были арестованы два ведущих сотрудника ГИРДа — Сергей Королев и Вадим Бармин. Внешне процедура ареста проходила как обычно. Только много лет спустя писатель Виктор Ильенков, живший в 30-е годы на одной лестничной площадке с Барминым, в интервью газете «Московские новости» рассказал о некоторых странных подробностях того давнего события: против своего обыкновения, сотрудники НКВД явились не ночью, а утром, часов около восьми. Вместо того чтобы «изъять» свою жертву незаметно и тихо, агенты наделали много шума — разве что только не стреляли в потолок. Во всяком случае, крики энкаведешников были слышны во всем подъезде в течение почти получаса, как раз в то время, когда большинство обитателей дома собирались на работу и не могли не обратить на них внимание. (Примерно через неделю после ареста стали распространяться упорные слухи, будто и Королев, и Бармин расстреляны в тот же день; это было довольно странно, поскольку обычно НКВД в те годы даже настоящие расстрелы предпочитал скрывать под псевдонимом «десять лет без права переписки».)

В тот же день в нескольких десятках километров от столицы Украинской ССР Киева, на речке Припять, был огорожен колючей проволокой обширный участок под совершенно секретное строительство. Для рабочей силы начали строиться бараки, напоминающие лагерные.

Это был будущий «объект» под кодовым названием Киев-17. Именно здесь и должен был начаться первый этап практической реализации так называемого «Проекта-К». Только Сталин, Ворошилов и еще считанное количество высших армейских чинов знали, откуда взялась эта буква «К» — она означала сокращение от «Катапульта», любимого Сталиным романа Степана Кургузова...

Немалая часть западных советологов, исследовавших в 60—70-е годы феномен Большого ТERROR (работы Роберта

Конквеста, Сиднея Линка, Малькольма Такера и других), склонны были считать его явлением почти иррациональным. Его «политическая целесообразность» казалась несоизмеримой с количеством жертв, а «экономическая рентабельность» («выгода» дармового труда заключенных) почти аннулировалась тем, что одновременно оголялись важные участки промышленности и науки — как результат массовых репрессий против квалифицированной части рабочего класса и интеллигенции. Пожалуй, только некоторые детали рассекреченного в начале 90-х злополучного «Проекта-К» кое-что проясняют в глобальных намерениях Иосифа Сталина, чья гигантомания, видимо, все-таки была разновидностью политической шизофрении; хотя, конечно, следует согласиться с видным исследователем тоталитарной культуры Игорем Голомштоком: и в СССР, и в Третьем Рейхе идеологическая гигантомания была чрезвычайно заразительна на всех уровнях и уже к концу 30-х приняла характер явной пандемии. (Циклопические павильоны СССР и Германии на Всемирной выставке, похожие как двойники, были лишь зримым выражением болезни, охватившей обе страны.) «Лунная» утопия Сталина прекрасно вписывалась в эту картину. Идеей заполнить в свое распоряжение естественный спутник планеты и, таким образом, «держат под контролем любую территорию», оставаясь невидимым и практически безнаказанным, Сталин был одержим до конца своих дней и сумел заразить ею даже более трезвых своих преемников и последователей.

Как правило, формируют тот или иной расклад социально-экономических возможностей общества реальные научные и производственные достижения. В нашем же случае все должно было произойти наоборот: сам генсек формулировал «потребности» социума, прикладная наука должна была в кратчайшие сроки любыми средствами обеспечить их реализацию, промышленность — воплотить утопию в километрах и тоннах, а литература — художественно обосновать предстоящее и уже сделанное (не воздвигая между тем и другим четкой преграды). Как и всякий гигантский про-

ект, проект «Катапульта» требовал от широких масс однородности, бездумного послушания и энтузиазма; вот почему первыми жертвами Большого Трора стали интеллигенты самых разных политических убеждений, от монархистов до коммунистов. Их несчастьем было то, что они потенциально могли начать возражать. Тот факт, что будущие лагерные «единички», задействованные в проекте в количестве сотен тысяч человек, покидали свои рабочие места в других, более важных для страны отраслях, отнюдь не было для генсека первостепенным. Мономания легко влияла на «перемену мест» — третьестепенное и просто фантазийное выходило на первый план и воспринималось как самое главное. Собственно говоря, этим отчасти и можно объяснить причины трагической неподготовленности СССР к войне 1941—1945 гг. Любые попытки самых сведущих военачальников хоть что-то объяснить Сталину, доказать, что в данный момент германская угроза поважнее будущего освоения спутника Земли (доклад Эйхе, рапорт Уборевича, служебная записка Тухачевского — последняя, кстати, сохранилась в архиве ЦК, первая страница перечеркнута красным и сталинской рукой выведено «Сволочь!»), приводили только к известным трагическим последствиям для самих военных. Горькая шуточка комкора Примакова, оброненная им в кулуарах Академии генерального штаба, о том, что нарком Ворошилов, по своему невежеству, наверняка считает, будто до Луны можно доскакать на тачанках, стоила трибунала и самому Примакову, и всем тем, кто его слушал и не донес.

Как это ни странно, только случайность не позволила заранее обезопасить Британские острова от налетов гитлеровских реактивных снарядов «ФАУ», унесших впоследствии так много человеческих жизней. Дело в том, что первоначально агентурные данные и аэрофотосъемка секретного немецкого полигона в Пенемюнде очень насторожили Сталина. Он вообразил, что Гитлер разрабатывает свой собственный лунный проект. К тому же экспертная справка, полученная Сталиным из второго Наркомата авиационной промышленности

(есть свидетельства, что писал ее «расстрелянный» Сергей Королев, работавший тогда над новым реактивным двигателем на твердом топливе), могла показаться угрожающей. А вкупе с представленными разведкой материалами на Вернера фон Брауна — и вовсе зловещей. Вплоть до весны 1939 г. операция «Ганзель и Гретель» готовилась Разведупром во всех деталях. Было уже завербовано двое рабочих и один инженер в Пенемюнде, были уже определены места, куда будут заложены радиоуправляемые фугасы, продумано прикрытие. Лишь в марте 1939 г. радист группы Шульце-Бойзена в Германии передал в Центр подтверждение, что в Пенемюнде готовится не космический проект, а только оборудуются площадки для запуска малых реактивных снарядов, нацеленных на Англию. Информация была тщательно перепроверена, подтвердилась — после чего Сталин мгновенно потерял интерес к этому объекту. Позднее крупнейшие наши разведчики Леопольд Треппер (в книге «Большая игра») и Шандор Радо (в книге «Под псевдонимом «Дора»»), не сговариваясь, назовут отказ от идеи уничтожить в 1939 г. стартовые площадки и заводы Вернера фон Брауна едва ли не самым крупным просчетом за всю историю советской разведки.

Так случилось, что через два года взрывать все-таки пришлось — только уже наш собственный «объект»: тот самый грандиозный «аэродром-бис», что начали строить в феврале 1937 г. и должны были окончательно завершить к июлю 1941 г. Под угрозой быстрого немецкого наступления Сталин вынужден был отдать приказ уничтожить Киев-17 полностью — военный городок, все технические постройки, взлетно-посадочные полосы для транспортной авиации, корпуса всех восьми заводов, главную стартовую площадку, склады... буквально все. Взрыв был так силен, что на огромной территории произошло смещение грунта и возникла трещина базальтовой плиты на глубине. В апреле 1986 г., когда на этом месте уже располагалась АЭС, давние события сыграли свою роковую роль...

Однако не будем пока забегать вперед. Вернемся вновь в 17 февраля 1937 г. к еще одному небольшому событию. Во второй половине дня, после закрытия пленарного заседания Совещания писателей-«оборонщиков», из секретариата СП Кургузову передали почтовую бандероль. Пакет был отправлен из Свердловска и адресован Кургузову лично. Внутри него Степан Петрович обнаружил рукопись романа. Роман назывался «Границы неба».

Сейчас трудно сказать, почему это произведение малоизвестного провинциального автора привело С. Кургузова в такой восторг. Возможно, первостепенную роль сыграл непосредственно сам сюжет произведения.

Действие романа разворачивалось, естественно, на Луне, а главными героями стали пограничники — военнослужащие энской заставы, расположенной близ энского кратера. Границы, собственно говоря, поблизости не было, ибо вся Луна находилась под контролем СССР и лишь непростые погодные условия (холод, ветры-суховеи, зыбучие пески и т. п.) на некоторое время откладывали процесс полного заселения Луны с превращением последней в цветущий сад. Граница находилась на Земле. Но на Земле ее могли защитить от неожиданного вторжения интервентов только сухопутные заставы, от проникновения вражеской авиации — воздушные кордоны. Лунные пограничники охраняли СССР от вторжения зарубежных захватчиков непосредственно через космос: тема, ставшая традиционной через полтора-два десятка лет, в конце 30-х была у нас еще практически не освоенной.

Между тем в выборе сюжета не было никакого особенного открытия: если Луна в массовом сознании уже воспринималась как форпост СССР, то следующим шагом было, естественно, предположить, что там будет наша погранзастава — такой, какой она представлялась писателю из глубинки России. Строго говоря, в романе уже изначально мог быть заложен один серьезный идейный просчет. Ведь если пограничники действительно были поставлены для того, чтобы не допустить экспансии классового врага из зарубежных стран

через космос, — следовательно, молчаливо признавалось, что и враг уже обладает достаточным техническим потенциалом, чтобы самому покуситься на пролетарскую Луну! А вот это уже совершенно не вписывалось бы в концепцию нашего изначального приоритета в этой области. К счастью, сам автор словно предвидел подобные вопросы и придумал ответ: на протяжении всего романа так и не случилось ни одной настоящей боевой тревоги — все тревоги были учебные. Это, с одной стороны, показывало нашу готовность к любому отпору, а с другой — не давало оснований утверждать, будто наши противники и вправду имеют возможность напасть на СССР таким вот экзотическим для 30-х годов образом. По этой самой причине наш первый «военно-космический» роман был одновременно и самым мирным: пограничники уходили в дозор и приходили с дозора целыми и невредимыми, не истратив ни одного боевого винтовочного патрона (если не считать учебных стрельб).

Все приключения персонажей тоже выглядели вполне патриархальными: один раз боевой взвод заблудился в пурге, другой раз любимец заставы, частушечник и гармонист Иван Краснощеков едва не утонул в зыбучих песках, но его тоже спасли, и так далее. Ткань романа состояла из чередующихся «бытовых» эпизодов (чай из самовара в караулке, обсуждение свежего номера «Правды», привезенного страпопочтой, чтение писем из дома и тому подобное). Единственный трагический эпизод был тоже в духе сюжета: из письма, полученного от подруги своей невесты, пограничник Семен Рябов узнавал, что его Анна решила выйти замуж за другого. Первоначально несчастный Семен даже намеревался было покончить с собой, однако одумывался: как же он может лишиться себя жизни, когда тут, на посту, его некем заменить? Эта мысль придавала герою силы, и он отказывался от своей пагубной затеи. В дальнейшем выяснялось, что подругино письмо на самом деле было злым наветом: Анна верна Семену и будет ждать его возвращения. Помимо этого автор делал своему герою еще один подарок. Именно

Иллюстрация к роману В. Курицына «Граница неба»

во время дежурства рябовского боевого взвода и происходит торжественное и важное событие. Впервые за весь роман тревога оказывалась не совсем учебной, однако — как понимал позже читатель — и не боевой. Луну в финале романа посещают с дружественным визитом космические гости — пришельцы с Сириуса. Там, откуда они прибыли, давно установилось всеобщее равенство и братство, победила социальная революция. Гости желают пограничникам того же и в качестве дара оставляют сувенир, который им теперь совсем без надобности, а Советской стране очень сгодится: мощную электронную пушку, нечто вроде кургузовской катапульты. Отныне ни один захватчик уж точно не сможет покуситься и вторгнуться в наши пределы.

На этой донельзя оптимистической ноте роман заканчивался.

Вероятнее всего, произведение очень устроило С. Кургузова потому, что было, казалось бы, специально создано в ответ на только что высказанную просьбу Климента Ефремовича. Публикация «Границ неба» сразу же после оборонно-литературного совещания стала бы важным тактическим шагом руководителя Секции. Буквально в тот же день Степан Петрович связался с директором издательства «Молодая гвардия» и настоятельно предложил опубликовать «Границы неба» вне очереди. Такая оперативность вызвала, конечно, известное недовольство «подкургузников» — в первую очередь, Ник. Шпаковского, который самым тщательным образом конспектировал речь Ворошилова, надеясь в дальнейшем как-нибудь превратить ее в роман. Правда, кроме Шпаковского, никто не рискнул открыто выказать недовольство, а предусмотрительный Понятовский даже посчитал необходимым лично засвидетельствовать шефу Секции свое восхищение рукописью (которой, кстати, и не читал за недосугом).

Через три недели — очень короткий срок для «Молодой гвардии»! — сигнальный экземпляр был готов. Кургузов, зная пристрастия генсека, почти не волновался, посылая ему экземпляр «Границ...». Но все-таки он не без волнения вскрыл

три дня спустя конверт, доставленный в Союз писателей спецпочтой. Письмо было довольно лаконичным. Сталин писал (цитирую по собранию сочинений И. В. Сталина, т. 32): «Кто автор? Надо поощрить, тов. Кургузов! Книга хорошая, нам нужны такие. Распорядитесь, чтобы роман попал в библиотеки воинских частей и особенно погранзастав. Как только этот автор напишет еще что-нибудь, дайте мне знать. С удовольствием прочту. С комприветом — Сталин. 13 апр. 37».

Первый вопрос сталинской записки интересовал и самого Кургузова. Он распорядился направить автору «Границ...» официальное приглашение переехать в Москву. («Вам будет оказано всяческое содействие», — говорилось в том приглашении.) После чего Кургузову оставалось только ждать, когда новая надежда советской фантастики прибудет в столицу.

Если бы Степан Кургузов хоть немного был знаком с этим человеком, его ожидание, вероятнее всего, было бы отнюдь не радостным, а даже очень тревожным.

Ибо роман «Границы неба» написал никто иной, как Вячеслав Курицын.

PERSONALIA: КУРИЦЫН

Вячеслав Михайлович Курицын родился в 1896 г. в Екатеринбурге в семье горного инженера. Окончил реальное училище и затем два курса Санкт-Петербургского горного института. После чего был изгнан из учебного заведения «за проступки, нарушающие Устав института» (хитроумное устройство, сконструированное Курицыным и подброшенное в плевательницу туалета для господ преподавателей, стало возвращать каждый плевок в физиономию тому, кто решался воспользоваться «заминированным» сосудом).

Вячеслав не стал задерживаться в столице и возвратился на Урал. Призыва на войну 1914 г. сумел избежать, в гражданской войне тоже не участвовал ни на одной стороне, умело ускользнув и от красных, и от колчаковских вербовщиков — оба раза обе полевые призывные комиссии вручали ему освобождение от службы с одной и той же, почти швейковской формулировкой: «Призыву не подлежит. Страдает врожденным слабоумием». Перед колчаковцами Курицын вдобавок еще мастерски разыграл приступ «пляски святого Витта» и получил не только право не служить в армии, но и право беспошлинно торговать всякой мелочью на городской толкучке. (Последнее, кстати, помогло ему в годы войны содержать родных — отца и младшего брата-гимназиста.) Литературой Вячеслав увлекся в двадцатилетнем возрасте, отдавая предпочтение «серебряному веку»; писал стихи, последовательно пройдя через Бальмонта, Северянина, Гумилева и раннего Маяковского. В 1923 г., в пик столичному рапповскому журналу «На посту», основал свой журнал, который принципиально назвал «Пост Модерна». Вышло два номера, причем оба были заполнены одними собственными произведениями Курицына — стихами, прозой, эссеистикой. В своем журнале автор выступал, естественно, под разными псевдонимами: «Владимир Сорокин», «Михаил Эпштейн», «Игорь Преображенский» — и даже какой-то «Ролан Барт». Под именем Барта Курицын и написал несколько умопомрачительных эссе, что способствовало в конце концов прекращению выхода журнала: в свердловском наркомпросе, под чьим попечением издавался «Пост Модерна», сообразили вдруг, что журнал вовсе не «культурно-просветительный ежемесячник для молодежи», как аттестовал свое издание молодой редактор. «Дураки! Мы опережали время!» — сказал на прощание наркомпросовцам Курицын и сделал стойку на голове, после чего прозвучавшее было со стороны местных деятелей народного образования предложение занять вакансию директора одной из вспомогательных школ отпало само собой.

До середины 30-х Вячеслав Курицын работает хроникером в свердловской комсомольской газете «На смену!», причем дважды был на грани увольнения и передачи дела в суд: первый раз после статьи «По следам бородатой женщины» (за последнюю он, два месяца мороча местных естествоиспытателей — не говоря уж об обычных совгражданах! — выдавал своего приятеля, бородатого художника Шмидта). Второй раз — после информации о том, что бывший вице-губернатор Екатеринбургa будто бы не умер от апоплексического удара в 1918 г., а заснул летаргическим сном, был складирован в подвале местного почтамта и через пятнадцать лет начал проявлять призраки жизни. Допрошенный в НКВД, Курицын клялся, что самолично обнаружил тело вице-губернатора, когда

разыскивал в подвале затерявшуюся посылку, в качестве доказательства своей правоты то и дело предъявлял старенькую справку о врожденном слабоумии. Шутка едва не кончилась арестом и политической статьей, поскольку Курицын по ошибке показал сначала колчакговскую бумажку, подписанную адъютантом Военно-медицинской академии ротмистром фон Рашке. К счастью, в последний момент ему удалось подменить этот опасный документ аналогичным, только уже за подписью старшего фельдшера Федотова, военврача призывкома РККА.

Есть самые серьезные подозрения, что и роман «Границы неба» был написан автором как пародийный, а послан именно С. Кургузову с откровенно оскорбительными намерениями — как литературное возмездие за убогую и многократно тиражируемую «Катапульти». Вероятнее всего, Курицын и на этот раз ожидал скандала и уже заготовил впрок свое вечное медицинское алиби. Каково же было его изумление, когда через два месяца он получил пачку свежих авторских экземпляров «Границы...» с одобрительным предисловием Кургузова и с почти что ультимативным требованием переехать в Москву, поближе к Секции фантастов.

С 1937 г. Вячеслав Курицын живет в Москве. После того как его роман был обласкан «Правдой», «Литгазетой», «Известиями», автор понял, что шутка зашла слишком далеко, но ничего поделать уже не мог: книга зажила собственной жизнью, Курицын как бы оказался навечно «при ней», и ему ничего не оставалось, как, стиснув зубы, стать баловнем официальной Фортуны. Разумеется, никакого нового романа в таком же духе, которого дружно требовали у него на Секции, Курицын писать не мог и не хотел. Тем не менее хватало и первого. В воинских частях (особенно пограничных) отношение к создателю «Границ неба» было очень уважительным. Ему даже предписывалось — в виде исключения — почаще встречаться с подобными читателями, поднимать их боевой дух. Курицын недолюбливал армию, потому на каждую такую встречу брал, для успокоения, флягу с медицинским спиртом — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Скорее всего, частые запои Курицына, его многочисленные выходки в Доме Герцена (один раз он даже покусился на телескоп) и небезобидные шуточки имели подспудной целью избавиться от ненавистной репутации — пусть даже и ценой крупных неприятностей. Однако Кургузов бдительно улаживал все скандалы, не давая им разрастись. В 1939 г. дело дошло едва ли не до исключения из Союза писателей: Курицыну было инкриминировано «политическое хулиганство», состоящее в написании ядовитой и малоцензурной вариации на тему михалковского «Дяди Степы». У Курицына поэма называлась «Дядя Эрик» и соответственно начиналась словами: «По фамилии Эрастов // И по имени Эраст, // Из районных педерастов...» и так далее. Самое

интересное, что скандал был начат вовсе не молодым С. Михалковым, которому внимание Курицына, скорее, польстило. А неким Э. Овчаренко, московским литературным критиком, принявшим почему-то эти стихи за личный выпад и вдобавок оказавшимся родственником Георгия Маленкова. Впрочем, если верить мемуарной книге К. Симонова «Глазами человека моего поколения», «дело» Курицына моментально закрылось, когда на одном из полуофициальных приемов на Ближней даче Сталин в присутствии Маленкова продекламировал наиболее смачные отрывки из «Дяди Эрика» и прибавил: «Ай, мастер, курицын сын!»

Алкоголизм между тем имел для писателя фатальные последствия. Вячеслав Курицын погиб в апреле 1940 г.: будучи в сильном подпитии, неосторожно (или намеренно?) выпал из кабины военного вертолета системы «стрекоза», на котором возвращался в Москву после встречи с пограничниками на Памире. Последними его словами, которые услышал пилот «стрекозы», были: «Вот она, граница неба... твою мать!»

Тело его так и не было найдено. Могила Вячеслава Курицына в Москве на Новодевичьем кладбище представляет собой кенотаф.

В числе миллионов безымянных жертв сталинского «лунного проекта» трагикомическая судьба и гибель писателя Вяч. Курицына может на первый взгляд показаться нетипичной, каким-то анекдотом со скверным финалом. Однако в этой судьбе, как в капле воды, видны все перипетии «Проекта-К», отраженного в зеркале изящной словесности. Даже видимость делового партнерства, которую в свое время предлагал властям Алексей Лежнев, для Сталина уже становилась излишней: с конца 30-х Союз писателей и его «серый кардинал» С. Кургузов уже не нуждались ни в какой идеологической «накачке». Первичный импульс был столь силен, что на многие годы вперед отечественная фантастика была обеспечена четким и ясным направлением и летела вперед без остановки. Генсек мог только пожинать плоды, поощрять наиболее отличившихся или — изредка — снимать с шахматной доски отыгранные фигуры.

Роман «Границы неба» Вяч. Курицына в этом смысле оказался переломным, и Кургузов не случайно воспринял произведение всерьез: система подмяла под себя даже полудидактический сюжет, поставив и его на службу сталинской

космической утопии. В статье, опубликованной в журнале «Урал» к 50-летию со дня гибели Вячеслава Курицына, известный историк литературы Кирилл Богомолов назвал писателя «великим шутом, чей бенефис состоялся в столь страшную эпоху, что никто не осмелился назвать клоунские выходки забавными. Вместо положенного смеха партер встретил его торжественными аплодисментами; пережить такой актерский провал у Курицына просто не хватило сил...»

В 40-е годы, когда не стало создателя «Границы неба», на небосклоне Секции фантастики ненадолго возшла звезда Глеба Вершинина, автора книги «Заговор против «Елены» (1940). Само строгое чередование «любимцев» было вполне характерно для эпохи Великих Лунных Эпопей: Обольянинова сменяли «селениты», тех, в свою очередь, теснил Кургузов, позднее сам пестуя в качестве преемников Шпаковского, Курицына и прочих. Природа не терпела пустот, а желающих занять пустую вакансию всегда хватало. Глеб Вершинин был, может быть, одним из самых неглупых и, во всяком случае, одним из самых циничных питомцев Секции.

Автор «Заговора против «Елены» пророс в атмосфере шпиономании и подозрительности, когда проект «Катапульта» находился еще в первой фазе, а Германия (после пакта 1939 г.) становилась союзником, негласно продолжая оставаться и противником. Правда, после того как Сталин убедился в отсутствии у Третьего Рейха полноценной космической программы, генсек уже почти не обращал внимание на опасные игры за «линией Зигфрида», считая Гитлера небольшой угрозой. Образы немецких шпионов, которыми время от времени кормила читателей (до июля 1939 г.) советская бульварная литература, трансформировались в какого-то «шпиона вообще» — то ли агента невиданных международных троцкистских центров, то ли выходца из недр парижской эмиграции. Вершинин пошел еще дальше по дороге обобщений: главным «отрицательным героем» в его романе становился шпион с... Марса! (При любых внешнеполитических раскладах — образ беспроигрышный.) Этот злоумышленник

с неясными до конца романа целями проникал на лунную базу СССР «Циолковский» — туда, где занимался научными исследованиями дружный интернациональный экипаж: русский, таджик, армянин и даже советский грек. Шпион же выдавал себя за потерпевшего катастрофу близ Моря Дождей поляка и, используя временную политическую близорукость и отсутствие бдительности со стороны экипажа, втирался к ним в доверие. Проект «Елена», против которого резидент — согласно заглавию — организовывал в одиночестве свой заговор, состоял в разведке лунных шельфов на предмет нефти. Шпион недаром называл себя «Ковальский»: к моменту выхода романа в свет часть Польши уже была объявлена германским протекторатом, а другая часть — исконной исторической территорией СССР. Поэтому бестактные намеки могли бы оскорбить только солдат-поляков, если бы кому-нибудь из них попала на глаза книжечка Вершинина. Однако ни в гитлеровские, ни тем более в наши концлагеря этот опус не проник. И потому будущие подчиненные генерала Андерса или будущие бойцы Гвардии Людовой так и не узнали, что однажды побывали в некотором родстве с «марсианами». (Правда, Фрэнк Джослин, один из старейших сотрудников «Би-би-си», не так давно рассказал в программе «Глядя из Лондона», что весной 1941 г. книжечка Вершинина какими-то окольными путями попала в Англию — прямо в руки находящемуся в эмиграции генералу Бур-Коморовскому. Не исключено, что позднее именно смертельная обида за «марсианина Ковальского» обусловила целый ряд дипломатических ошибок генерала, из-за которых Варшавское восстание и осталось без поддержки: обращаться лишний раз с просьбой к соотечественникам Вершинина Бур-Коморовский считал ниже своего достоинства.)

Сам сюжет «Заговора...» был достаточно занудным. Глеб Вершинин не придумал ровно ничего нового, просто добросовестно перелицевал несколько «антигерманских» шпионских романов, поменяв только агентов и место действия. Будь литературная критика чуть менее подконтрольным жанром,

Иллюстрация к роману
Г. Вершинина «Заговор против «Елены»»

любой смог бы указать на великое множество чисто логических несоответствий в романе. К примеру, совершенно излишними оказывались все «выходы в эфир» шпиона — ибо на протяжении сотен тысяч километров не было никого, кто смог бы принять его шифровки. К тому же эта деталь сюжета противоречила предыдущим утверждениям автора, будто «Ковальский» — агент настолько автономный, что все свои инструкции получает только однажды и навсегда. Тем не менее марсианский шпион исправно выходил в романе в пустой эфир — вероятно, для того, чтобы у героев был хотя бы один шанс застукать врага врасплох. В момент своего разоблачения агент, как водится, намеревался взорвать лунную базу. Происходило это в то время, когда интернациональная четверка находила, наконец, нефть для Страны Советов. Почему эта сомнительная лунная нефть была так необходима марсианам, каким образом они смогли бы перекачивать на Марс (равно как и наши — на Землю) — все это оставалось «за кадром». Главное было в конечной победе советских людей над чуждым пришельцем марсианско-польского происхождения.

Финальный абзац живописал, как гордо полощется красный стяг над куполом станции. Роман был издан в то время, когда даже невинное замечание о том, что флаг едва ли смог бы «полоскаться» в безвоздушном пространстве Луны, воспринято было бы как выпад. Все и помалкивали. Один только Шпаковский — на правах классика — во время обсуждений книги на Секции ворчливо влез было с пожеланиями убрать со станции грека и заменить его «хотя бы китайцем», но был строго одернут председательствующим Кургузовым.

По всей вероятности, хладнокровный автор романа Глеб Вершинин и рассчитывал, что любые претензии к «антишпионскому» роману вряд ли будут высказаны: любой из критикующих мог автоматически попасть в число «защитников шпионов», а этого никому не хотелось. Вершинин ничуть не обольщался по поводу своих писательских способностей, однако полагал, что на таком-то уровне сможет сотворить не

хуже всех остальных. Если Шпаковский сам был уверен, что его «Вспашка» действительно великая вещь, если Курицын сочинял свой роман из очевидно хулиганских побуждений, то Глеб Вершинин прекрасно знал, что делает. Фантастика была в фаворе. Значит, Глеб Вершинин должен был сделаться фантастом. Простой и естественный логический ход.

PERSONALIA: ВЕРШИНИН

Глеб Адольфович Вершинин родился в Одессе в 1900 г. в семье учителя математики. Отец получил свое достаточно редкое в российской империи имя в честь героя романа писателя Бенжамена Констан, однако Глеб так никогда и не простил родителю своего отчества из-за него всегда были сложности с анкетами, а в 1941 г. в нем чуть не заподозрили скрытого немца — и только Кургузов замял дело, дабы не бросить тень на Секцию. После окончания школы Глеб поступил на физико-математический факультет

Киевского университета, закончил его, поступил в аспирантуру и был уже на пути к кандидатской степени. Но выход в свет романов Ник. Шпаковского и тем более Вяч. Курицына изменил жизнь математика. Вершинин понял, что есть шанс преуспеть гораздо быстрее и «результативнее». Дальше все (почти все) шло как по написанному сценарию. Вершинин явился в Москву, в Союз писателей к самому Кургузову с уже готовым романом. Роман был вскоре издан, получил положительную долю похвал в печати. Но, к сожалению для автора, сам Сталин отнесся к книжке довольно безразлично: то ли каким-то странным образом угадал в романе «математически выверенную» халтуру (ТАКИХ умников генсек недолюбливал), то ли обиделся, что на лунной базе не нашлось места геологу-грузину.

В конечном итоге роман был издан всего трижды и никаких наград (как и сам автор) не получил.

Второй досадной случайностью в жизни Глеба Вершинина стал взрыв немецкой авиабомбы: в 1941 г. направляясь в эвакуацию

в Чистополь (от фронта его спас все тот же авторитет кургузовской Секции), эшелон попал под бомбежку. По едва ли не мистическому совпадению, эшелон был разбомблен напротив ЕЛЕНЫ — маленькой деревушки в Московской области.

По всей видимости, похоронен Глеб Вершинин там же, в братской могиле. Правда, на стелле, поставленной в 1958 г. на месте гибели эшелона, фамилия Вершинина отсутствует.

Помимо наиболее известных произведений В. Курицына и Г. Вершинина, в конце 30-х и в начале 40-х годов выходили в свет научно-фантастические произведения авторов, о которых уже говорилось выше (Сем. Шпаньрия, А. Зайцева, Ан. Спирина, самого С. Кургузова и других). Все они так или иначе развивали «лунные» идеи и потому считались идеологически приемлемым и полезным чтением. Все они задавали соответствующие сюжетные координаты, которые советский читатель уже полагал давно привычными. Луна неизбежно становилась частью повседневного быта, непременным атрибутом многих газетных отчетов и радиопередач. К сожалению, собственно научно-техническая составляющая «Проекта-К» в те годы сильно отставала от составляющих «идеологической» и «культурной»: несмотря на все усилия, группа Королева — Бармина так и не успела до лета 1941 г. создать ракетный двигатель необходимой мощности. «Побочным» результатом их исследований стало разве что создание ракеты для гвардейского миномета — знаменитой «катюши», что пригодилось в годы войны. Война же и, прежде всего, потеря объекта Киев-17 (что стало для Верховного куда большим ударом, нежели сдача Киева) вынудили Сталина несколько отодвинуть основную часть проекта «Катапульта». Только с сентября 1945 г. сотрудники 2-го авиационного Наркомата могли по-настоящему возобновить свою работу «по основному профилю».

Примерно с этого же времени начинается следующий этап в советской фантастике — рекордный по количеству новых книг за сравнительно небольшой срок в восемь лет. О «качестве» — речь впереди.

V.

БОРЬБА ЗА ПЕРВЕНСТВО МИРА СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ (1945—1953)

Скандалные слухи о помешательстве Генерального секретаря Иосифа Сталина просочились в американские бульварные газеты в августе 1945 г. и были немедленно пресечены Госдепартаментом. Впрочем, эти сенсационные сведения не получили бы никакого резонанса в любом случае: авторитет СССР и его лидера после победы над германским фашизмом был настолько высок, что скандал едва бы смог разгореться в такой атмосфере. Поводом же к несостоявшейся сенсации, очевидно, послужила утечка информации из кулуаров Потсдамской конференции, проходившей близ Берлина с 17 июля по 2 августа. Дело в том, что под занавес встречи Сталин, беседуя с Трумэном, в свойственной ему лаконичной манере предложил обсудить все проблемы, связанные с разделом Луны между державами-победительницами и, может быть, подписать еще одно четырехстороннее соглашение «с учетом несомненного приоритета СССР в этой сфере и с правом решающего голоса у его руководителя». Американский историк и политолог Роберт Майлин, бывший в ту пору переводчиком Трумэна, много позднее в своей книге «Перед Хиросимой был Потсдам» (1966) так описывал и комментировал этот в высшей степени странный разговор: «Трумэну вначале показалось, что он ослышался или слова «Дяди Джо» ему неверно перевели. «Простите, господин Сталин, Вы имеете в виду, конечно, раздел Германии?» — переспросил он. Сталин затянулся своею знаменитой трубкой и очень четко повторил: «Луны. О Германии ведь мы уже договорились. Я имею в виду именно Луну. И учтите, господин президент, у Советского Союза есть достаточно сил и технических возможностей, чтобы доказать наш приоритет самым серьезным образом». Гарри Трумэн заметно

встревожился. Ему вдруг показалось, будто «Дядя Джо» таким вот необычным образом дает понять американскому президенту, что ему уже все известно о «Толстяке» и «Малышке» — двухядерных устройствах, которыми как раз в эти дни снаряжали в Лос-Аламосе бомбовые отсеки двух специально оборудованных бомбардировщиков типа «Летающая крепость». Президент США первоначально намеревался уведомить Сталина о предстоящем авиационном налете на Хиросиму и Нагасаки только накануне события, 5 августа. Однако теперь он неожиданно изменил свое решение и поспешил сделать признание немедленно, невольно проигнорировав сам вопрос о Луне. Это не укрылось от внимания Сталина. Он выслушал краткое сообщение о новой бомбе с непроницаемым выражением лица и, тщательно подбирая слова, сказал: «Мы об этом знали, господин Трумэн. Однако даже ваша атомная бомба не сможет помешать нам добиться своей цели. Запомните, от Луны мы никогда не отступимся!» — после чего дал понять, что разговор окончен.

Сразу после конференции вашингтонские эксперты тщательно проанализировали этот диалог и окончательно отбросили версию о якобы спонтанном помешательстве Сталина. «Лунная» тема была признана аналитиками хитрым дипломатическим маневром. Сам Гарри Трумэн был уверен, что все посторонние разговоры о Луне — есть всего лишь проявление азиатского коварства Сталина, который хотел, обескуражив собеседника, заставить его проговориться о весьма интересующих советскую сторону подробностях американского атомного проекта...»

Сталин же сделал из короткого разговора с президентом собственные выводы. Растерянность Трумэна и его непонятно легкое признание факта появления у США новой сверхмощной бомбы Сталин расценил как самое убедительное доказательство его подозрений: Штаты действительно имеют свои виды на историческую мечту советского народа Луну и не собираются от них отказываться. (Забавно, но Сталин в тот раз перехитрил сам себя и сам невольно спровоцировал

реальное создание Лунного проекта США. Тема Луны, до тех пор не возникавшая в Конгрессе, после отчета экспертов неожиданно всплыла, и часть оборонных ассигнований было на всякий случай отпущена закрытому институту Вернера фон Брауна, который ныне работал на американцев и которому до того случая практически не выделяли средств на полноценные исследования такого масштаба).

С этого момента и началась первая фаза изнурительной «холодной войны» бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Между тем угрожающие фразы Сталина насчет «наших сил и технических возможностей» были блефом чистой воды. К лету 1945 г. больше половины служб второго авиационного Наркомата было еще не расконсервировано, а опыты, начатые конструкторами до войны, пока не давали должных результатов. К тому же «Комета» — экспериментальная модель навесного реактивного двигателя средней мощности — просто-напросто взорвалась во время первых же ходовых испытаний, разнеся только что выстроенный новенький стартовый комплекс на островном полигоне в Городомле. Берия, назначенный курировать одновременно и Курчатова, и Королева, метался между двумя полигонами, устраивая ведущим инженерам изнурительные проверки на лояльность. У курчатовцев дела шли сравнительно неплохо, а Королев мог пока только предъявлять взору куратора многостраничные отчеты и искореженные обломки «Л-1». Два завода в Первоуральске готовы были в любой момент начать сборку ракетного снаряда, но из четырех сотен комплектующих капсулы по-настоящему было разработано и опробовано на стендах только четырнадцать не самых важных узлов — да и те на полигоне показывали крайне посредственные результаты. До старта было так же далеко, как и до самой Луны...

Пожалуй, один только Степан Кургузов деятельно выполнял и перевыполнял свои обязательства перед «Проектом-К».

Если бы то, о чем трубили в своих романах его подопечные фантасты, в самом деле вошло в строй или хотя бы

дошло до стадии промышленной обкатки, то Луну можно было считать космическим «филиалом» СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями. Благодаря Кургузову и его Секции население уже подготовилось к тому, что задача освоения спутника Земли будет не сегодня-завтра просто вписана в планы текущего дня, станет рядовым техническим фактом пятилетки. К концу 40-х многие читатели в СССР искренне полагали, что наша лунная программа давным-давно начата, идет полным ходом, и граждан пока не информируют лишь из соображений секретности. Эти умонастроения в обществе хорошо отразил, например, тогдашний роман А. Полещука «Падает вверх»: в нем гражданам советской страны в один прекрасный день просто объявляли, как о чем-то само собой разумеющемся, что наши космонавты не первый год летают на Луну и что у нас там выстроено уже несколько баз.

И А. Полещук, и прочие члены кургузовской Секции своими книгами старались укрепить читателей в сознании, что их фантастика правдива в этом главном, — вполне возможно, некоторые из авторов постепенно и сами уверились в этом. На такого рода идеологической «базе» и была начата в конце 40-х годов так называемая «борьба за приоритеты» — шумная пропагандистская кампания, в которой фантасты, увы, не могли не оказаться в первых рядах. В печально знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.) указанные издания обвинялись в «низкопоклонстве перед Западом». Официальной причиной разгрома этих журналов считалась публикация в них произведений «хулигана и пошляка Зоценко» и стихов Ахматовой, «типичной представительницы чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии». Истинная же причина была совсем в другом. По сути, постановление от 14 августа было первым серьезным предупреждением ленинградским писателям, которые, в отличие от москвичей и множества провинциалов, еще недостаточно активно включились в «идейную борьбу» и недостаточно часто обращались к «лунному» жанру в научной фантастике. «Как могло

случиться, — говорилось, в частности, в постановлении, — что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили замалчивание нашей замечательной научно-фантастической литературы, посвященной научному и космическому гению человека труда Страны Советов?

Ведь именно фантастика помогает государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолевать всякие препятствия».

Судя по стилистике постановления, Жданов сочинял его явно не без помощи Степана Кургузова. Не случайно уже в сентябре 1946 г. сам Кургузов посетил Ленинградское отделение Союза писателей СССР, при закрытых дверях беседовал с А. Прокофьевым, а заодно устроил дотошную инспекцию редакционных портфелей Лениздата и местных филиалов столичных «Советского писателя» и «Молодой гвардии». Уже в дни приезда Кургузова в городе на Неве в оперативном порядке было создано ленинградское отделение Секции фантастов, на первых порах его возглавил критик Анатолий Логинов (позже заподозренный в космополитизме и смещенный со столь высокого поста). А буквально через три месяца после отбытия Кургузова обратно в

О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Из постановления ЦК ВКП(б)
от 14 августа 1946 года

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безидейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зошенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакция «Звезды» известно, что Зошенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и дошлых вещей, на проповеди гнилой безидейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить её сознание. Последний из опубликованных рассказов Зошенко «Приключения обезьяны в «Звезде» № 5-6 от 1946 г.» —

Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Москву были выпущены в свет сразу три романа — «Битая карта» Олега Хрусталева, «Если враг не сдается...» Марка Рутберга и «Далекое — близкое» Ильи Садофьева. Каждый из трех романов был по-своему любопытен — в том плане, что в каждом был очень хорошо виден руководящий нажим столичного начальства и острое желание быть «в струе».

В «Битой карте» шпион некой чрезвычайно зловредной заокеанской державы на протяжении всей первой части книги пытался выведать секреты устройства нашего кос-

мического корабля «Гром» и во второй части даже проникал «зайцем» на борт. Автор довольно остроумно использовал сюжетную канву известного американского рассказа «Неумолимое уравнение» Томаса Годвина. И у американца, и у советского автора появление лишнего человека на

борту было губительно для экспедиции (на корабле рассчитан каждый грамм веса и при дополнительной нагрузке просто не хватит горючего для посадки). Однако у Годвина астронавт-командир выбрасывал бедную девушку-«зайца» в соответствии с инструкцией, испытывая потом некоторые муки совести. В нашем же случае «заяц» оказывался отнюдь не невинной девушкой, а матерым врагом, и его выталкивали за борт «по закону», в соответствии с приговором Временной Чрезвычайной Тройки (командир корабля, первый помощник и парторг).

Таким же стойким борцом, как и О. Хрусталеv, выглядел автор романа «Если враг не сдается...» Марк Рутберг. В центр произведения попадала весьма несимпатичная фигура доктора наук Лаврентьева. В свое время осужденный на процессе «Промпартии», Лаврентьев сделал тогда вид, что осознал свою вину, и потому был помилован нашим самым беспощадным и вместе с тем самым гуманным в мире судом. Более того, оступившийся ученый получил возможность работать по специальности в авиакосмической лаборатории государственного значения. Многие годы Лаврентьев таил свою сущность и даже преступным образом хорошо зарекомендовал себя — в результате чего получил доступ к совершенно секретным документам. В пору, когда иностранные разведки стали протягивать свои загребущие щупальца к нашим тайнам (без помощи шпионов зарубежные лаборатории и институты буквально останавливали свою работу!), иуда Лаврентьев решился на предательство. Так случилось, что чертежи нашего родного корабля «Мечта» едва не попали в зарубежный исследовательский центр, где иностранные мудрецы бились над своим насквозь выморочным проектом «Аризона». К счастью, наша «Мечта» (и мечта без кавычек) не досталась врагу: чекисты вовремя выследили агента и подсунили ему имитацию вместо чертежей. Созданная по фальшивым чертежам, «Аризона» взорвалась на старте. (Интересно, что в описании аварии автор, сам того не зная, угадал некоторые подробности нашей тщательно скрываемой

городомлинской катастрофы «Кометы» — хотя, конечно, в нашем случае обошлось без иностранных козней.)

Обратим особое внимание на образ интеллигента-вредителя: в эти годы он был достаточно распространен в отечественной литературе. Блестящая работа молодого Николая Гриценко в фильме «Конец «Аризоны»», экранизации романа Марка Рутберга (1950, «Мосфильм», реж. К. Чиурели), подкрепила этот типаж чисто визуально. Отныне образ изменника и космополита в массовом сознании начинал связываться с двумя-тремя внешними приметами — очками, шляпой, грамотной речью, легким грассированием. Подчиняясь патриотическому порыву, даже мода в СССР тогда двинулась как бы вспять: вновь вошли в обиход уродливые кепки — «малокопеечки» из 30-х годов, «пролетарские» диагональные брюки, вышитые рубашки-косоворотки. Ношение галстука опять делалось подозрительным; утвердительное «да» на вопрос анкеты «Владеете ли иностранными языками?» сразу заставляло отделы кадров настораживаться. «Положительные» герои тогдашней советской фантастики обязаны были ходить размашисто, одеваться бедно, говорить, в основном, междометиями или пословицами. В уже упомянутом романе «Далекое — близкое» Ильи Садофьева молодые конструкторы-ракетчики Каширин, Жерегин и Степанков в точности соответствовали новому стереотипу, а потому казались ярмарочными ряжеными. Диалог в экспериментальном цехе, долженствующий передать их обмен мнениями, производил прекомичное впечатление. («Скажу тебе прямо, Миша, титановое, значит, покрытие тут в аккурат сгодится!») (...) «Ну, нет, Алексей Фомич, вольфрам — самое милое дело. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей...»). Право же, сегодня это напоминает беседу двух персонажей анекдота 70-х, один из которых уронил молоток на голову другому: «Ты не прав, Вася. — Извини, Коля».

Между тем герои романа И. Садофьева, готовя корабль «Молния» для очередного полета на Луну, вступали в неприимую схватку с консерваторами на производстве. Причем

по ходу действия выяснялось, что «консерватор» замдиректора Трубин является еще и низкопоклонником перед Западом и чуть ли не молится на их буржуазные технологии. Такой сюжетный оксюморон в ту пору отнюдь не считался самоубийственно-нелепым: раз наша пропаганда выставляла Запад все более технически отсталым от нас, то низкопоклонник, естественно, был ретроградом, врагом всего нового. Само название произведения, «Далекое — близкое», должно было подчеркнуть преемственность дел старых русских умельцев и их современных коллег. Потому-то забытый некогда секрет сварочного шва, разработанный мастерами еще при Петре и случайно найденный нашими героями, помогал им досрочно закончить первую линию сборки и выиграть соцсоревнование. Роман заканчивался рапортом товарищу Сталину и новыми социалистическими обязательствами. «А в небе победно светилась полная Луна, обещая нашим друзьям только хорошее впереди», — так выглядела последняя фраза произведения. О том, чем же именно занимались сварщики на Руси во времена Петра, автор так ничего и не рассказывал...

Ленинградские усилия Кургузова были высоко оценены в ЦК, но руководитель Секции фантастов по-прежнему понимал, что в его силах сейчас сделать большее. К тому же в конце февраля 1947 г. Степан Кургузов получил из Кремля личную сталинскую депешу, где были только два слова — «Усильте отпор!» — и характерный росчерк подписи. Директива эта могла быть истолкована как угодно широко. Кургузов не стал медлить. В марте на проходившем в Москве I Всесоюзном совещании молодых писателей по заданию руководителя Секции выступил Николай Шпаковский, текст выступления которого теперь был подготовлен опытными референтами СП и просмотрен лично Молотовым. «Есть два мира и две идеологии, — говорил Шпаковский. — Мир насилия, эксплуатации и капитала, этот приземленный мир наживы, неспособный преодолеть земное притяжение. И мир свободы и труда, который тянется ввысь к лунным горизонтам, к победе коммунизма. Кое-кто за океаном полагает, что новое

бесчеловечное орудие убийства — атомная бомба — может спасти от вырождения отмирающий общественный строй. Какое заблуждение! Недалек тот день, когда нога советского человека ступит на Луну, и это будет означать окончательное торжество нашего правого дела на все времена!»

Молодые писатели получили на этом совещании «творческое задание» от своих старших коллег, и уже к осени 1947 г. в число новинок попали повесть «Время не ждет» ярославского писателя Андрея Минина и роман саратовца Александра Егорова «Пик Победы». Оба произведения доказывали преимущество советской техники перед зарубежной. Зарубежная на глазах у читателя ломалась (с последующей гибелью людей), наша — выстаивала, несмотря на диверсии. На Луне вырастали, как грибы, наши промышленные городки, а на самом Пике Победы, высшей точке лунной поверхности, воздвигалась огромная статуя Вождя и Учителя. И все это происходило под бодрую музыку маршей, которую сменяли иногда задушевные народные мелодии.

Эта идиллия не могла, конечно, заменить по-настоящему Сталину реальных космических достижений (группа Королева по-прежнему билась над загадкой увеличения ходовых ресурсов двигателя). Но такая фантастика почему-то немного успокаивала его самолюбие. Царство иллюзий, выстроенное на песке современной фантастической литературой в содружестве с почти такой же фантастической пропагандой, во всех отношениях было приятнее постылой «правды жизни». В жизни были разруха, хлебные карточки, дедовские технологии и отправка первых «добровольцев» на войну в Корею. Научная фантастика, напротив, становилась надежным успокаивающим средством, своего рода духовным транквилизатором. Разумеется, на одних транквилизаторах долго существовать было невозможно, нервная система социума могла непоправимо пострадать. Но об этом идеологи предпочитали не думать. Даже пронизательный Лаврентий Берия в ту пору занят был другим. Берии важно было поменьше тревожить Сталина, ибо во время приступов раздражения

старик был непредсказуем. Именно поэтому в лице Лаврентия Павловича кургузовская Секция получила сильного союзника. Отчасти благодаря его помощи всего за год, прошедший со времени получения С. Кургузовым сталинской директивы, научная фантастика в СССР дала много новых всходов и по количеству публикаций в несколько раз уже обогнала все прочие литературные жанры. Толстые журналы, напуганные печальным прецедентом со «Звездой» и «Ленинградом», открыли подобному творчеству зеленую улицу, об издательствах и говорить нечего. Кургузовская гвардия напугала все силы, чтобы не упустить момент.

В апреле 1947 г. вышел в свет двухтомный роман Семена Шпаньря «Черный вихрь», посвященный борьбе американских безработных за свои права. По ходу сюжета советское правительство предлагало всем американцам, нуждающимся в работе, приехать трудиться на строительстве космодрома на Кольском полуострове. (Первоначально автор предполагал разместить свое гипотетическое строительство в более живописных местах — на озере Селигер, — но чиновники из Главлита потребовали немедленно изменить место действия).

Вообще, настоящим шпионам в СССР в ту пору следовало быть писателями-фантастами: по характеру купюр и цензурных изменений в их текстах легко можно было бы догадаться, где и что у нас тщательно скрывается от постороннего глаза. В данном случае совершенно секретный объект располагался действительно на Городомле, острове в озере Селигер. Иногда же можно было «вычислить» не только вид засекреченной продукции, но даже и название. К примеру, двумя годами раньше, при переиздании повести Сергея Беляева «Истребитель 2-У», Главлит неожиданно распорядился заменить прежний заголовок хотя бы на «Истребитель 2-Z»; автор и узнал тогда, что невольно посягнул на краешек тайны турбореактивного двигателя У-2 — впрочем, до серийного производства так и не дошедшего... В романе С. Шпаньря среди безработных, само собой, оказывалась

парочка шпионов, которых разоблачали к середине 2-го тома сами трудяги-американцы.

В мае 1947 г. Анатолий Спирин выпустил в «Молодой гвардии» сборник рассказов «Таинственный пеленг». Заглавный рассказ был посвящен совершенно беспрецедентному событию, в американских газетах вдруг появилось сообщение о некоторых тамошних работах в космической области, где у нас было устойчивое первенство, сотрудники компетентных органов сразу понимали, что речь идет о шпионаже. И точно: близ полигона чекисты обнаруживали шпиона, и не простого — электронного. Маленькая круглая коробочка снимала на пленку наши военные объекты, а затем передавала изображение прямо в зарубежный шпионский центр. Рискуя жизнью, чекисты захватывали электронного соглядатая, но не разрушали, а, отключив на время, отправляли в другое место. Финал рассказа переносил читателя в заокеанский центр, где с восторгом начинали было принимать новые фотографии необычных агрегатов — пока кто-то не догадывался, что это всего лишь доильные аппараты: остроумные чекисты установили прибор в коровнике колхоза-миллионера «Путь Ильича»... В таком бодром духе выдержаны были и все остальные рассказы этого сборника.

В июне-июле 1947 г. появились «Следы» Владислава Понятовского, «Поиски «Скорпиона» Александра Зайцева, «Ущелье Доброго Великана» Валерия Маркелова, «Стой! Кто идет?!» Андрея Румянцева и другие. Уже по названиям было видно, что книги все эти были посвящены героической охране наших рубежей, через которые невозможно было пробраться ни с какой стороны (из космоса, как мы помним, страну защищали лунные пограничники из романа Вяч. Курицына). В каждой книге империалистические лазутчики пытались форсировать наши рубежи, чтобы добраться до наших космодромов. И каждый раз их постигал закономерный провал. Правда, у Румянцева агент доползал-таки до космодрома, однако это оказывался ложный космодром, специально и построенный для того, чтобы вводить противника в заблуждение.

В то же самое время наши строители и конструкторы на каждой странице романа добивались фантастических успехов...

Читать это и другие произведения сейчас безмерно скучно. Опасаясь обвинений в «бытовизме», «обывательщине» и очернительстве с лакировкой, авторы старались вообще обходить все моменты, связанные с повседневной жизнью героев за пределами лаборатории, полигона и т. п. А если учесть, что и «производственную часть» им приходилось отважно выдумывать из головы (ни на какие секретные объекты даже четырежды проверенный и перепроверенный Степан Кургузов не был допущен!), то и результат получался соответствующий. Наиболее находчивые писатели-фантасты использовали, конечно, свой давний, еще довоенный производственный опыт — и почти не ошиблись: и отношения на заводах, и характер оборудования во многом оставались такими же, как и раньше. Кстати, благодаря этому факту книги фантастов все-таки имели успех среди рабочих и инженеров, занятых в реализации «Проекта-К». Их хотя бы грела мысль, что совершенно секретный их труд на благо страны все-таки немного известен современникам. Они находили в книгах какие-то знакомые черты, будто списанные с натуры, не догадываясь, что это всего лишь случайные совпадения, возникшие согласно «закону больших чисел».

29 июля в Московском театре имени Ленинского комсомола состоялась премьера спектакля по пьесе драматурга Константина Булычева «Лунный вопрос» (режиссер Вал. Стеценко). Спектакль получил огромный резонанс в прессе, пьеса была удостоена многих премий (в том числе и Сталинской I степени), автор был назван «лицом советской драматургии», «надеждой советской драматургии», «настоящим писателем-патриотом» и тому подобное. Пьеса, в самом деле, кое в чем выгодно отличалась от литературных поделок Софронова и Сурова, заполонивших сцены столичных драматических театров. «Лунный вопрос» привлекал крепко сколоченным сюжетом, неплохим языком и известным чувством юмора, которые немного смягчали безусловную, выпяченную официозность содержания. Несмотря на заголовок, действие происходило не на Луне, а в Москве, Нью-Йорке, Вашингтоне, Бонне, Лондоне, Париже, а также городах-столицах стран Восточной Европы (в пьесе было целых семь актов, тридцать пять картин, поэтому автор имел драматургическую возможность заглянуть ненадолго в любую часть света).

Сюжет «Лунного «вопроса» был самым фантастическим. Сводился он к следующему. Американская сторона обращается в Организацию Объединенных Наций с предложением всем странам-членам ООН подписать декларацию «О неприсоединении Луны ни к каким военным блокам». По Булычеву, все попытки самих янки достичь лунной поверхности и устроить на спутнике Земли свою военную базу потерпели крах. Теперь, если миролюбивая с виду декларация будет принята, Советский Союз обязан будет ликвидировать на Луне только свои собственные базы. Предложение США, разумеется, есть натуральная провокация, ибо все наши базы на Луне имеют исключительно мирный и научный характер. Американцы знают о невоенном статусе наших лунных поселений, но тем не менее продолжают обманывать мировое общественное мнение, идут на прямой подлог. Для этого на территорию Франции с борта стратегического бомбардировщика Б-29 сброшена загадочная конструкция, начиненная взрыв-

чаткой. При падении происходят большие разрушения, имеются жертвы. На обломках же видна четкая надпись: «Луна-16. Сделано в СССР». Возмущенные французы обращаются с запросом в ООН, американцы делают «квалифицированную экспертизу» и утверждают, будто это — обломок советской космической ракеты, потерпевшей аварию и не долетевшей до Луны. Таким образом, появляется еще одно «веское основание» принять так необходимую для престижа США декларацию. Советский Союз, разумеется, через своего представителя в ООН отвергает эти провокации. Однако «доказательства» выглядят так убедительно, что даже страны Восточной Европы едва не склоняются к тому, чтобы признать их подлинными. К счастью, подробности обмана становятся известными прогрессивной американской журналистке Джоанне Бакли. Вместе со своими друзьями-коммунистами из Вашингтона, Парижа и Лондона она проводит тщательное расследование и собирает неопровержимые улики. Дальше начинается детектив: американские спецслужбы пытаются ликвидировать храбрую журналистку и отнять улики. Они даже переманивают на свою сторону мужа Джоанны, журналиста Айгора... И все же героине удается к сроку добраться до Нью-Йорка и выступить на сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Финальный монолог Джоанны впоследствии стал наиболее частым источником цитирования для составителей газетных передовиц. «Люди доброй воли, — говорила Джоанна Бакли. — Нас здесь призывают обсуждать мифический «лунный вопрос», подобно тому, как еще недавно нас пугали «русским вопросом». Между тем нет никакого «лунного вопроса»! Есть наш спутник Луна, который ежевечерне дарит свой свет влюбленным и мечтателям, и есть отважные ученые-первопроходцы из Советского Союза, которые уже ходят по поверхности Луны. Цели у них совсем не военные. Русские — мирный народ. Поэтому их научные достижения сулят мир и процветание не только СССР, но и всем нам. Вы призываете СССР «убраться с Луны». Опомнитесь! Что же может быть плохого, если хотя бы одна страна на нашем земном шаре сможет стать

настоящим полпредом Земли в космосе? Не угрожать бомбами, не давить декларациями, не одергивать, но помогать — вот что предстоит сделать Объединенным Нациям. Тогда все народы скажут нам спасибо. Это и будет наше истинное, непоказное миротворчество...» После этого выступления героине дружно аплодируют все делегации. (К аплодисментам со сцены в спектакле обычно прибавлялись овации зрительного зала). На этом пьеса заканчивается.

Несмотря на ходульную лексику последнего монолога (он по стилистике даже несколько выпадал из общего тона пьесы), Джоанна Бакли была совершенно права: никакого «лунного вопроса» у нас и впрямь не существовало. Луна была, а «вопроса» не было. Базы — военные или даже мирные — пока имели место только в чертежах КБ Наркомата авиастроения. Ракет не было пока даже в виде полноценных экспериментальных моделей. И тем не менее многие зрители были всерьез убеждены, что пьеса Конст. Булычева — настоящая картинка с натуры. Любопытно, что после премьеры спектакля в театре имени Ленинского комсомола в ООН пришло несколько тысяч писем и телеграмм с осуждением «провокаций США» и с требованием «ни в коем случае не принимать никаких деклараций по Луне». Ввиду очевидной бессмысленности этих акций едва ли они были спланированы в Кремле или на Лубянке; вероятнее всего, это было реальное проявление «доброй воли советских людей». (К счастью, основная часть посланий пришла в Нью-Йорк на Хэллоуин — американский национальный праздник кануна «Дня всех святых», когда полагается подшучивать над своими ближними. А потому телеграммы были приняты за большой розыгрыш — и только.) В СССР же энтузиазм был настолько велик, что «Комсомольская правда» даже ввела постоянную рубрику «Письма Джоанне Бакли», в которой читатели обращались к выдумке драматурга как к живому человеку, благодарили ее за поддержку, желали ей успеха и т. п.

Такой реакции на свое произведение не ожидал даже сам автор «Лунного вопроса» — поэт, писатель и драматург Константин Булычев.

PERSONALIA: БУЛЫЧЕВ

Константин (Кирилл) Михайлович Булычев родился в 1915 г. в Москве, в семье видного московского адвоката Михаила Булычева, прославившегося своей блестящей защитой чеченцев — маленькой волжской народности, ложно обвиненной в 1897 г. в каннибализме. Кирилл закончил школу, затем историко-филологический факультет Московского университета, однако преподавателем не стал. Трехмесячные журналистские курсы — и наш герой с удостоверением спецкора «Известий»

уже высаживается на льдине и полтора месяца дрейфует вместе с папанинцами (поздней его очерки составили первую книгу «Сквозь холод»). Первоначально Булычев не задумывался о карьере писателя или драматурга. Однако сам Сталин заметил талантливого репортера «Известий» и через верного С. Кургузова предложил Булычеву «попробовать свои силы в драматургии». Годы Великой Отечественной войны, когда Булычев был военным корреспондентом буквально на всех фронтах, на несколько лет отсрочили пожелание генсека. Однако Сталин не забыл о своей просьбе и уже в 1946 г. вновь напомнил о ней. Одновременно, в целях поощрения молодого потенциального драматурга, Булычев был введен в Комитет по Сталинским премиям, где сблизился с Симоновым и Бор. Полеевым. 1947 г. — год величайшего триумфа для автора «Лунного вопроса». Конечно, и до пьесы имя Булычева было известно (его корреспонденции читали все, а песня «На привале», музыку к которой написал Вас. Соловьев-Седой, стала восприниматься едва ли не как народная). Но слава Булычева-драматурга затмила все. Автор «Лунного вопроса» не был конъюнктурщиком, он называл себя «солдатом партии», а написание пьес — исполнением «приказа партии»; сам же он недолюбливал свои драматургические опыты. В 1948 г. появляется новая пьеса Булычева — «Чья-то тень», поставленная Московским художественным академическим театром (режиссер Евг. Рубин). Сюжетной основой пьесы стала печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ 1948 г., когда под предлогом «неверия в возможность выведения злаков, пригодных для использования

в условиях Луны», были изгнаны со своих постов многие видные «вейсманисты-морганисты», которые имели смелость усомниться в том, что пшеница сама может «приспособиться» к лунному климату (вакуум плюс космический холод). Главным героем пьесы Булычев сделал академика Татаринцева (чьим явным прототипом был Лысенко). Академик вступал в неравную схватку с нытиками и маловерами и одерживал победу на Научном Коллоквиуме. Впоследствии Булычев категорически запретил переиздавать и ставить обе свои пьесы, а за «Чью-то тень» принес публичные извинения доктору наук Зайделю и профессору Дубровскому, чьи речи на сессии цитировали его «отрицательные персонажи». Кроме того, Булычев покаялся в своем малодушном молчании, когда травили тех из театральных критиков, кто не выразил восторгов по поводу его «Лунного вопроса».

До середины 60-х годов Булычев не пишет ничего, кроме очерков для «Известий», оставаясь все эти годы обозревателем газеты. Начиная с 1967 г., писатель обращается вновь к жанру научной фантастики — на сей раз уже без всякой «злобы дня» или какого-либо политического оттенка. Конст. Булычев пишет целый цикл повестей о приключениях мальчика Алеши и его электронной собаки Протона. Правда, от «лунной» темы автор отойти не смог. Оба его симпатичных персонажа переживают приключения, всегда хотя бы косвенно связанные со спутником Земли: разыскивают сокровища, находят следы пропавшей экспедиции, путешествуют во времени и т. п. Повести Булычева («Путешествия Алеши», «День рождения Алеши», «Алеша в Стране Чудес», «Алеша и Король», «Алеша в Новом Свете» и др.) принесли автору популярность у совсем юного читателя, который и не слышал никогда о «Лунном вопросе». Вероятнее всего, официозные произведения, написанные в 40-е Булычевым, были двадцать лет спустя уже благополучно позабыты и многими взрослыми читателями. Однако для самого автора пьесы эти так и остались вечным проклятием, от которого сам он не мог избавиться, даже став популярным детским писателем. Вероятно, больная совесть заставила Конст. Булычева первым поставить свою подпись под коллективным письмом в защиту Андрея Гамова, а позднее и самому написать свое знаменитое «Письмо Всеволоду Кочетову» — в начале 70-х оно широко распространялось в самиздате. После того, как письмо это было напечатано в парижской «Русской мысли» и прочитано по «Свободному французскому радио», имя Булычева исчезло из всех издательских планов. Даже «Пионерская правда», чей высокий тираж был обеспечен бесперебойными «Приключениями Алеши», закрыла свои двери перед фантастом. В 1974 г. писатель обратился в ОВИР с просьбой выдать ему гостевую визу для поездки во Францию. Туда его пригласила

Французская Академия, чтобы он прочел курс лекций по советской детской литературе. Визу писатель получил, на удивление, быстро. Только потом стала понятна причина такой скорости: Булычев еще только миновал Брест, а в Москве был уже подписан указ о лишении писателя советского гражданства.

В 70-е годы писатель живет в Париже, часто выступает по «Свободе». В Париже Булычев пишет четыре повести и множество рассказов (на родине пресса назовет их «клеветническими»). В 1987 г. несколько друзей Конст. Булычева, оставшихся в СССР, — Д. Гранин, Б. Окуджава, С. Потапов, Е. Яковлев — обратились в ЦК с просьбой, чтобы писателю было возвращено советское гражданство. Это обращение было рассмотрено только 4 апреля 1988 г. — ровно через двое суток после того, как Булычев в своей парижской квартире скончался от сердечной недостаточности. Похоронен писатель в Париже на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Конец 40-х и начало 50-х годов — время лихорадочного цветения всевозможной «патриотической» фантастики, время тупиков в отечественном ракетостроении и время медленной агонии Сталина. В 1948 г. прогремели разоблачения «театральных критиков-космополитов», которые рискнули высказать несколько очень осторожных претензий к пьесам Булычева, Софронова и Радченко. В начале 50-х было инспирировано провокационное «дело врачей». Причиной его послужило то обстоятельство, что Сталин в эти годы начал медленно слепнуть и вообразил, что придворные медики Виноградов, Гинзбург, Щербаков и другие специально лишают его зрения, дабы он не мог смотреть на «воплощенную мечту советского человека — Луну». Очень вовремя подоспело письмо бдительного врача Тимашук, доказывавшей, будто перед смертью и Горький, и Жданов потеряли зрение. Дело «окулистов-вредителей», которые, естественно, тут же оказались агентами американской разведки и еврейского международного центра «Джойнт», должно было кончиться обвинительным приговором и показательным расстрелом. Владислав Понятовский даже успел в феврале 1953 г. выпустить книжечку «Чужие глаза», где вражеские врачи-агенты пытались сделать инвалидом нашего космонавта, но вовремя разоблачались; книжечка тут же была признана очередным

достижением советской фантастики и включена в список претендентов на Сталинскую премию.

Смерть Сталина в марте 1953 г. подо всем подвела черту. Врачи были оправданы, Тимашук лишилась награды. Понятовский получил выговор с занесением в учетную карточку — «за проявленное легковерие», а его новенькая книжечка (та часть тиража, которая еще осталась нераспроданной), была торжественно сожжена во дворе Дома писателей на ул. Воровского. Кстати, в ту пору в Москве сжигалось довольно много бумаги. Внимательный московский корреспондент «Юнайтед Пресс Интернэйшнл» (ЮПИ) Гарри Шапиро обратил, например, внимание на одно неприметное здание на Красной Пресне. Здание охранялось не хуже, чем военный завод, хотя военным заводом явно не было. День и ночь над крышей дымилась черным дымом лишь одна маленькая труба. Шапиро в то время и не подозревал, что это уничтожаются те сотни экземпляров газет и брошюр, что в 1952—1953 гг. по приказу Берии печатались специально для успокоения больного Сталина в количестве нескольких экземпляров. В февральском номере за 1953 г. такой поддельной «Правды», например, сообщалось о старте советской ракеты «Заря», которая должна была сделать посадку на Луне. Для умирающего Сталина был уже заготовлен номер «Правды» за 5 марта с весьма правдоподобным репортажем о возвращении героев космоса на Землю. Но эта газета уже не понадобилась.

VI. ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА... (1954—1968)

В октябре 1953 г. Борис Кузин, главный референт Булгакина, записывал в своем домашнем дневнике: «Что-то тренькнуло и надломилось в нашем часовом механизме...»

Что-то действительно надломилось. Внешне все было как всегда. После торжественных проводов Великого Вождя и Учителя товарища Сталина жизнь вошла как будто в свое привычное русло: враги народа успешно разоблачались (главным оказался английский шпион Берия), лагеря еще стояли, космодромы строились, цены на хлеб и водку остались прежними, в «шарашках» двигали проект «Катапульта», в каждой газете присутствовала «лунная» тема, научная фантастика выходила в тех же количествах (летом, например, увидел свет очередной «кирпич» Анатолия Спирина «Первая орбита»). Казалось бы, Степану Кургузову, руководителю могущественной Секции, заместителю быстро спивающегося генсека Союза писателей Александра Фадеева и только формально «второму человеку» (а фактически первому) в литературной иерархии беспокоиться решительно нечего. И тем не менее каждое утро Кургузов с тревогой разворачивал «Правду»: не началось ли?

Опасность, однако, подстерегала шефа фантастов вся страны отнюдь не из Главной газеты. Просто в декабрьском номере журнала «Новый мир», который в ту пору редактировал Александр Твардовский, появилась небольшая статья. Статья называлась «Об искренности в литературе», и автором ее был малоизвестный тогда критик Владимир Померанцев.

Разумеется, прочитав статью, Кургузов употребил всю свою власть и все свое влияние, чтобы наказать и автора, и журнал. Это ему вполне удалось. Пожалуй, никто из критиков, которые кучковались вокруг «Правды», «Известий»,

«Литгазеты», «Советской культуры» и других изданий, не оставил без внимания публикацию в «Новом мире». Людмила Скорино, например, писала в «Знамени»: «Нет, товарищ Померанцев, у вас получилась искаженная картина литературы...», Николай Лесючевский в «Литгазете» грозно интересовался, каким образом «проникла подобная статья в печатный орган Союза советских писателей», а Владимир Ермилов, назвавший свою статью в «Правде» «За литературу великой мечты!», на примере публикации В. Померанцева разглагольствовал «об ошибочных тенденциях в литературе и критике» («Автор, очевидно, забыл, что произведения тов. Кургузова в научной фантастике были и остаются лучшими, вдохновляющим примером профессионализма и идейности»). Главный редактор «Нового мира» был немедленно убран со своего поста с формулировкой «за серьезные уклонения от партийного курса», Померанцев же на протяжении пяти последующих лет не смог опубликовать ни строки в центральных изданиях.

Чем же так испугала статья «Об искренности в литературе»? Конечно же, не тоном и не увесистостью обвинений в адрес своих оппонентов — ничего подобного там не было. Напротив, В. Померанцев писал очень спокойно, рассматривал примеры из текущей фантастической прозы без гнева, а даже с каким-то виноватым недоумением. Точность анализа, впрочем, сопровождала убийственность выводов: «Конечно, скука от книги С. Кургузова «Транзит: Антарктида — Луна» объясняется и литературной беспомощностью. Но основное ее зло — в явной состроенности. На заводе ракетных кораблей, конечно, может идти борьба за наибольшую производительность труда, за ускорение сборки и так далее. Но борьба эта может стать фактом литературы лишь в случае, если в нее включаются мысли и чувства писателя. В романе нет, вероятно, греха ни против технологии промышленной сборки, ни против организации производства. В нем зато непростительный грех против искусства: он — роман деланный». Скорее всего, страх Кургузова вызвали не столько критические

замечания по поводу его собственного романа — хотя автор «Катапульты» уже и представить себе не мог, что его можно критиковать, — сколько подспудное стремление критика потеснить всю фантастику с господствующих позиций, усомниться в актуальности ее центральной темы. «Жюль Верн оказался пророком, а Бальзак не пророчествовал, — писал в заключение Померанцев. — Но Бальзак нам важнее Жюль Верна. Оправдавшейся догадке фантаста мы можем удивиться — и только...»

Несмотря на то, что опасная выходка Померанцева и «Нового мира» выглядела в ту пору единичной и оперативно была пресечена, Кургузов имел в дальнейшем известные основания для беспокойства. Прежней ясности отныне не существовало. Вынужденный по долгу службы поддерживать «линию» Хрущева, шеф Секции фантастов делал это без большого энтузиазма и без той истовости, с которой он служил Хозяину. Видимо, новых руководителей страны Кургузов считал классическими неудачниками, не сумевшими правильно воспользоваться двумя крупными козырями, которые были подарены им самой судьбой. Массовая реабилитация осужденных по «политическим» статьям могла бы сделать Хрущева национальным героем, однако она была проведена так по-русски бездарно, что вызвала, в конце концов, только раздражение по адресу секретаря-освободителя. Помимо этого, тут же начал крениться миф о нашем оборонно-космическом могуществе: после XX съезда КПСС (1956) зэки, вернувшиеся со «строек века» в Байконуре, Плесецке, Капустинном Яре, Городомле и Томске-8, рассказывали — не взирая на все строжайшие запреты и подписки «о неразглашении» — о гнусной изнанке «лунныхстроек». Люди узнавали, что каждый будущий плацдарм для «шага в небо» обходился в три-четыре сотни тысяч жизней — обмороженных, больных, «доходяг», расстрелянных «по акту» (недаром Александр Солженицын чуть позже сделал своего героя-зэка Ивана Денисовича Шухова строителем именно на таком «объекте»).

Как ни печально, Хрущеву не помогли даже очевидные успехи в осуществлении «Проекта-К», которые пришлось на середину 50-х — начало 60-х годов. Группой Королева в конце концов был спроектирован мощный ракетный двигатель, достаточный для вывода на орбиту небольшого груза; в октябре 1957 г. был запущен искусственный спутник, двумя годами позже — капсулы с собаками Лайкой и Стрелкой. Успех советской космонавтики имел большой резонанс на Западе и подстегнул США к еще более ускоренным работам по проекту «Moon» (позднее он стал называться «Аполлон»). У нас же реальные победы, о которых с утомительным задором твердили газеты, вызвали, напротив, новый приступ недовольства. Сталинская мифология в очередной раз сработала против Хрущева. В российской глубинке, например, многие были твердо убеждены, что запуск спутника для СССР — явный шаг назад, свидетельство бездарности «кукурузника». В дневниковых материалах к известной статье Федора Абрамова «Вокруг да около», опубликованных уже после смерти писателя в середине 80-х, есть любопытная запись разговора со старым колхозником из Верколы, очень точно иллюстрирующего эту точку зрения. «При товарище Сталине, — говорил старик, — мы на Луну летали и держали там гарнизон. А лысый наш дурак теперь только рогатые шарики в небо запускает да дворняжек...»

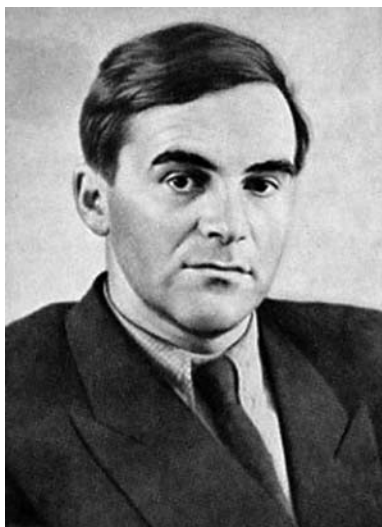
Другая, полярная (но еще более скептическая), точка зрения распространилась в среде столичной интеллигенции и сводилась к тому, что поскольку и при Сталине газеты вращали о космосе, то теперь «тем более врут, и что ни спутников, ни полета Гагарина в 1961 г. на самом деле просто не было: мол, все это не более, чем пропаганда. Отголосок таких настроений можно найти в написанном в начале 60-х романе А. Солженицына «В круге первом», в разговоре Рубина с Нержиным. («Какая-токая Луна? — приметливо усмехнулся в бороду Рубин. — Вечно ты выдумываешь, Глебушка. Как, скажи на милость, можно к Луне слетать, если нет в природе никакой Луны, да и не было никогда?» — «А что

же нам, Лева, в окошко светит?» — с любопытством спросил Нержин. «А тарелка жестяная с лампочкой нам светит, — тотчас же с готовностью отозвался Рубин, словно ждал этого вопроса. — Подвешенная в небе по приказу товарища Абакумова лично. Чтобы сексоту с кумом по ночам встречаться веселее было...»)

В новой непривычной атмосфере видные «официальные» фантасты из кургузовской Секции чувствовали себя тоже не очень уютно. Зато, уже с середины 50-х, вне всяких согласований с Кургузовым, появились вдруг иные фантасты, с Секцией совершенно не связанные и не изъявляющие особого желания в нее поскорее вступить. Для подопечных Кургузова самой распространенной формой давно стал многотомный роман-эпопея (в 2, 3, а еще лучше — в 5 томах). Новички вступали в фантастику с иными формами — коротким романом, повестью, рассказом или даже небольшой двухактной пьесой.

«Первыми ласточками» стали рассказ Даниила Гранина «Собственное мнение» и компактный роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованные в 1956 г. в «Новом мире» уже отнюдь не при Твардовском, а в пору редакторства куда более осторожного и «политичного» Симонова.

Рассказ Гранина представлял собой, может быть, литературно не очень яркий, но сюжетно нетрадиционный для той поры спор с концепцией «производственной фантастики», вполне в духе всячески осужденной и разоблаченной статьи Померанцева. Автор был на самом деле искренен, сопоставляя

Д. Гранин

двух ученых — конструкторов новейшего ракетного двигателя Ольховского и Минаева. Директор НИИ Космических Исследований «консерватор» Минаев выглядел отнюдь не монстром. В глубине души он вполне соглашался с техническими идеями своего подчиненного-«новатора» («Ольховский убедительно доказывал неэкономичность новых двигателей конструкции академика Строева»). Но, будучи еще и Ответственным Лицом, Минаев не имел права его поддерживать. «Политика» для директора перевешивала и истину, и человеческое расположение, и сознание собственной неправоты. Даже проскользнувшее было страшноватое видение пассажирского космического корабля, застрявшего в пустоте из-за обещанных сбоев в строевских двигателях, — и то не могло повлиять на Минаева. Плюгавый инструктор горкома Локтев, административное ничтожество, по сюжету имел право решать за него, академика Минаева, а тот обречен был ничем не проявлять «собственного мнения». В финале рассказа окончательно делалось ясно, что «положительный» Ольховский никогда не выиграет поединок. Гранин дерзко спорил с «лакировочной» фантастикой, в которой если конфликты и выходили за пределы спора лучшего с хорошим, то все равно в финале добродетель легко торжествовала. Томительное чувство морального дискомфорта, не покидающее читателя, было главным художественным открытием автора рассказа.

Еще более серьезную попытку расквитаться со стереотипами жанра предпринял в своем романе Владимир Дудинцев. Пассивного, «страдательного» Ольховского сменил активный, деятельный Лопаткин. Новая конструкция бортовой навигационной системы «Сирена» для лунных комплексов типа «Зенит», придуманная инженером Дмитрием Лопаткиным, превосходила все мыслимые аналоги. «Сирена» была уникальным созданием, чудом техники, шагом в грядущие столетия... И как раз поэтому изобретение Лопаткина категорически не устраивало Леонида Дроздова, директора завода экспериментальных конструкций. Будь на месте Дудинцева какие-нибудь В. Понятовский с В. Маркеловым, Дроздов

немедленно оказался бы по сюжету иностранным агентом и в конце был бы разоблачен бдительной заводской уборщицей или родной женой. Владимир Дудинцев не верил в шпионские хитрости. Напротив, Дроздов был самым что ни на есть «честным советским человеком», сыном Системы и ее продуктом. Естественно, сознательно Дроздов никому не желал вреда, он лишь подчинился руководящей направляющей директиве и физически не мог с ней спорить. А раз не мог, то навсегда изгнал все сомнения. У Гранина директор Минаев хотя бы в душе признавал правоту подчиненного. Дудинцев продемонстрировал еще более безотказный административный механизм, великолепного «универсального солдата» партии. Раз новаторство Лопаткина не было записано в программе — значит, оно должно быть искоренено. Пусть даже вместе с человеком.

В советской фантастике Дроздов был родоначальником большой плеяды цельнометаллических «терминаторов», которые, сохраняя рассудок и еще целый спектр чисто человеческих качеств, могли топтать и совесть, и здравый смысл, раз программа считала это правильным и полезным для дела. (Потом были Вальган в «Битве в пути» Г. Николаевой, Онисимов в «Сшибке» А. Бека, Воробьев в «Дороге назад» Ю. Бондарева и, как вершина всего, Кандауров в «Старике» Ю. Трифонова, где этот герой после тщательного медицинского обследования и на самом деле оказывался киборгом, точной копией человека...) К счастью, Лопаткин тоже был «железным малышом» (Ю. Трифонов), хотя и по-своему. Этот прагматик тоже не знал колебаний и рассчитывал все свои ходы и контрходы на много вперед. Самые «крамольные» по тем временам эпизоды (сцена в Совете Министров, описание ареста Лопаткина и разговор в кабинете следователя) свидетельствовали, что главный герой романа — отнюдь не жертва. Как становилось очевидным по ходу сюжета, все, происходившее с ним — включая арест и лагерь, — было заранее предусмотрено Лопаткиным, и конечная победа его над Дроздовым предreshена. Этого, похоже, не заметили

критики, писавшие о романе, — и те, кто поначалу хвалил, и те, кто позднее яростно называл «Не хлебом единым» не иначе как «предательством наших идеалов», а самому Дудинцеву сулил должность бургомистра Москвы, если ее вдруг захватят войска интервентов. Хотел того автор или нет, но его «положительный» изобретатель Лопаткин, защищающий правое дело, выглядел не меньшим «терминатором», нежели его антагонист. Дудинцев блестяще продемонстрировал всю ограниченность сталинского «романа социалистической мечты и фантазии»: в его произведении, по существу, отважно бились два робота, один из которых был слегка модернизирован и потому имел шанс на победу. (Не зря ведь нью-йоркский кинокритик Лилиан Бреннор на XIX Московском кинофестивале то ли в шутку, то ли всерьез уверяла автора этих строк, что сцена поединка двух механических стражей порядка в фильме «Робокоп» пришла в голову режиссеру Полу Верховену лишь после того, как кто-то из «русской» массовки подсунил ему американское издание романа «Не хлебом единым», в переводе, между прочим, названного «Контратака»).

Надо признать, что реакция критики на рассказ Гранина и, в особенности, на роман Дудинцева была очень острой. Первоначально, как только обе эти вещи увидели свет, критика ошеломленно молчала. Независимый вид, с которым сам Дудинцев сидел на всех собраниях Московского отделения СП, в первый момент дезориентировал всех, кто писал о проблемах фантастики. Многие едва ли не прониклись уверенностью, что Дудинцев — преемник Кургузова, и что появление романа — сигнал о корректировке курса, поданный с самого верха. Любопытно, что сам Кургузов некоторое время тоже так думал, усиленно размышляя, кто же из Политбюро подставил ему ножку — Шелепин или сам Хрущев. «При желании Симонов с Дудинцевым могли достаточно долго мистифицировать эту публику, — замечал Рафаил Нахмансон в своей книге «Двадцать лет с «Новым миром». — В литературных кругах все давно ждали какого-нибудь грозowego

разряда, и им уже в начале 60-х и впрямь стали две знаменитые повести Солженицына и Потапова. Но, в принципе, гром мог грянуть и раньше — в любой момент после XX съезда. Статья Померанцева еще выглядела ласточкой, подбитой с первого же выстрела. Публикация романа «Не хлебом единым», со всех точек зрения, могла уже оказаться не рискованной самостоятельностью одного писателя и одного редактора (чем и была в самом деле), но принципиальным шагом нового кремлевского руководства. Это «всеобщая растерянность», по выражению того же Р. Нахмансона,

едва не дала возможность роману закрепиться на внезапно занятой стратегической высоте. Во всяком случае, обсуждение на секции прозы Московского отделения СП (22 октября 1956 г.) не выявило никого, кто высказал бы свое несогласие с романом. Даже Кургузов не проронил ни одного худого слова (он вообще очень предусмотрительно промолчал). Прочие же не жалели комплиментов: «Перед нами вещь выстраданная, в ней и наша боль, и наша радость...» (Л. Славин), «Я прочитал роман и считаю его явлением принципиально положительным...» (С. Михалков), «Дудинцев обогатил нашу фантастику новым неожиданным поворотом вечной темы...» (С. Шпаньрь), «Поражение Дроздова — знак, что мы освобождаемся от тяжкого наследия культа личности Сталина...» (В. Понятовский). И так далее. Стенограмма обсуждения была доставлена лично Симоновым в Идеологический отдел ЦК, и, поскольку наверху мнение о романе Дудинцева еще не определилось, был немалый шанс, что факт положительной оценки этого произведения в Московской писательской организации может стать решающим. Кургузов в тот момент

Обложка романа
В. Дудинцева
«Не хлебом единым»

был настолько деморализован, что не воспользовался своими привилегиями и не решился «скорректировать» мнение. Судьбу романа В. Дудинцева решил случай.

31 октября группа неизвестных лиц проникла на территорию сверхсекретного объекта «Дельта» в венгерском городе Чепеле близ Будапешта (там по договору с ВНР размещался завод по производству ракетного топлива, специально выстроенный вблизи месторождения в соответствии с проектом «Катапульта»). Злоумышленники подожгли несколько цехов, в результате чего объект серьезно пострадал. Диверсия в Чепеле отсрочила запуск первого спутника СССР на год, а лунный проект — еще на более долгий срок. Хрущев был взбешен. Он вызвал посла Венгрии в Москве, не пожелал слушать извинений и обещаний провести расследование, а говорил с ним в таком зловещем тоне, что все его угрозы вполне могли быть расценены как объявление войны. 1 ноября Имре Надь известил советского посла в Венгрии Юрия Андропова, что Венгрия больше не потерпит диктата Москвы и выходит из Варшавского договора. 4 ноября советские танки вошли в Будапешт. Соппротивление венгров было подавлено самым жестоким образом...

К тому времени С. Кургузов уже опомнился и среагировал очень быстро и точно. Через Шелепина он передал Хрущеву докладную записку о появлении «идейно вредного» фантастического романа В. Дудинцева, полного «ревизионистских тенденций и нездорового злопыхательства», что «в свете последних трагических событий в Венгрии требует самой тщательной и бескомпромиссной партийной оценки». Все, однако, решила ритуальная формула о том, что «автор романа высказывает неверие в возможности отечественного ракетостроения и скорейшего достижения Луны». После катастрофы в Чепеле не было ничего, что могло бы настолько разъярить Хрущева, как прямое или косвенное напоминание о наших «лунных» провалах.

В тот же день Никита Сергеевич потребовал к себе Д. Поликарпова и сунул ему докладную Кургузова с возгла-

сом: «Будапешт в Москве хочешь? Да?!» (Полтора десятилетия спустя сам Хрущев, уже отставленный со своего поста и кое-что понявший, сам рассказал об этом эпизоде с заметным чувством неловкости.) Поликарпов тотчас же пригласил к себе испуганного А. Суркова, сменившего Фадеева на посту генсека СП СССР, и торжествующего С. Кургузова.

Ренессанс советской фантастики был отложен до 1962 г.

«Идейный разгром» романа Владимира Дудинцева занял более трех месяцев. Симонов уцелел на своем посту главного редактора «Нового мира» (впрочем, ненадолго) только лишь потому, что тут же признал свою вину и с ходу осудил роман как «вредный». Кургузов, правда, и не жаждал «крови» Симонова: ему важнее было реабилитировать свою Секцию, создав вокруг романа-конкурента плотную атмосферу народного гнева. 26 января 1957 г. кандидат в члены Секции, прозаик Виктор Сытин первым выступил на партсобрании писателей Москвы. Кургузов знал, кому поручать первый доклад: автор весьма жалкой повести об использовании термозащитных элементов на поверхности Луны, опубликованной в журнале «Техника — молодежи», ждал только случая, чтобы ударить по выскочке из «Нового мира». «Обличительная» речь В. Сытина задавала собранию необходимый настрой, после нее и Евг. Долматовский, и М. Гус, и все прочие уже высказывались в том же духе.

Дальше пошла лавина: журнал «Коммунист» (№ 3) — «об идейных ошибках» журнала «Новый мир», Д. Еремин на пленуме правления МО ССП — об «идейной незрелости» автора, П. Бровка на пленуме СП Белоруссии — о том же самом, Н. Шамота на совещании критиков (Киев) — тоже о романе Дудинцева как о «явной уступке мещанским взглядам на жизнь». И так далее, и тому подобное. Практически все республики, все печатные органы, так или иначе причастные к литературе, должны были «отметиться». С особой мрачностью торжественностью прошло обсуждение (точнее, осуждение) романа «Не хлебом единым» на Секции фантастики, состоявшееся 7 апреля в Кремле, в Малом Георгиевском зале.

Присутствовали Н. С. Хрущев, Д. Т. Шепилов и Е. А. Фурцева. Степан Кургузов тоже сидел в президиуме, наслаждаясь экзекуцией как бы со стороны, — вести заседание он поручил Анатолию Спирину. Члены Секции и кандидаты в члены Секции сами рвались в бой — в особенности те, кто имел глупость несколькими месяцами раньше поддержать роман. Покаянные речи С. Шпаньря («Словно затмение какое на меня нашло, дорогие товарищи! Сам не понимаю, как я мог идейно ущербную, фактически вражескую вещь отщепенца Дудинцева оценить положительно?!») и В. Понятовского («Мне очень горько, что и я попался в буржуазную западню, которую расставил нам под видом своего фантастического романа гражданин — а, может быть, господин? — Дудинцев...») были выслушаны собравшимися с воодушевлением, а когда А. Казанцев в запале предложил «выставить вон изменника из Советской страны!», то зал поддержал это предложение громовыми аплодисментами. Сам В. Дудинцев на заседании не присутствовал, благоразумно учтя атмосферу всех предшествующих обсуждений и вполне здраво предполагая, что из родного стана писателей-фантастов крики «Распни его!» звучать будут громче всего.

В заключение слово взял Н. С. Хрущев. По сравнению со многими из выступлений речь его была даже несколько миролюбива. Он признал, что «в книжке Дудинцева есть и правильные страницы» и что роман он «читал без булавки», однако «общее направление книги неверно. У читателя создается впечатление, что автор этой книги умышленно сгущает краски, изображая директора крупного ракетного завода в виде какого-то, я извиняюсь, куклуксклановца. В то время как на ответственные посты партия у нас назначает достойных людей...» Степан Кургузов был немного разочарован: он ждал громов и молний и новых поощрений Секции за проявленную бдительность. Однако Хрущев был настроен куда более спокойно, чем в январе. Разгадку можно найти в мемуарах А. Н. Фролова, тогдашнего куратора «Проекта-К», первого заместителя министра госбезопасности: «6 апреля

Никита Сергеевич встретился с Главным — так между собой мы тогда называли Генерального конструктора С. П. Королева. Королев точно пообещал, что первый спутник будет запущен не позднее дня 40-й годовщины Великого Октября, а вероятнее всего, и раньше. Всю неделю у Н. С. было бодрое настроение. С ходу он даже поубавил свой гнев на фантаста Дудинцева, которого одно время за роман про ракетных конструкторов называл «изменником». Между прочим, по агентурным данным, самому Сергею Королеву книга, напротив, очень понравилась. Однако свое отношение он — по понятным причинам — в ту пору не высказал...

Н. Хрущев на обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»

Инцидент с романом «Не хлебом единым», несмотря на предельно суровую оценку, был все-таки признаком «оттепели», в конце концов, автора не отправили в лагерь и даже не исключили из Союза писателей. Каждый маленький прорыв «из царства необходимости в царство свободы» давал возможность делать следующий шаг.

Выход в свет романа В. Дудинцева косвенно способствовал реализации идеи альманаха «Литературная Москва» — он появился в продаже в начале 1957 г. Примерно треть толстого тома была, по традиции, отдана фантастике. Причем среди вещей, рекомендованных Секцией С. Кургузова («Начало» А. Егорова, «Колесо Фортуны» Д. Островского, «Игра в Герострата» В. Казакова и др.), каким-то образом затесался рассказ А. Яшина «Рычаги». Кургузов, обманутый названием, не стал вчитываться в текст и дал «добро» на публикацию. В действительности же рассказ с «производственным» заголовком был отнюдь не о рычагах. Вернее, о людях-рычагах,

которыми могут управлять любые бестрепетные руки. Действие рассказа происходило на Н-ском космодроме за час до старта. Бригада инженеров, конструкторов и космонавтов-дублеров вела самый обычный разговор. Читатель неожиданно узнавал, что полет плохо подготовлен, что «с таким двигателем не то что до Луны — до Астрахани не долетишь», что отбор пилотов шел второпях — нужно было поспеть к какой-то там очередной дате, а горючее «годится только для пожара, а не для полета». Вдруг оказывалось, что все эти беды — вовсе не новость для начальства («но ведь и ему надо скорее, скорее...»), не сверхординарный случай, но довольно рядовая рутина. Вся эта страшноватая в своей обыкновенности беседа неожиданно прерывалась ударом гонга и командой: «... товсь!» И герои мгновенно менялись. Только что они были толковыми, злыми, неглупыми людьми, однако по сигналу тотчас же превращались в нерассуждающие винтики одной огромной машины, которые будут исполнять приказ — как бы ни нелеп или даже преступен он не был. Характерно, что на последней странице рассказа тот же голос, что еще десять минут назад убедительно разъяснял всем, почему то, чем они сейчас занимаются, есть нарушение всех видов техники безопасности, четырех инструкций «и вообще должностное преступление», теперь же, «медленно и звучно выпевая слова, повел: «Товарищ Генеральный конструктор! Корабль к полету готов! Все бортовые системы...»»

Рассказ вызвал взрыв праведного негодования на Секции; альманах «Литературная Москва» до следующего своего выпуска не дожид, усилиями Кургузова просто перестав существовать. Однако вал критических откликов, пронесшихся по страницам «Правды», «Литгазеты», «Известий», «Литературы и жизни» был пожиже, чем в случае с Дудинцевым. Возможно, писатели уже начинали потихоньку уставать по каждому поводу высказывать свое «глубокое возмущение». Многие вдруг сообразили, что, судя по теперешней книжно-журнальной активности, сидение в президиумах и на собраниях им пришлось бы сделать своею ежедневной работой, отставив

в сторону пишущую машинку и неосуществленные замыслы. Были, конечно, авторы, которые с легкостью променяли бы свой письменный стол на место за покрытым зеленым сукном столом президиума. Но таких было все-таки не так много.

К концу 50-х «фантастическая» реальность в Союзе писателей оказалась не лишена некоторых сюрреалистических черт. Как бы параллельно существовали две фантастики: привычная, за которую отвечала кургузовская Секция и которую исправно издавали центральные и региональные издательства, а также добросовестно печатали многие «толстые» и «тонкие» журналы. И — как бы не вполне официальная, подвергаемая постоянно критике, но не умирающая поросль, которая упорно ломала асфальт привычного и пробивалась то в «Новом мире», то в катаевской «Юности», то в каком-нибудь сборнике. Кургузов быстро понял, что по каждому случаю собирать Секцию или по крайней мере ее Президиум — просто глупо: на каждый вздорный рассказ Первому секретарю ЦК КПСС не пожалуешься, а только сделаешь конкуренту дополнительную рекламу. Оставалось только демонстративно игнорировать выскочек, пытающихся превратить научную фантастику — «самую партийную из всех литератур»! — в литературный повод для дешевого фрондерства. К сожалению для Кургузова, читатель конца 50-х и начала 60-х годов все больше тяготел к фантастике такого, «второго» направления. Это подтверждает хотя бы судьба двух публикаций, появившихся практически одновременно: романа стойкого «кургузовца» и к тому времени уже председателя Ленинградского отделения Секции фантастов Олега Хрусталева «Под куполом» (журнал «Звезда», 1957, № 10—12) и пьесы Виктора Розова «В поисках радости» (журнал «Театр», 1957, № 12).

Роман О. Хрусталева был по указанию начальства спешно инсценирован, и уже в феврале 1958 г. спектакль «Под куполом» шел в ленинградском БДТ (постановка Андрея Ливанова). Как раз в это же самое время в Москве молодая труппа «Современника» играла первые спектакли розовской драмы (постановка Олега Ефремова).

В своем новом романе О. Хрусталева, по существу, развивал сюжет своей же «Битой карты». Раскладывался обычный шпионский пасьянс, только действие на сей раз было перенесено с борта космического корабля на поверхность Луны, под самый купол исследовательской станции «Надежда». Те, кто позднее прочел рассказ американского фантаста Джона Кемпбелла «Кто ты?», мог убедиться, что Олег Хрусталева был, как всегда, подражателем. Правда, ему не хватило духу сделать инопланетного агента, скрывающегося на станции под видом человека, каким-то жутким чудовищем в духе сегодняшних хорроров: враг был все-таки человеком, просто внеземного подданства. Соответственно обнаружить агента можно было, только найдя при нем какие-нибудь инопланетные документы (о, неизъяснимая ментальность советского человека!). Как только самый юный житель купола, ангелоподобный веснушчатый Володя Сергачев случайно обнаруживал в оранжерее компрометирующие бумаги, роман заканчивался триумфом советской науки и госбезопасности...

Надо отдать должное режиссеру-постановщику Андрею Ливанову: из этого безумно нудного текста, пронизанного к тому же явной манией преследования, им была сделана вполне пристойная инсценировка, которая могла бы продержаться не один сезон. Режиссер тщательно препарировал роман О. Хрусталева, сократил множество сюжетных линий, не без изящества сместил акценты. Шпиономанию персонажей, которую писатель безусловно оценивал со знаком «плюс», постановщик спектакля умело окарикатурил, сделал смешной и страшной. Под мерный стук метронома среди вспышек стробоскопических ламп по сцене метались странные люди с воспаленными лицами. Эти люди следили друг за другом и устраивали друг другу утомительные допросы. В конце третьего акта неприятного вида пацан с прической *a la* Павлик Морозов торжествующе потрясал какими-то листками — после чего трое взрослых персонажей сосредоточенно связывали четвертого. Эта почти кафкианская обстановка так напоминала сталинские кошмары,

что актерам Е. Лебедеву, К. Лаврову, Н. Трофимову и Е. Копеляну легко удавалось преодолеть остатки хрусталева текста; на два часа воскресшая жуть из старых не позабытых времен выводила зрителей из равновесия, будила их страх и совесть. Будучи человеком достаточно тщеславным и весьма недалеким, сам О. Хрусталева первое время просто не осознавал, во что превратилось его глубоко выдержанное произведение. Ему нравилось на первых спектаклях выходить на сцену под занавес, кланяться, получать цветы, раздавать автографы. Он даже — к тихой радости ленинградской интеллигенции — протолкнул в «Вечерний Ленинград» положительную рецензию на спектакль, где уже почти все вещи были названы своими именами.

Конечно, подобная дерзость не осталась незамеченной: Кургузов тотчас же получил донос из Ленинграда, что его правая рука «примкнул к этим новым», «поддался влиянию обличителей» и пр. Шеф Секции тут же сел в «Стрелу» и на следующий день был в Ленинграде, а вечером инкогнито побывал на спектакле. Постановка произвела на него удручающее впечатление, а бурная реакция зала чуть было не укрепила его в скверном подозрении, будто ленинградских фантастов он вообще вот-вот потеряет. К счастью для Хрусталева, Кургузов решил все-таки объясниться с предателем и, в конце концов, поверил в искренность испуганного романиста. Через два дня Олег Хрусталева разразился в «Ленинградской правде» гневной статьей «Кошунство!» (5 марта 1958 г), после чего спектакль был немедленно снят с репертуара, а режиссер Андрей Ливанов — с работы.

Борьба с мятежным Ленинградом отвлекла руководителя Секции от столичных дел. Именно поэтому премьеры пьесы В. Розова «В поисках радости» в московском «Современнике» прошла мимо С. Кургузова — хотя это событие безусловно принесло дополнительную популярность набирающим силу фантастам-«обновленцам». По нынешним временам «трагедия-фарс» (авторское определение жанра) Виктора Розова выглядит очень наивным, едва ли не примитивным

произведением. Однако в ту пору пьеса воспринималась как благотворный знак, как шаг к освобождению от прежней заскорузлости и к отказу нести в будущее «пошлый опыт — ум глупцов». Действие пьесы разворачивалось, как и у Хрусталева, под куполом Лунной базы, но главный герой — пятнадцатилетний Олег Савин — был совершенно не похож на малолетнего стукача из романа ленинградского фантаста. Автор нашел несколько метафор, которые режиссер «Современника» не замедлил использовать. Толстое стекло купола отделяет мальчика от безжизненного и безвоздушного мира Луны. Здесь, на станции, под купол накачивается свежий воздух, однако юноша буквально задыхается в мещанской атмосфере, которую своими поступками создает на станции жена его брата Федора — Елена. Маленькую территорию общего «жизненного пространства» Елена медленно заставляяет дорогой и бесполезной мебелью — тумбочками, пузатыми буфетами, столовыми горками, этажерками и проч. (где она достает все это на Луне, автора справедливо не волнует: такие все везде раздобудут!). Мальчика постепенно загоняют в угол, тихо, но твердо тесня его тяжелыми деревянными конструкциями. Олег (его очень эмоционально сыграл молодой Олег Табаков) в финальных картинах спектакля уже, как диковинный жук, распят на ампирном буфете. Последний его поступок красив и самоубийствен: дедовской шашкой он рубит защитное стекло купола, чтобы выйти, наконец, туда — где нет жизни, но по крайней мере есть свобода...

Разумеется, многими чертами сюжета пьеса В. Розова дерзко противоречила математически выверенным канонам жанра научной фантастики (и мебель на Луне, и разгерметизация станции — в результате которой погиб бы не только мальчик, но и все обитатели купола...). Это и было одной из целей автора: в недрах официального жанра и официально приоритетной «лунной» тематики необходимо было создавать принципиально новые произведения, которые бы ломали стереотипы. Впервые читателю предлагался настоящий выбор — между трафаретной «Лунной дорогой» Алексан-

дра Казанцева и раскованным, ироничным «Билетом на Луну» Андрея Измайлова (повесть напечатана в «Юности» в 1959 г.), между примитивно-агитационной «Проданной Луной» Абрама Кнопва и веселым гротеском Владимира Тендрякова «Тройка, семерка, туз» («Новый мир», 1960 г.), где действие происходило параллельно на космическом корабле «Стремительный» и в глухом сибирском селе Нижние Дергачи. Даже Степан Кургузов, взявши было себе за правило не реагировать ни на какие вражеские вылазки, и тот не выдержал ударил по Тендрякову большим «подвалом» в «Литгазете», написанном В. Ермиловым. Люди-марионетки на «Стремительном» слишком уж откровенно и издевательски напоминали бесплотных космонавтов из «Кратера Браге» самого Кургузова и героев сотен его литсобратьев. Тендряков, писатель большого таланта и большого ехидства, собрал на борту «Стремительного» все человекоподобные схемы, лелеемые ведущими писателями Секции, желая утопить их вместе с кораблем на Луне, в безводном и бездонном Море Дождей. Кстати, статья-донос В. Ермилова не пропала даром — ее вместе с повестью Тендрякова услужливые референты поднесли Хрущеву в самый подходящий для этого момент: в апреле 1960 г., сразу после взрыва на старте в Капустином Яру первого экспериментального космического корабля «Победа» вместе с пилотом-камикадзе Александром (Андреем?) Архангельским. Тогдашний главный редактор «Известий» Алексей Аджубей в своей книге «Те десять лет» вспоминал потом, как Хрущев, лениво перелистав голубенькую книжку «Нового мира», задержался на статье Ермилова в «ЛП», побагровел и выругался: «Вот паскуда!» Мемуарист вначале, не поняв, решил было, с чувством облегчения, что слова эти относятся к Ермилову, однако потом оказалось, что Первый имел в виду Тендрякова, посмеявшегося устроить аварию в своей повести. Эти строки и проясняют тот загадочный эпизод на встрече Хрущева с фантастами, который много лет спустя с недоумением описывал в своем очерке «На блаженном острове коммунизма» сам Тендряков:

«Я стоял в стороне, всматривался в умильную картинку и вдруг... Вдруг через головы толкущихся я встретился с направленным прямо на меня — могу поручиться! — взглядом Хрущева. Только что он добродушно улыбался, и лицо его, чуточку разомлевшее от жары, право же, выражало удовольствие. Сейчас я через головы, на расстоянии видел уже совсем иное лицо — не размягшее, не отдыхающее, а собранное, напряженное, недоброе. Взгляд, направленный на меня, казался подозрительно-недоверчивым, почти угрожающим. Так могут смотреть только на врага...»

Колебания настроений Первого секретаря ЦК КПСС, безусловно, оказывали влияние на книжно-журнальный процесс в стране. Скажем, повесть «Третья ракета» Василя Быкова, попавшая Никите Сергеевичу под горячую руку, была изъята из уже практически отпечатанного тиража «Нового мира» (произведение об экстремальной ситуации на космодроме, сюжетно предвосхитившее последующие события времен Карибского кризиса и внеочередного испытания ракет системы «Восход»). С другой стороны, прочитанные Хрущеву за завтраком в Пицунде главы из новой поэмы Твардовского «Теркин на Луне» (еще более «крамольной», чем только что не пропущенная цензурой поэма «Теркин на том свете»), так понравились Никите Сергеевичу, что он с ходу дал разрешение

А. Твардовский

напечатать сразу оба произведения, и не только в «Новом мире», но и в аджубеевских «Известиях». (Уже из верстки цензура все-таки выгрызла одно четверостишие: «Где Россия, где Луна — // Не поймет Василий» и т. д. — на том основании, что, дескать, рифма «Луна» — «ни хрена» не является литературной и одновременно бросает тень на спутник нашей планеты).

И все же литературная «оттепель» — как называл это состояние общества Илья Эренбург — продолжалась, вне прямой зависимости от амплитуды хрущевских нагоняев и милостей. К радости многих фантастов, не принадлежащих к кургузовской секции или пытающихся втихомолку выйти из-под ее контроля, после успешного запуска корабля «Восток-1» с Юрием Гагариным на борту (апрель 1961 г.) Никита Сергеевич надолго переместил свое внимание с литературы на космонавтику. Ему казалось, что еще один рывок — и Луна будет достигнута. Однако как только он начинал дергать и торопить королевскую группу, дело совершенно необъяснимым образом начинало стопориться. Вероятно, люди уже отвыкли работать в атмосфере изнурительной гонки за результатом, и новая спираль спешки, раскручиваемая Хрущевым, бессознательно вызывала у них протест. Хрущев злился, устраивал разносы Королеву и Келдышу, но дело не двигалось быстрее...

Тем временем свободомыслие захватывало все новые плацдармы. Сталинский «лунный проект», продолжателем которого по-прежнему считал себя Хрущев (во всем остальном уже осудивший Сталина), все чаще являл свои крайне непривлекательные, зловещие черты. Вся «лагерная проза» была направлена, с одной стороны, против безмерного унижения ни в чем не повинного человека, а с другой — развенчивала шизофреническую гигантоманию вчерашнего «вождя». В появившемся тогда стихотворении Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» не случайно были и такие строки: «Стране миллионной дыхание сдавила узда, / Но бронзовым взглядом еще он

Е. Евтушенко

и космос обшаривал. / И даже Луну он чуть-чуть не загнал в Магадан / — За то, что посмела светить и в другом полушарии...» (Позднее, уже во времена Брежнева, от Евтушенко требовали извинений за это дерзкое стихотворение, однако поэт ответил, что готов извиниться разве что за неудачную рифму «узда — Магадан».)

Публикация в июльской книжке «Нового мира» за 1962 г. рассказа Василия Аксенова «На полпути к Луне» как бы предваряла грядущую встречу читателей журнала с «Одним днем Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Правда, лагерная тема звучала у Аксенова еще глуховато, но все же вполне отчетливо. Молодой парень Валера Кирпиченко, бывший зэк, работавший на строительстве космодрома в Сибири, после реабилитации уже навечно прикован к этому суровому краю. У него нигде больше ничего нет — ни дома в Москве, ни столичной прописки, ни больших денег. Есть только работа на космодроме, где он теперь вкалывает на правах «вольного», и есть безнадежная любовь к девушке Тане, стюардессе сверхсовременного космолайнера «Земля — Луна», которую он видел только один раз — когда из-за непогоды лайнер приземлился на здешнем космодроме. Рассказ, внешне неброский, был проникнут такой болью и такой тоской, что у читателя перехватывало дыхание. А финальный разговор Валеры с его приятелем, инженером Маневичем, только усиливал это чувство: «Маневич, ты не знаешь, сколько до Луны километров? — умоляюще сказал он, глядя на Таню, — ты же молодой специалист, ты ведь должен знать». — «Да тысяч триста, что ли», — сказал Маневич. «Недалеко, — подумал Кирпиченко, — плевое дело...»

Рассказ был замечен многими, и если бы не последовавшая вскоре публикация повести Солженицына, он стал бы предметом еще многих и многих разговоров (а также «пишем в редакцию» и газетных «подвалов»). Однако «Один день Ивана Денисовича» вызвал сразу еще больший интерес. Памятуя печальные уроки публикации романа «Не хлебом единым», Твардовский (он с 1958 г. снова занял пост главного

редактора журнала, сменив Симонова) на этот раз решил подстраховать публикацию «на самом верху». В. Лебедев, тогдашний помощник первого секретаря, взялся лично оказать содействие, и ему удалось втолковать недоверчивому Хрущеву, что «Один день...» — «в высшей степени партийная книга, написанная в соответствии с духом XXII съезда».

Повесть Александра Солженицына оказала огромное, может быть, до сих пор еще не оцененное в полной мере, влияние на развитие советской фантастики — в центральной, «стержневой» ее теме. Впервые решительно и недвусмысленно был поставлен простой и страшный в своей простоте и ясности вопрос: «Зачем?» Увиденный глазами рядового заключенного Ивана Денисовича Шухова, строителя на секретном стратегическом космодроме Томск-8, «Великий Проект» превращался в нечто бессмысленное и прозорливое, в безумного Молоха, пожирающего людей просто так, без цели. Шухов — не мыслитель, не аналитик, он «просто» участник всех этих событий, их жертва, их наблюдатель. Умные и жестокие монологи отданы автором другим, второстепенным персонажам — бывшему астроному Цезарю Марковичу, бывшему кавторангу Буйновскому или даже вовсе безымянному персонажу X-123. Это они в повести не раз и не два своими точными и беспощадными логически выверенными оценками фактически подпишут приговор бездонному «проекту» («А известно ли вам, голубчик, — увесисто говорил Цезарь, в телогрейку свою поплотнее закутавшись, — что сейчас пока особого стратегического или даже тактического

А. Солженицын

оборонного значения Луна не имеет. Лет через двадцать — может быть, но тогда уже наши постройки будут старым хламом. А пока все наши отважные чкаловы и водопьяновы, преодолев они космическое пространство и опустившись на Луну, смогут только крикнуть разок: «Да здравствует товарищ Сталин!», а потом в лед превратиться. Потому как ни воздуха, ни тепла, ни полезных ископаемых — вообще ничего нету. Место для памятника нашим свершениям — и только. Но там даже зону толковую для строительства этого памятника на Луне не поставишь. Чем эзков кормить прикажете? Чем им дышать, в конце концов?» и т. д.). Иван Денисович малограмотен, не принадлежит к лагерной «образованщине», и однажды, улучив момент, даже полусерьезно интересуется у кавторанга: «Слышь, кавторанг, а как по науке вашей — старый месяц куда потом девается?» Однако то, что умные и толковые эзки понимают разумом, Шухов чувствует душой — тоньше, острее, и недаром его одно только определение нелюбимой Луны — «волчье солнышко» — по значению уравнивается автором с самыми разоблачительными высказываниями других персонажей...

В своих записках, опубликованных уже после смерти их автора, бывший помощник Хрущева В. Лебедев вспоминал, как трудно было уговорить Хрущева. Тот, прочитав несколько страниц и наткнувшись на цитированный выше монолог Цезаря, едва не отшвырнул рукопись. И потребовалось все дипломатическое искусство и Лебедева, и Твардовского, чтобы доказать, будто все эти филиппики относятся исключительно к сталинским временам и никоим образом не бросают тень на научно проверенную современную «лунную программу». (Тем не менее через несколько лет, уже во время правлений Брежнева повесть закрытым постановлением ЦК была запрещена к переизданию и к выдаче в библиотеках. Официально — по причине «несвоевременности нового муссирования вопросов, связанных с уже давно осужденным партией культом личности И. В. Сталина». Фактически — под давлением некоторых высших чиновников Главкосмоса,

которые не без оснований полагали, что повесть очень талантлива, а потому дискредитирует их первостепенный проект оборонно-стратегического значения. Этот факт послужил, как известно, последним толчком к переходу Солженицына в активную оппозицию режиму.)

Повесть имела огромный успех. Защищенная одобрением Хрущева от критических нападков (в ноябре 1962 г. на очередном Пленуме ЦК он назвал публикацию «нужной и важной»), она сделалась настольной книгой очень многих. Сам Степан Кургузов, быстро поняв, что молчание Секции еще более подорвет ее позиции, поспешил выступить в «Литературе и жизни», опубликовав в соавторстве с А. Дымшицем одобрительную рецензию «Жив человек». Как Кургузов ни старался «сделать хорошую мину при плохой игре», похвала получилась вымученной, словно произнесенной сквозь зубы. Прочие же издания, а также областные, республиканские и региональные писательские союзы предпочли высказаться безоговорочно «за».

«Новый мир» напечатал несколько подборок писем читателей — в том числе и тех, кто сам, руками и кайлом, осуществлял «проект века» в Плесецке, Томске или Чегдомыне. По свидетельству С. П. Королева, в его институте повесть вызвала большие споры, однако «победили те, кто поддержал Солженицына безоговорочно. Мало того, в один прекрасный день на стенах лабораторий, рядом с положенными портретами Ленина, Хрущева и Циолковского, появились еще красиво написанные от

С. Королев

руки плакатики с достаточно едкими цитатами из монологов Цезаря и кавторанга. Я (т. е. Королев — *Р. К.*) распорядился плакатики эти не снимать. Мы ведь и сами знали, что во многом герои Солженицына правы...»

Выход в свет повести «Один день Ивана Денисовича» едва не расколол Секцию. И напрасно Кургузов дипломатично уверял своих соратников, что «произведение одобрено партией и, следовательно, хорошее», — ему нелегко было успокаивать подчиненных, тем более что он сам в душе разделял их негодование. Закрывая экстренное заседание Секции (февраль 1963 г.), Кургузов сказал неожиданно верную фразу, которая делает ему честь: «Мы должны доказывать свою точку зрения своими новыми фантастическими книгами, а не проявлением нашей фантастической обиды на других литераторов, даже если они в чем-то и неправы».

Увы Кургузову: в начале 60-х годов активно пишущие члены Секции не создали ничего масштабного, по крайней мере объемного. Так называемая «лунная серия» самого С. Кургузова, закругленная в 1962 г. романом «Исправленному — верить!», оставила равнодушными даже бывших поклонников «Катапульти». В то же время оппоненты Секции нанесли по самолюбию ее членов еще один удар.

Речь идет о повести Сергея Потапова «Четверо», опубликованной в первом выпуске альманаха «Последний экземпляр» (1963).

Прежде чем перейти к повести, необходимо несколько слов сказать об этом уникальном издании.

Идея своего альманаха фантастики, наподобие существовавшей некогда «Селены», возникала в дерзком воображении многих авторов «новой волны» неоднократно. До 1956 г. идея эта выглядела опасными, возможно, и уголовно наказуемыми мечтаниями. Даже после XX съезда, когда и самый недалекий человек мог осознать, что «в нашем часовой механизме» и впрямь что-то надломилось, мысль о собственном альманахе все равно выглядела утопической. И в Москве,

и в Ленинграде, где был особенно бдителен Главлит, нечего было и пытаться осуществить эту затею.

Помогла случайность. Московский писатель Константин Паустовский, отдыхая летом 1962 г. в Тарусе, познакомился с редактором Калужского книжного издательства Анной Софроновой. Выяснилось, что издательство готово попробовать издавать такой альманах и что нет только подходящих произведений — Калужская область была небогата крупными талантами. Заключив своеобразное джентльменское соглашение, Софронова и Паустовский начали действовать. В книге воспоминаний «Наедине с осенью» Паустовский потом признавался, что сам в одиночку едва ли смог бы довести дело до конца, победить инертность как всевозможных разрешающих инстанций, так и своих друзей, большинство из которых до конца не верили в успех. «Эта маленькая хрупкая женщина оказалась упрямой, как тысяча чертей, — замечал писатель. — Два раза в неделю, взяв отгулы или просто за свой счет, она, как на работу, отправлялась на электричке в Москву согласовывать тематический план, добывать бумагу, уговаривать авторов поторопиться. Аня проявляла чудеса храбрости и изворотливости. Каким образом ей удалось преодолеть все бюрократические рогатки, я не знаю. Лишь один раз, случайно, я стал свидетелем, как она смогла добиться подписи одного несговорчивого чиновника из Лито, нахально бравируя своим родством (мнимым, конечно) с очень влиятельным в те годы ретроградом, главным редактором «Огонька» Анатолием Софроновым. Конечно, будущему альманаху тогда помогали, как могли, многие ведущие «новые» фантасты — Солженицын, Гранин, Дудинцев, Потапов, даже некогда одиозный, но покаявшийся К. Булычев. Однако главная тяжесть все-таки легла на плечи этой женщины...»

Название, тоже придуманное Анной Софроновой, просто обязано было стать доброй приметой, долженствующей перехитрить судьбу. Однако, к сожалению, оно оказалось абсолютно точным — первый же выпуск «Последнего экземпляра»

стал действительно последним. Как только маленькие белые книжечки дошли до Секретариата Союза писателей СССР, науськанный Кургузовым Семен Шпаньрь начал шумный скандал, сопровождаемый очень серьезными политическими обвинениями в адрес издателей и авторов. Современный литературовед Рувим Милькин, «расследуя» уже в 1988 г. в «Огоньке» всю историю выхода «Последнего экземпляра», убедительно доказывал, что буквально все «политические» претензии носили либо надуманный, либо явно спекулятивный характер. Ни Софронова, ли тем более Паустовский не намеревались делать альманах неким «голосом из подполья», «органом литературной оппозиции» (что, кстати сказать, попытались сделать полтора десятилетия спустя создатели другого альманаха, «Лунариум»). В данном случае издатели преследовали чисто эстетические, сугубо литературные задачи. Издателей же преследовали за то, что именно после публикации в «Последнем экземпляре» некоторые произведения

стали известны за рубежом — хотя это, по идее, лишь свидетельствовало о хорошем вкусе и прозорливости редакторов и составителей. Так или иначе, № 2 альманаха была сверстан, но так никогда и не вышел. Паустовский был вызван в партбюро СП СССР и ушел оттуда со строгим выговором «за потакание идейно незрелым публикациям». Анну Софронову как беспартийную просто выгнали из издательства. В том же году ей пришлось покинуть Калугу, и какова ее дальнейшая судьба — неизвестно.

Сам альманах долгое время был запрещен к свободной

Альманах
«Последний экземпляр»

выдаче в библиотеках, хотя несколько повестей из него потом многократно переиздавались. Этот фантастический альманах, напечатанный тиражом в 75 тысяч экземпляров, сразу же стал библиографической редкостью. (В 1993 г. в Саратове, родном городе Сергея Потапова, к тридцатилетию со дня выхода «Последнего экземпляра», вышло репринтное издание альманаха тиражом в 100 тысяч экземпляров.)

«Четверо» — произведение не совсем обычное. По сюжету, это вроде бы традиционная «космическая» фантастика, но по тональности, по настроению сильно выделяется даже из «нового» потока (не говоря уж о «секционной» рутине). Четыре человека, трое мужчин и женщина, заперты в межзвездном корабле-капсуле. Из-за нелепой ошибки в расчетах траектории вместо посадки на Луну корабль обречен вечно быть космическим странником, дрейфовать в никуда — без всякой надежды для людей когда-нибудь вернуться на Землю. Люди обеспечены воздухом для дыхания, пищей, всего им хватит до конца жизни, но как жить дальше? И зачем жить дальше? Каждый из четверых вынужден переживать эту трагедию в одиночку, поскольку встретиться они уже никогда не смогут: случайным метеоритом напрочь разворотило коридор, соединяющий все четыре каюты, и поэтому они отныне могут только говорить друг с другом по внутреннему радио — год, два, три, десять... всю жизнь. Вся повесть, по существу, представляет собой четыре длинных монолога, отчаянных, захлебывающихся, переплетающихся между собой. Герои уже не слышат друг друга, они слышат только себя, и каждый пытается разобраться в себе, понять, почему именно его бог-случай, обреч на столь ужасное испытание. Такие понятия, как «добрый», «злой», «застенчивый», «истерик» и другие, не применимы к персонажам; они — всё, вместе взятое, они — экстракт одиночества, продукт лабораторного эксперимента Вселенной над своими нелюбимыми детьми. Вполне возможно, что упреки одного из критиков в «экзистенциализме домашнего приготовления» имеют под собой определенные основания. Иногда в произведении проскальзывает

вдруг и какая-то манерность, странноватое желание покрасоваться удачным оборотом, точным нюансом; один из элементов сюжета, бесспорно, взят взаймы из «Калейдоскопа» Рэя Брэдбери. И тем не менее повесть «Четверо» — произведение серьезное и сильное, свидетельство того, что отечественная фантастика уже далеко шагнула в сторону от многолетних официальных или полуофициальных традиций в НФ.

Критики встретили повесть по-разному. Те, кто издавна занимал оборону вокруг кургузовской крепости, обрушились на произведение с бронбойными обвинениями в «хемингуэвщине», «нравственном релятивизме», «забвении гуманистических начал, всегда присущих советской литературе мечты и предвидения»; попадались и более тяжелые удары, вроде «идеологически двусмысленных попыток протащить тенденции, свойственные бесплодной западной «новой волне» фантастики». Но теперь уже критический хор не был однообразным нашлись издания, которые смогли оценить произведение по заслугам (рецензии в «Новом мире», «Юности», часть выступлений в «Литгазете» и в «Комсомольской правде»). Солженицын, которого в повести далеко не все устроило, демонстративно прислал автору телеграмму поддержки. «Новые» фантасты, опасаясь повторения истории с романом Дудинцева, готовили глубоко эшелонированную оборону. Однако схватки не случилось, новое «великое стояние на Угре» кончилось «отводом войск». Кургузов, не чувствуя уверенности в своих силах или явной поддержки со стороны Хрущева, почел нужным лишь ограничиться легкой демонстрацией силы и дискуссий «на уничтожение» не открывать. В частной беседе с Потаповым он будто бы даже сказал: «Мощная штука, но совсем не наша по духу. Впрочем, это лучшее из того, что ты написал и еще только напишешь...» Надо сказать, обе стороны впоследствии отрицали факт подобного мирного разговора, который мог бы бросить на них тень в среде единомышленников. Несмотря на это, с последней кургузовской фразой в конце концов пришлось согласиться даже самому Потапову.

PERSONALIA: ПОТАПОВ

Сергей Владимирович Потапов родился в 1928 г. в Саратове. Отец его, Владимир Иванович, в молодости сочувствовал правым эсерам, потом покался, был заместителем главного редактора «Нового мира» с 1926 по 1928 г. после чего в связи с семейными обстоятельствами переехал из Москвы в Саратов. Это не спасло его от ареста в 1938 г. Десятилетний Сережа, «сын врага народа», переехал в Ершов к бабушке. По окончании средней школы Сергей, опустив в анкете сведения о том,

что родители осуждены по 58-й, смог поступить в Саратовский медицинский институт. Окончив его с отличием, он имел возможность остаться в Саратове и поступить в интернатуру, но поехал в Ершов и три года проработал главврачом районной больницы. Тогда же он впервые начинает писать фантастическую прозу. Первая публикация — рассказ «Амнезия» в областной молодежной газете «Молодой сталинец», там же вышло еще несколько рассказов, выдержанных в привычном «кургузовском» духе. Уже был готов договор с Приволжским книжным издательством на выпуск авторского сборника, когда Сергей Потапов, неожиданно для всех, уволился из больницы и поехал в Москву. К тому времени родители его уже были посмертно реабилитированы, и он мог, не таясь, остановиться у московских родственников отца. В конце 50-х и в начале 60-х годов Потапов много пишет, но почти ничего не публикует. На неоднократные предложения С. Шпаньрия и В. Понятовского вступить кандидатом в Секцию отвечает отказом. В это время Потапов работает сторожем в больнице и подрабатывает внутренними рецензиями в «Новом мире», где кое-кто еще помнит его отца. Через сотрудников отдела прозы одна из его повестей (заведомо «непроходная») попадает в руки Паустовского, а от него — к Анне Софроновой. 1963 г. — время мгновенно пришедшей популярности. С. Потапова вынуждены принять в Союз писателей СССР. Самого же автора начинает всерьез интересоваться больше процесс организации литературного дела, нежели писание. В 60—70-е годы Сергей Потапов часто выступает в печати по проблемам НФ, одновременно работает в отделе прозы

«Нового мира». Благодаря его поддержке многие молодые фантасты получают шанс что-то напечатать в журнале. В 1979 г., после известных событий, связанных с выходом альманаха «Лунариум» (Потапов напечатал там рассказ «Бедлам»), из редакции журнала уволен. Несколько лет без работы, зарабатывает на жизнь рецензиями на «самотек» в «Советском писателе». С 1985 г. Потапов служит в «Советском писателе» — опять-таки в качестве редактора помогая своим коллегам. Сам он теперь пишет мало, и лишь после долгих уговоров издает собственный сборник тиражом в 15 тысяч экземпляров (повесть «Четверо» и избранные рассказы). С марта 1990 г. Сергей Потапов — директор сначала издательского кооператива, затем собственного издательства «Альфа-Фантастика». Прославился тем, что опубликовал несколько заведомо убыточных книг С. Шпаныря, В. Маркелова, Ан. Спирина, О. Хрусталева и других бывших «кургузовцев», которые в условиях резкого падения читательского интереса к отечественной фантастике перестали публиковаться где бы то ни было. Тиражи этих книг были невелики — от 500 до 2,5 тысяч экземпляров, а гонорары намеренно увеличенные. (Этот поступок не встретил понимания в среде многих его единомышленников и коллег.) К слову сказать, репринтное издание «Последнего экземпляра» было осуществлено с благотворительной целью: тираж был продан с аукциона, а деньги перечислены в фонд Кунцевской больницы, где по традиции две палаты в терапевтическом отделении занимают московские фантасты. На момент написания этих строк Сергей Потапов продолжает руководить издательством «Альфа-Фантастика» и по-прежнему сам ничего не пишет. И, видимо, вообще уже ничего не напишет...

Попытки нечленов Секции организовать собственный альманах, хотя и были Кургузовым вовремя пресечены, насторожили его. Он вдруг понял, что необходимо что-то самому предпринять. Прежде, когда все журналы и издательства были к услугам Кургузова и его подопечных, просто не было смысла что-либо дополнительно организовывать. Теперь же пришлось срочно действовать. Неожиданное смещение с поста Хрущева (октябрь 1964) не принесло желаемого успокоения Кургузову. Наоборот, он имел основания опасаться, что пока в Кремле будут заняты «разборками» между собой, партийное руководство фантастикой на какое-то время ослабнет, и Секция будет предоставлена сама себе. Нужен был прочный тыл.

Еще в 1961 г. шеф Секции добился через ЦК, чтобы на место осторожного и тихого Ф. Панферова главным редактором «Октября» был назначен убежденный и твердый сталинист Всеволод Кочетов. В ноябре 1964 г. первым заместителем главного редактора «Октября» был, по настоянию Кургузова, назначен его «верный личарда» Владислав Понятовский. И в то время, когда «Новый мир» Твардовского твердо стоял на позициях фантастов «новой волны», кочетовский «Октябрь» стал рупором кургузовской Секции (не нужно забывать, что в любой полемике на стороне Кургузова были еще и «Огонек», и «Литература и жизнь», почти всегда и «Правда»).

О противостоянии «Октября» и «Нового мира» в 60-е годы уже написано так много справедливого и несправедливого, что вряд ли есть смысл повторяться. Достаточно сказать, что с момента отставки Хрущева и прихода к власти Брежнева позиция видимого «нейтралитета» в спорах между фантастами всегда была довольно призрачной, и чем дальше, тем чаще вновь торжествовала одна-единственная «линия». Конечно, в ряде случаев высшие партийные вожди вынуждены были отмежевываться от слишком крайних, оголтелых просталинских публикаций своих союзников.

Так, когда вышла в свет книга-памфлет Ивана Шевцова «Тля», и «Октябрь» немедленно объявил ее «факелом» и «светочем» подлинно советской фантастики, «Новому миру» все-таки разрешили «свое суждение иметь».

Сюжет «Тли» был более чем незамысловат. Действие разворачивалось в крупнейшей обсерватории страны. Молодым астрономам Владимиру Машкову, Евгению Миронову и нескольким другим, ратующим за то, чтобы в духе «живых народных традиций» наблюдать за фазами Луны, мешают работать их противники. Антагонисты положительных героев — Борик Юлин, Аркадий Пчелкин и сам директор обсерватории Осип (Иосиф?) Иванов-Петренко желают в угоду «новым веяниям» переместить тубус телескопа в сторону от «генеральной линии» и наблюдать за всяким небесным мусором — кометами, туманностями, сверхновыми и проч. —

на том лишь основании, что наблюдение этого хлама «пользуется уважением на Западе». Положительные герои, клянясь идеалами Октября, слишком часто для обычной прозаической вещи произносили по поводу своих оппонентов слова типа «предатели», «ревизионисты», «астрономические власовцы» и ненавязчиво советовали мелькающим время от времени инструкторам ЦК и усталого вида майорам госбезопасности «навести, наконец, порядок» и «дать, в конце концов, отпор». Книга носила столь явный оттенок литературного доноса, что власти вынуждены были дистанцироваться от этого опуса. Даже космонавту Павлу Леонову, напечатавшему в книге Шевцова свое предисловие, было тактично рекомендовано «наверху» дезавуировать свою подпись — что тот немедленно сделал через «Литгазету». Язвительный отклик «Нового мира» навсегда припечатал эту вещь, превратив ее в символ внелитературного стукачества.

Однако во многих других случаях власти солидаризовались с «Октябрем», одновременно все усиливая цензурный нажим на «Новый мир». Причины такого давления были достаточно просты. Тихое смещение Хрущева, как и смерть Сталина в свое время, не остановило ход подготовки нашей «лунной программы». Каждое следующее «поколение» советских руководителей по-прежнему не оставляло маниакальных желаний «стратегически овладеть Луной» (психологи наверняка бы увидели в этом многозначительный смысл!). Пока при Хрущеве дела института Королева шли относительно неплохо, Никита Сергеевич мог даже иногда быть снисходительным к фронде, оспаривающей необходимость такой программы у нас в принципе. («Ничего-о-о, — в таких случаях обычно говорил Хрущев. — Сегодня нашего Юрку в космос выпустили, а завтра целую дивизию на Луну запустим, и оттуда она всем покажет кузькину мать!») При Брежневе, когда уже в 1966 г. проект «Катапульта» снова по непонятной причине застопорился, руководство страны вынуждено было, как и при Сталине, заменять реальные успехи идеологической «накруткой». Незаменимый Кургузов,

к которому в 1963—1964 гг. несколько охладел Хрущев, при новом руководстве имел все основания опять попасть в фавор. Пока же он делал все для того, чтобы его Секция, на которую в некоторых издательствах уже начали было посматривать свысока, а в «Детской литературе» даже посмели отклонить (!) одну рукопись В. Маркелова и сильно сократить одну рукопись А. Казанцева, вновь становилась боеспособной единицей. В 1967 г. вышло в свет сразу шесть романов о Луне писателей-членов Секции, все большими тиражами, в Москве и на отличной бумаге. Правда, кое-что от государственных щедрот еще по инерции перепало и духовным собратьям С. Потапова (В. Быкову, А. Измайлову, В. Розову и некоторым другим). Однако С. Кургузов верил, что это ненадолго, что просто властям предержавшим трудно повернуть на 180 градусов. Он не суетился, вполне разделяя с Мао Цзэ-дуном тезис «чем хуже, тем лучше». Кургузов ждал какого-нибудь большого государственного провала, резонно надеясь, что такового долго ожидать не придется — и вот тогда-то и покажут свою преданность, стойкость «автоматчиков партии» фантасты Секции. По опыту прошлых лет он предполагал, что таким толчком к резкому повороту назад может быть какая-нибудь крупная катастрофа на любом из космодромов, которая еще более отсрочит «лунную мечту», зато даст много воли «лунным фантастам». Кургузов еще не забыл, что во всех таких случаях Никита Сергеевич резко брал вправо, нанося удары по «уклонистам» и прочим невосторженным «пидарасам».

Однако на этот раз Кургузов ошибся. Первотолчком к «развороту» послужил не очередной взрыв на космодроме. Случилось кое-что похуже. Событие это еще в начале 60-х предвидел Александр Солженицын, вложив в уста своего героя Пряничкова роковую фразу: «Первыми на Луну полетят — американцы!»

Эта ужасная вещь и случилась.

VII. ...ВЫНУЛ НОЖИК ИЗ КАРМАНА (1968)

19 августа 1968 г. весь мир облетело сенсационное сообщение: американский космический корабль «Аполлон-11» достиг окололунной орбиты, после чего кабина с двумя астронавтами отделилась от корабля и совершила посадку на Луну. Астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин первыми ступили на поверхность спутника Земли. Главная мечта советского народа была наконец осуществлена.

Только не нами.

Пока весь мир, затаив дыхание, смотрел по телевидению прямую трансляцию с Луны, государственное ТВ Польши безмятежно крутило старый детектив со Станиславом Миккульским в главной роли, ТВ Венгрии передавало репортаж с птицефабрики в Сегеде, ТВ Болгарии и ГДР транслировали какие-то эстрадные концерты, а советское телевидение, нарушив стройность программы, вдруг принялось показывать пятилетней давности документальный фильм об убийстве президента Кеннеди. Рядовые граждане Москвы и Варшавы, Берлина, Софии и Будапешта в тот день ничего так и не поняли. Специальный корреспондент «Известий» в США Мэлор Стура, передав по телетайпу взволнованное сообщение об «Аполлоне», неожиданно получил из Москвы категорический приказ: «О Луне не надо. Срочно дайте Вьетнам и Гэса Холла (руководитель микроскопический уже в ту пору компартии США — Р. К.)».

Два десятилетия спустя тогдашний член Политбюро Петр Шелест рассказывал журналисту Андрею Караулову, что сенсационная новость застала Л. И. Брежнева врасплох. Еще две недели назад руководители ГРУ и ПГУ, вызванные в Кремль с отчетом, уверяли, будто американцы безнадежно застряли на испытаниях двухместного корабля «Джемини», а программа «Аполлон» после неудачного старта «Аполлона-1»

в феврале 1966 г. чуть ли не вообще заморожена. Питер Болдуин, генеральный директор НАСА, приняв после катастрофы 1967 г. на «Скайлэбе» соболезнования от советского посла Дубинина, правда, произнес в ответ довольно странную фразу, что-де «не все еще потеряно». Но тогда реплику эту в Москве всерьез не приняли...

Во второй половине того же дня, 19 августа, было созвано экстренное заседание Политбюро. Запись трансляции, так и не показанной в СССР, была просмотрена в угрюмом молчании. Такой подлости от американцев не ожидал никто. «Узнай мы, что в США только что закончено построение коммунизма, мы и то были бы не так ошарашены, — вспоминал все тот же Шелест. — Это было похоже на катастрофу. Наша цель, к достижению которой мы стремились несколько десятилетий, оказалась нагло присвоенной потенциальным противником. В пору было либо поднимать белый флаг капитуляции, либо объявлять в войсках повышенную боевую

Экипаж Аполлона-11

готовность». После долгих споров все в конце концов согласились с предложением Михаила Сулова: не признавать в Советском Союзе достижение американцев как факт, просто игнорировать его в ряду всех прочих злокозненных инсинуаций врагов мирового социализма — мало ли клеветуют на наш строй! Вместе с тем министру обороны Гречко было поручено «не допускать массовых провокаций и быть готовым к любым неожиданностям». «Мы никому не позволим использовать эту вражескую выходку для расшатывания социалистической системы, — сказал в заключение Брежнев. — Виновные будут наказаны самым строжайшим образом».

На следующий день, 20 августа, многие читатели газет обратили внимание на две довольно загадочные публикации. Одна статья была напечатана на первой полосе газеты «Правда» и называлась коротко: «Заявление ТАСС». Вторая называлась длинно — «Не надо врать, господин президент!» — и вышла в «Литгазете»; подписали это обращение С. Кургузов, С. Шпанырь, Г. Марков, О. Хрусталеv и другие фантасты. Понять смысл обеих статей, не зная ничего о полете «Аполлона», было совершенно невозможно. «Заявление ТАСС» почему-то предостерегало Соединенные Штаты от попыток «вбить клин между странами социалистического содружества, посеять неверие в достижения советской науки», а потом вдруг, вне всякой связи с предыдущим текстом, напоминало о безопасности Кубы и о «недопустимости милитаризации космоса». (Фраза о Кубе, вставленная в «Заявление» на всякий случай, по совету осторожного министра иностранных дел Громыко, вкупе с «космосом» вызвала к жизни невероятный слух, будто бы с территории «Острова Свободы» мы запустили к Луне ракету, которую-де американцы и сбили, приняв за баллистическую. Называлась даже фамилия погибшего космонавта — Громов, вообще неизвестно откуда взятая.)

«Коллективка» писателей-фантастов в «Литгазете» была столь же невнятна, хотя еще более любопытна. Дело в том, что в день триумфа «Аполлона» президент США Линдон Джонсон действительно выступил с коротким обращением

к нации, содержащим поздравления с победой. В обращении были, в частности, слова: «У американской астронавтики за минувшие годы было немало просчетов. Но теперь, наконец, она взяла реванш». Последнее слово, выдернутое из контекста, и обыгрывалось в письме фантастов. «О каком реванше сегодня толкуют в Вашингтоне и в Бонне? — вопрошали писатели. — Или, может быть, народы США и ФРГ забыли, кто был настоящим победителем во Второй мировой войне? И какая именно страна запустила в космос первый в мире пилотируемый корабль «Восток»? Ваши угрозы не делают чести Соединенным Штатам, г-н президент! Ваши попытки перечеркнуть все великие достижения советской космической науки бесполезны и кощунственны». Письмо заканчивалось обращением к «нашим коллегам за океаном, американским писателям-фантастам Рэю Брэдбери, Роберту Шекли, Клиффорду Саймаку, Генри Каттнеру и другим» с пожеланиями вразумить своего президента на благо мира и прогресса. (Генри Каттнер, правда, едва ли смог бы послушаться своих советских коллег, ибо скончался еще полтора десятилетия до того и был вписан в верстку уже готовой полосы «Литгазеты» замороченным дежурным редактором — вместо исключенного из текста по требованию Главлита «антисоветчика Роберта Хайнлайна».) Помимо вышеописанных благоглупостей, было в «коллективке» фантастов одно тревожное слово, проскользнувшее как бы невзначай, среди призывов «не усиливать конфронтацию», и потерянное в словесном мусоре даже самыми внимательными читателями-следопытами, опытными толкователями подтекстов.

Слово это было — «Чехословакия».

К лету 1968 г. Москву не слишком тревожили демонстративные эскапады Белграда и Бухареста (Чаушеску, например, разрешил транслировать в Румынии высадку американских астронавтов и даже обратился к Джонсону с витиеватыми поздравлениями). Однако поведение Праги все более настораживало брежневское Политбюро. «Пражская весна» 1968 г. принесла Москве много тревог. Пока Гомулка решал

в Польше еврейский вопрос, а Хонеккер отстреливал всех желающих перебраться через Берлинскую стену, Александр Дубчек («Саша», как звал его Брежнев) все больше склонялся к «ревизионистам» — тем, кого не устраивал «московский» вариант социализма, насаждаемый в Чехословакии. Дубчек понимал, что экономика страны, с каждым годом все более интегрированная в гигантский космический проект Большого Брата, скоро не выдержит и надорвется. Ота Шик в своем докладе «Лунный блеф», прочитанном на майской сессии ЦК КПЧ и позднее ставшем «экономической» частью знаменитой декларации «2000 слов», блистательно доказывал: у Чехословакии нет и быть не может реальных оснований строить свои промышленные программы в расчете на неумные аппетиты Главкосмоса СССР. «Каждый грамм лунного грунта, привезенного на Землю, обойдется нашей стране в миллионы и миллионы крон, — отмечал автор. — Готовы ли наши налогоплательщики платить за стратегическое любопытство восточного соседа такую цену». Сторонники «социализма с человеческим лицом» твердо были уверены, что не готовы. Иржи Прохазка в статье, опубликованной в газете «Млада фронта», например, писал: «Допустим, Советский Союз добьется своего и завоюет Луну. Что же он понесет туда? Может быть, идеалы свободы, равенства и братства, написанные на знаменах Великой французской революции? Едва ли. Скорее, это снова будут идеи сталинско-готвальдовского концлагеря, которые по-прежнему в ходу. Мы очень хорошо помним, как Рудольф Сланский был расстрелян НКВД только за то, что выразил сомнения в необходимости строить в Брно завод по производству специальной стали, предназначенной для советских ракет. Мы не хотим в очередной раз становиться пешками в чьей-то большой игре. Достигни Советы Луны сегодня, и мы будем обречены тоже играть в чужую «лунную партию». Стать сателлитом сателлита — участь более чем незавидная».

Можно себе представить, какую реакцию в Чехословакии вызвало неожиданное сообщение о полете «Апол-

лона-11». Телетрансляция с Луны шла по ТВ весь день, и запись повторилась ночью. Тысячи людей вышли на улицы Праги, Братиславы и других крупных городов страны, звучали песни, поздравления, выступающие скандировали имена Армстронга, Олдрина, Коллинза и президента США Джонсона.

«Американцы натянули нашим русским друзьям нос, — ликовал в «Праге» Зденек Ганзелка. — Есть шанс, что это событие кое-что изменит в международном раскладе сил и, не исключено, поможет хотя бы несколько ослабить медвежьи объятия наших восточных соседей по соцлагерю». Примерно в том же духе, может быть, в чуть более корректных выражениях, было выдержано выступление 20 августа самого Александра Дубчека по национальному радио. Поздравив соотечественников с новой знаменательной победой мировой науки, Первый секретарь ЦК КПЧ выразил уверенность, что «теперь будет положен конец бессмысленной гонке за приоритетом, во имя которой народное хозяйство нашей страны было поставлено в незавидное положение». В финале своей речи Дубчек отметил, что в самые последние часы возникла принципиальная договоренность между правительствами США и ЧССР — о том, что в один из следующих лунных экипажей будет включен и гражданин Чехословакии, майор ВВС Ян

«Куда улетела наша колбаса?»

Карикатура из газеты «Млада фронта»
(июль 1968 года)

Ворличек. По мнению известного советолога Малькольма Такера, это последнее сообщение переполнило чашу терпения Москвы.

На следующий день советские танки вошли в Прагу.

Корреспондент «Правды» Сергей Борзенко, въехавший в город на броне вместе с автоматчиками, рассказывал в первых же своих репортажах о «толпах хулиганов, выкрикивающих грязные ругательства». В действительности же демонстранты осаждали танки с именами американских астронавтов на устах — о чем, естественно, журналист написать не имел права, даже если бы захотел. К сожалению, жители Чехословакии, рисовавшие мелом на стенах и на танковой броне контуры «Аполлона-11», и представить себе не могли, что офицеры-танкисты (не говоря уж о рядовых автоматчиках) вообще не знают ничего о высадке Армстронга и Олдрина и не понимают смысла изображений. Пользуясь этой неразберихой, «Правда» в те дни писала: «Воинствующие молодчики рисуют на стенах атомные бомбы и ракеты, надеясь, что американский генерал Макартур придет на помощь отщепенцам и ревизионистам...»

Суслов добился своего — высадка американцев на Луне стала сенсацией вчерашнего дня и в мировой прессе отодвинулась куда-то на третий план. Отныне темой номер один стала Чехословакия. «Пражская весна», увы, не была приспособлена к встрече с танками, и к уличным боям (как некогда в Будапеште) никто не оказался готов. Сообщение о том, что в подвалах домов Гаека, Гольдштюккера, Елинека были найдены «автоматы, радиостанция западногерманского производства, патроны и запасы горючего», были ложью от начала до конца. Короткая перепалка в ООН также танкам не помешала. От имени Дубчека, официально еще не выведенного из Политбюро КПЧ, все решения уже принимали Гусак и Биляк. Именно Гусак во время первого же официального телефонного разговора с Москвой пообещал, что «ЧССР будет верна всем обязательствам перед Советским Союзом».

Разумеется, скрыть от многих москвичей космическую победу американцев, несмотря на интенсивно работающие «глушилки» и повышенную активность Комитета госбезопасности в эти дни было невозможно. По Москве ходил тогда печальный анекдот о том, как мы, в пику Штатам, тоже высадили своих космонавтов. «И не двух, а две дивизии, и не на Луне, а еще дальше — в Праге». 21 июля в Москве были арестованы молодые литераторы Сергей Штерн, Игорь Малахов, Борис Руденко, Зиновий Юрьев и Владимир Орлов, попытавшиеся устроить демонстрацию. Пока они проходили мимо американского посольства с плакатами «Да здравствует «Аполлон-11!»», «Привет, Армстронг и Олдрин!», агенты госбезопасности их не трогали (перепутав с участниками запланированной Комитетом студенческой демонстрации протеста «против зверств американской военщины во Вьетнаме»). Однако, как только они дошли до чехословацкого посольства и вытащили плакаты в поддержку «пражской весны», они были немедленно избиты «случайными прохожими» и затолкнуты в «случайно подвернувшийся» неприкрытый «рафик». Больше никаких инцидентов в столице в те дни не было.

Вечером 21 августа Степан Кургузов был срочно вызван в Кремль. Шеф Секции фантастов, еще когда ему двумя днями раньше позвонили из «Литгазеты», догадывался, что теперь его помощь будет снова постоянно необходима. Идя на встречу, Кургузов прихватил с собой несколько сигнальных экземпляров фантастических романов писателей — членов Секции, рассказывающих о нашем славном покорении Луны. Судя по мемуарам самого С. Кургузова, принял его непосредственно Брежнев, причем Суслов тоже молча присутствовал при разговоре. Речь шла о Чехословакии и о Луне. «Я надеюсь на поддержку наших выдающихся писателей-фантастов, — сказал Брежнев, вежливо перелистав книжки. — Кроме того, вам сегодня предстоит нелегкая задача: вы должны осторожно, но твердо развенчивать миф о якобы имеющемся космическом приоритете США. Действуйте так же, как и раньше. Пишите

еще активнее — никаких сложностей с публикациями у вас не будет. Важно, чтобы народ не утратил веры в силу наших достижений, не поддавался буржуазной пропаганде, не принял какой-нибудь случайный наш просчет за признак слабости».

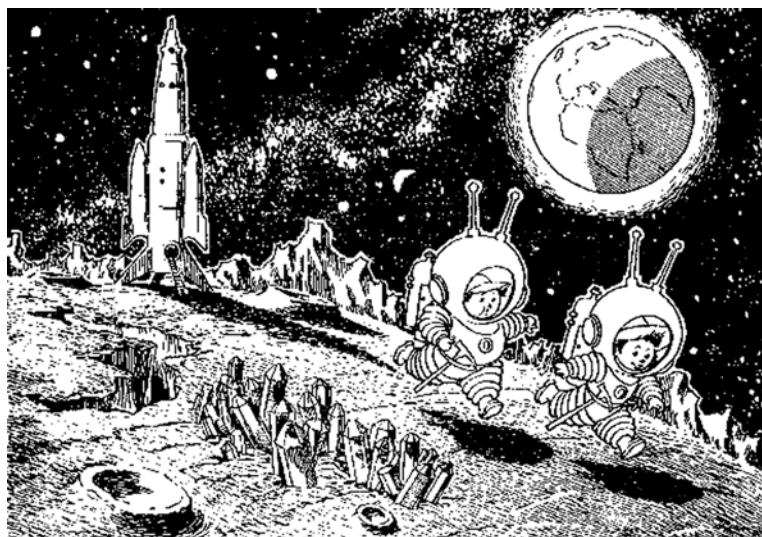
Кургузов вернулся со встречи окрыленный и тут же назначил закрытое заседание Президиума Секции. Стенограмма в тот день не велась, и потому сейчас установить, о чем шел разговор конкретно, не представляется возможным. Очевидно, С. Кургузов делился полученными инструкциями. Так или иначе, уже к октябрю 1968 г. самые надежные «кадры» Секции (В. Понятовский, Ан. Спирин и все еще бодрый Сем. Шпаньрь) разразились новыми романами на злобу дня — соответственно «Десантом на Луну», «Кораблями Вселенной» и «Перед стартом». Надо заметить, что в новой ситуации очень трудно было «иметь хорошую мину при плохой игре»; в условиях, когда на поверхность Луны ступила нога человека из США, сочинять поучительные истории о наших собственных (грядущих) фантастических лунных первопроходцах могли только очень идейно стойкие

Нейл Армстронг на Луне

и бестрепетные люди. Увы, понять вопиющую, почти мазохистскую нелепость этих позавчерашних пропагандистских творений могла только некоторая часть интеллигенции, знающая о полете «Аполлона» и по старой привычке предпочитающая отважно сжимать свой кукиш в своем же кармане. Призыв Александра Солженицына «жить не по лжи» в те годы услышан не был. Ложь стала наркотиком, отказаться от нее для многих означало бы умереть...

Наиболее заметным явлением стал в том же 1968 г. роман детского писателя Николая Носова «Незнайка на Луне», выпущенный «Детской литературой». В отличие от упомянутых книг Понятовского, Спирина и Шпаньря, книга была талантливая — хоть и созданная в соответствии с «социальным заказом». Пожалуй, это был единственный в своем роде образец «контрпропагандистской» литературы, когда автор не опустился до злобствований и халтуры. Главные герои романа, глупые и нахальные коротышки Незнайка и Пончик («мистер Понч») захватывали космический корабль, построенный умником Знайкой со товарищи, и таким вот

Незнайка и Пончик на Луне
(иллюстрация Г. Валька к роману Н. Носова)

контрабандным путем попадали на Луну. Описание высадки приятелей-жуликов на поверхность Луны было точной, мастерской и, надо признать, смешной карикатурой на высадку американцев с «Аполлона». Нелепые клоуны Незнайка и Пончик становились комическими двойниками реальных Армстронга и Олдрина, даже напыщенная фраза Незнайки: «Смелее, Пончик! Теперь каждый наш маленький шаг войдет в историю человечества!» (после чего герой презабавно падал прямо в яму) — была соотнесена с фразой действительно сказанной Армстронгом в момент выхода из модуля: «Маленький шаг человека, огромный шаг человечества». Целое поколение школьников, взхлеб читающее «Незнайку на Луне», приучались к мысли, что первенство Незнайки, ступившего на Луну, — ворованное, ненастоящее. Что прав не тот кто успел раньше, а тот, кто долгим честным трудом заслужил победу. Очевидно, сам Носов, работая над книгой, надеялся, что правда о полете «Аполлона-11» все-таки будет сказана в те же 60-е годы, и пытался таким вот образом уменьшить чувство разочарования своей страной, которое могло бы возникнуть у детишек.

Надежды его не оправдались. Взят был курс на полное пренебрежение истиной, усилился цензурный нажим на печать. Произведения «новых фантастов» стали возвращать из издательств под разными предлогами, а «Новый мир» Твардовского оказался в еще больших цензурных тисках. Твардовского все чаще стали вызывать в ЦК и «настойчиво советовать» ему «не пренебрегать произведениями уважаемых людей из Секции фантастов». Кое-кто надеялся, что Твардовский не выдержит и сдастся. «Злобный старик Зайцев стал являться в редакцию журнала почти каждое утро, — вспоминал тогдашний ответственный секретарь «Нового мира» Борис Немзер. — Он часами высиживал в приемной Твардовского, не добиваясь приема, а просто зорко поглядывал на всех входящих и выходящих. В руках он держал толстую папку с рукописями. Это была своего рода психическая атака. Он явно брал нас на измор...»

После ареста Штерна, Орлова, Руденко, Юрьева и Малахова состоялось партсобрание Московской писательской организации, где Аркадий Васильев, автор двухтомного романа «Луна на всех одна», предложил «строже отнестись к людям, поступающим в наш союз». Выступившие было Потапов и Аксенов были ошиканы собравшимися — по сути им просто не дали говорить. Прием нескольких десятков талантливых фантастов в члены СП СССР в те дни был отложен на неопределенный срок.

Перемены коснулись не только литературы. Вновь начались поприхшие было гонения на джаз (кому-то пришло в голову, что фамилия Луи Армстронга будет напоминать о Нейле Армстронге). Вновь была выкопана из небытия статья М. Горького о «музыке толстых» и его же любимое присловье: «Сегодня он играет джаз, а завтра будет против нас». После чего последний джаз-клуб в Ленинграде — много позже оплаканный В. Аксеновым в романе «Ожог» — приказал долго жить. Джаз было, конечно, жалко, но все остальное — втройне...

«Оттепель» закончилась.

VIII. ПРОЦЕССЫ ПОШЛИ (1969—1978)

Если предшествующее десятилетие было временем открытых споров и многолюдных литературных обсуждений, то следующее стало порой закрытых (или «полузакрытых») судебных процессов. Обиженный государственный Голиаф, побежденный своими более умелыми противниками, вымещал негодование на собственных подданных. Скоропостижная кончина Сергея Королева надолго приостановила разработку проекта «Катапульта». Что же касается рожденной в недрах НИИ альтернативной идеи «челнока», то она находилась пока только в стадии эскизного проектирования. Таким образом, Советский Союз не смог сразу же продемонстрировать в ответ хоть что-либо, сравнимое с полетом «Аполлона-11». Это тоже едва ли повышало наш международный авторитет. Привыкшая быть первой, по крайней мере, в космической области и стойко переносящая всеобщие страх и неприязнь, сверхдержава была особенно чувствительна к пренебрежению и насмешке. Сотня танков, посланных в Прагу, так и не смогла заменить одной маленькой ракеты, достигшей Луны.

Первым из «московских процессов» конца 60-х традиционно принято считать так называемый «процесс пяти» (Штерн, Орлов, Малахов, Руденко и Юрьев). Арестованные в день своей демонстрации около посольств, молодые литераторы немедленно были доставлены на Лубянку. К сожалению, юноши не догадались, придя к зданию чехословацкого посольства, бросить уже ненужные плакаты, с которыми они выражали поддержку экипажу «Аполлона»; они их просто аккуратно сложили. Само собой, на Лубянке сразу поняли, что «антисоветчики и подстрекатели» пикетировать особняк американского посольства, протестуя против вьетнамской войны, отнюдь не собирались и даже наоборот. Это в дальнейшем

стоило всем участникам дополнительных сроков. Впрочем, сроков по стандартному обвинению в «хулиганских действиях» и «нарушении общественного порядка»: в ту пору за поддержку «Аполлона» как явно несуществующего не рискнули еще дать сразу политическую статью — отыгрались на Чехословакии.

Степан Кургузов сам изъявил желание быть на процессе общественным обвинителем. Дело в том, что один из арестованных, Юрьев, был, по несчастью, членом кургузовской Секции фантастов и как раз недавно выпустил книгу «Башня Кассандры» с предисловием С. Шпаньря. Это дало основание С. Кургузову выступить с яростной речью, продолжавшейся более часа.

Ход процесса, надо заметить, освещался в советской прессе крайне скупой: две информационные заметки в «Правде» да еще «подвал» Нестора Еременко в «Известиях» («О чем шумите, господа?», 7 января 1969 г.) — вот и все. Тем не менее текст всех выступлений уже в конце января распространялся в московском самиздате, а в феврале полную стенограмму напечатала почти одновременно нью-йоркское «Новое Русское Слово» и югославская «Борба». В марте во Франкфурте-на-Майне в издательстве «Посев» уже вышел аккуратный томик «От Луны до Праги» с самым полным текстом стенографического отчета, непонятно каким образом попавшего в ФРГ. (По этой книге и будем цитировать ниже.)

«Перевертыши, двурушники! Другие слова трудно подобрать, — говорил в своей пламенной речи Степан Кургузов. — Их так называемая «демонстрация» есть самая настоящая антисоветчина, вдохновленная ненавистью к социалистическому строю. Мы проморгали врага, граждане судьи! Выросший в недрах нашей Секции господин Юрьев умело маскировался: он писал правильные слова, ходил на собрания, питался в нашей столовой. И одновременно он вместе со своими соучастниками вел, как выяснилось на суде, провокационные разговоры, распространял возмутительные слухи о якобы имевшем место «полете» на Луну какой-то

там американской ракеты. А в день, когда все советские люди с удовлетворением встретили сообщение о разгроме в Праге ревизионистского гнезда, он вышел на улицу с самодельным плакатом провокационного содержания. Я как многолетний руководитель Секции не снимаю с себя известной вины. В подлой книжонке «Башни Кассандры» я должен был, конечно же, увидеть ядовитые семена безыдейности, нигилизма, болезненного интереса к темным «проблемам жизни», двуличие и бесстыдство. К сожалению, и я, и мой коллега Семен Михайлович Шпаньрь, также введенный в заблуждение, приняли эти отравленные всходы за болезнь роста молодого литератора. Однако его поступок в августе минувшего года раскрыл нам всем глаза...»

На «процессе пяти» впервые потерпел профессиональное поражение известный адвокат Юрий Феофанов, защищавший Сергея Штерна. Великолепный знаток судебной казуистики, он полагал, что обвинению буквально не за что зацепиться: все плакаты, с которыми пришли демонстранты к посольству, имели самое мирное содержание. Невозможно было осудить за «слова поддержки, даже если что-то было сформулировано не вполне точно». Суд, однако, согласился с прокурором, доказывавшим, будто во фразах «Да здравствует Чехословакия!» и «За нашу и вашу свободу!» есть некий изощренный разрушительный смысл. Что касается плакатов с поздравлениями в адрес американских астронавтов, то суд вынес частное определение: направить Орлова и Руденко (эти плакаты, как доказало следствие, писали они) на дополнительное медицинское освидетельствование.

Суд в Москве вызвал широкий международный отклик. Лондонский ПЕН-центр направил обращение к советскому правительству с призывом амнистировать дерзкую пятерку. Несколько видных чиновников НАСА в частном порядке тоже отправили в Москву подобные заявления. Видный французский физик, лауреат Нобелевской премии Жан-Клод Дюваль призвал со страниц «Фигаро» начать кампанию поддержки арестованных. Все это позволило в заключительной

речи государственного обвинителя подчеркнуть всю опасность совершенного деяния. «Смотрите, как всполошились на Западе, — говорил прокурор. — Поднялась черная рать антисоветчиков, бросилась защищать своих «братьев по духу». Вот передо мной телеграмма из Хьюстона: какая-то троица американских толстосумов предлагает отпустить этих перевертышей и даже готова заплатить залог! Ничего не выйдет, господа миллионеры: у нас в Советском Союзе никакие деньги не спасут преступников от ответственности».

«Троицей американских толстосумов» между тем были Армстронг, Олдрин и Коллинз.

Суд приговорил демонстрантов к разным срокам заключения (от двух до пяти, шутили сами арестанты), с отбыванием наказания в колонии усиленного режима, с конфискацией имущества и последующим выдворением из страны. («После лагеря — ссылка на поселение в Париж», — такая фразочка ходила в те «урожайные» на процессы годы.)

Надо сказать, власти учли опасный резонанс даже «полузакрытых» политических процессов и в дальнейшем сделали их полностью закрытыми — в подцензурную печать не должно было проникнуть вообще ни строчки. Именно поэтому перечень «лунных» процессов, приводимый в книге Ирины Алексеевой «Луна и грош. Очерки истории инакомыслия в СССР», скорее всего, не полон. Из перечисленных следует, в первую очередь, выделить: «дело Андрея Гамова» (оно же — «дело переводчика») и «дело возвращенцев» (Светланы Покровской, Дениса Новикова и Юрия Кузнецова).

Тридцатитрехлетний Андрей Гамов, дальний родственник знаменитого физика, не был писателем. Книга, запущенная с его подачи в столичный самиздат, была переводным романом американского фантаста Роберта Энона Хайнлайна. Имя это и прежде не было в почете у критиков из числа членов кургузовской Секции: все они помнили его рассказ «Долгая вахта», который еще в самом начале 60-х был заподозрен самим Степаном Петровичем Кургузовым

в «буржуазном пацифизме» и «оскорбительной попытке дискредитировать литературные достижения Секции фантастики» (Кургузов решил, что выведенный автором маньячный полковник Курджесс — намек лично на него; хотя Хайнлайн не был знаком с главой Секции и едва ли читал и «Катапульту», и последующие романы Степана Петровича). Недаром даже правоверный А. Казанцев, по недомыслию посмевший включить рассказ «Долгая вахта» в антологию «Научно-фантастические рассказы американских писателей», имел с шефом Секции объяснения самого неприятного свойства — и с тех пор навсегда зарекся составлять антологии из «непроявленных» авторов.

Новый роман Роберта Хайнлайна был, конечно, «поуевсистее», чем давний рассказ, и, само собой, никак не мог быть опубликован в СССР. При этом произведение не было антисоветским в традиционном смысле слова; вероятно, автор и не знал многих наших реалий и писал на чисто американском материале. Однако сам сюжет, при соответствующем переводе, позволял увидеть в романе целую россыпь

Обложка романа
Р. Хайнлайна

соблазнительных аллюзий. Гамов был отличным переводчиком. Он не добавил к Хайнлайну ни одного постороннего слова, ничего не сократил. Он просто умело сыграл на особенностях лексики героев, найдя к их сочным словечкам наиболее подходящие русские аналоги. Язык московских улиц и коммуналок, общежитий и магазинов, хлесткий язык очередей и лагерного «кондея» — все это сделало текст Хайнлайна абсолютно родным. Из всех возможных вариантов заголовка («Луна — суровая хозяйка», «Луна — дама с норовом», «Луна жестко стелет» и т. п.) Андрей

Гамов выбрал самый подходящий: «Луна — гражданочка серьезная». Он по праву гордился своим переводом, не мешал друзьям делать с него копии и давал читать всем, кто захочет. Зная, что книга эта в СССР не будет издана, Гамов хотел, чтобы с ней, по крайней мере, познакомилось как можно больше людей.

Госбезопасность вышла на Гамова очень быстро, да он и не скрывался особенно. В книге Ирины Алексеевой «Луна и грош», о которой уже речь шла выше, есть глава, созданная на основе первого разговора переводчика со следователем на Лубянке. (Записал разговор сам Гамов по памяти сразу после допроса и уже потом, во время этапа, передал вместе с письмом на волю.) «Вопрос об авторстве книги, с которого следователь начал беседу, привел Гамова в неопишное веселье, — замечает И. Алексеева. — Дело в том, что первоначально кагэбэшники, прочитавшие роман, были твердо убеждены, что сочинил его сам Гамов — просто из предосторожности подписался американской фамилией и насовал в текст десятка два нерусских имен. Следователь в ответ ожидал всего, что угодно, — только не смех. «Что же смешного я сказал, Андрей Игоревич?» — недоуменно поинтересовался он. «Да так, пустяки, — ответил Гамов. — Вы спросили, не я ли это сочинил. В вашем Комитете, видно, на комплименты не скупаются. Однажды ваши коллеги уже задавали точно такой же вопрос моему знакомому, который распространял в самиздате текст Конституции США...»

Судьба Андрея Гамова была весьма драматична. Текст романа Хайнлайна, посланный в Секцию на так называемую «литературную экспертизу», попал в руки самому Кургузову, который не упустил случая свести счеты со своим заокеанским коллегой. «Пресловутый «роман» известного своими профашистскими взглядами Р. Э. Хайнлайна, — с пафосом отмечал С. Кургузов в рецензии, — есть не что иное, как гнусный пасквиль на наш строй, на наши завоевания. Книга представляет собой отравленное оружие мировой реакции, и недаром именно мистера Хайнлайна называл в числе

своих любимых авторов справедливо осужденный двурушник и антисоветчик, бывший советский писатель Юрьев. (...) Исходя из вышеизложенного, очевидно: перевод гр-на Гамова отнюдь не «занятие чистой литературой», как обычно утверждают подобного рода деятели. Это продуманная акция, вероятно, согласованная с зарубежными разведцентрами. Полагаю, что Закон должен быть беспощаден к такому матерому врагу, каким, без сомнения, является переводчик А. Гамов». Собственно говоря, последних фраз от Кургузова никто и не требовал, просто привычка взяла свое. Гамов был осужден на шесть лет по статье семидесятой. В мордовских лагерях, куда по обыкновению отправляли «политических», у него обострилась язва... Спасти его не удалось.

Ныне, когда роман Роберта Хайнлайна неоднократно издан, особенно печально сознавать, что труд жизни А. Гамова не увидит света: сразу после ареста переводчика КГБ провел «большую чистку» московского самиздата, изымая в первую очередь гамовскую «Луну...» На сегодняшний день полный текст перевода считается утерянным. (Полукустарные подстрочники, сделанные второпях в начале 90-х, дают слабое представление об истинном облике романа Роберта Хайнлайна: не исключено, что особый блеск этому произведению придал как раз Гамов. Топорная работа толмачей-коммерсантов превратила эту книгу в заурядную беллетристику.)

По сравнению с Гамовым члены кружка «возвращенцев» (Покровская, Новиков и Кузнецов), можно считать, отделались легким испугом: они получили всего лишь условные сроки — может быть, потому, что на процессе умеренно раскаялись. «Литературный салон» Дениса Новикова не был ни «кружком Петефи», ни «группой последователей чехословацких ревизионистов из газеты «Литерарни листы» (как поначалу пытался представить дело ретивый следователь КГБ Станислав Могутин — опять-таки цитирую по книге И. Алексеевой) Это был на самом деле салон или клуб на квартире Новикова, где молодые литераторы читали и обсуждали свои произведения. Криминал, правда, был в опре-

деленной тенденциозности текстов: принцип «возвращения к Земле» авторы старались соблюдать неукоснительно. Если судить по меркам 90-х, участники кружка сочиняли вполне обычную «психологическую» фантастику, где и сюжету, и науке было отдано положенное место («Караван» Д. Новикова, «Атомная быль» Ю. Кузнецова и др.). Во всех этих повестях и рассказах была, однако, одна важная особенность — в них начисто отсутствовала Луна, даже намеки на «официальный» спутник Земли считались неприличными. По мнению Светланы Покровской, главного теоретика кружка, Луна, ставшая основой государственного кича, была безнадежна для литературы. «Эстетизировать Луну, — писала Покровская в своем трактате, приобщенном к материалам дела, — так же нелепо, как эстетизировать серп и молот, кремлевскую стену или красное знамя. С той поры как Луна сделалась предметом советского культа, она тотчас же оказалась мертва в плане искусства, превратилась в «дежурное блюдо», подаваемое в Секции фантастики СП СССР. Даже модная интеллигентская ирония по отношению к Луне, которой сегодня бравируют некоторые «новые фантасты», всего лишь примета их рабской зависимости от этого культа, ибо видимость спора на равных с мертвой догмой только придает духовному насилию социума над личностью внешне респектабельный характер. (...) Мы должны забыть о Луне — раз и навсегда. Мы не в силах прекратить бессмысленный и нескончаемый поток «лунной прозы». Единственное, что мы можем, — игнорировать его...»

Выдержки из трактата Покровской оскорбленный С. Кургузов после процесса над «возвращенцами» зачитал на Секции, призывая писателей-фантастов разделить его праведное негодование. Он даже настоял на специальной резолюции Президиума Секции (№ 192, декабрь 1970 г.), в которой осуждались «литературные пигмеи, недостойные даже касаться великого спутника; символа наших свершений и побед». В эти дни молодой фантаст Донат Быков, тогда еще правоверный член Секции, записал в своем дневнике:

«17 декабря. Секция. Выступление Большого Босса. Резолюция по «возвращениям», которую мы приняли единогласно, производит жуткое впечатление. В такие минуты просто хочется согласиться с автором трактата. О Луне, как о покойнике, надо писать либо хорошо, либо ничего. Мы все дружно пишем плохо. Ergo...»

В целом же позиция члена кружка Дениса Новикова была уникальной. Ни до, ни после «возвращенцев» никто (как кургузовцы, так и их оппоненты из противоположного лагеря) не был в состоянии избежать «лунного» соблазна. Хорошо это или плохо для литературы, но такая форма духовного эскапизма у нас не прижилась.

Прежде чем перейти к одной интересной и даже несколько таинственной фигуре, ворвавшейся в литературную жизнь начала 70-х годов, следует, для порядка, сказать хотя бы несколько слов об этой самой «литературной жизни».

В феврале 1970 г. подал в отставку с поста главного редактора «Нового мира» Александр Твардовский. В 1971 г. произошла «смена караула» в московском издательстве «Молодая гвардия», откуда были уволены наиболее либеральные сотрудники. Таким образом, практически вся «новая волна» фантастики оказалась в безвоздушном пространстве. После внушительной оплеухи, которую мы получили в 1968 г. от американцев и которую, введя танки в Чехословакию, вернули мировой общественности, любые признаки политических «заморозков» никого уже не могли удивить. Привыкли к закрытым процессам, привыкли к бесконечной ругани в прессе, направленной против «милитаристской и человеконенавистнической американской фантастики». Многие фантасты, принципиально не входящие в Секцию, вынуждены были переqualificироваться, обратиться к второстепенным жанрам. Д. Гранин занялся научной популяризацией (повесть «Эта странная жизнь»), В. Быков взялся за партизанскую тему («Сотников», «Обелиск»), В. Тендряков — за подростковую (повесть «Весенние перевертыши»), В. Розов увлекся бытовыми картинками из жизни мелких начальников

ИГОРЬ МАРТЬЯНОВ

ИХ ПОГУБИЛА ЛУНА!

После обеденного перерыва в наш отдел зашел ответственный секретарь редакции Костя Ледков и сказал: — Старик, выручай. В областном музее открылась выставка о службе быта города. Шеф распорядился дать ей строчек в номер. Послать больше некого... Я пошел в редакцию, взял материал и отправился выполнять аналитическое задание.

ДИМИТРИЙ С ЛУНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Лидия Обухова

А. КНОПОВ

Тростяная ЛУНА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Трилогия о Прометеевой Филаретике

ЛУЦИЯ ДОРГА

Вступительная глава

Трилогия о Прометеевой Филаретике

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ ЛУННАЯ РАДУГА

ПОСЛЕДНИЙ НЕАСТЕТИСМ 1964

СТЕПАН КУРГУЗОВ КРАТЕР БРАТЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКОВСКИЕ РАБОЧНИК 1973

НИК. ШПАКОВСКИЙ ВСПАМЯТКА

Произведения о Луне

и средней интеллигенции (пьесы «С вечера до полудня», «Ситуация», «Четыре капли»). Что касается В. Дудинцева, то после запрещения его «Новогодней сказки в лунную ночь» он вообще перестал писать прозу — какую бы то ни было. Пожалуй, из всех «звездных мальчиков» начала 60-х только Василий Аксенов еще не изменил фантастике (хотя и ему с каждым годом все труднее становилось опубликовать без купюр каждую новую вещь, а многие так и не удалось вообще). Да еще Сергей Потапов писал по рассказу в год, изредка мелькая в каком-нибудь периферийном издании. Десятки литераторов-фантастов ушли в самиздат и «тамиздат»: это было опасно, ненадежно, но все-таки лучше, чем писать «в стол».

Только за 1971—1973 гг. во Франкфуртском «Посеве», в анн-арборском «Ардисе» и парижском «Либерте» вышло три десятка фантастических книг, среди которых, конечно, были переиздания (вроде «Не хлебом единым» В. Дудинцева или повести «Четверо» С. Потапова), но большинство произведений были новыми. Лучшие из этих книг отличались высоким художественным уровнем и резкой полемической направленностью. «Астронавт Чонкин» Владимира Войновича был, по сути, открытым вызовом той приукрашенной и поднятой на котурны фигуре космонавта, которую — чисто «лабораторным путем» — вывели в своих ретортах фантасты из Секции. Чонкин был нарушением правил. Маленький, дураковатый с виду, в косо висящем гермошлеме, в скафандре с чужого плеча, он и на Луне-то оказывался по недоразумению, и орден свой получал незаслуженно, по наивности разогнав из корабельной пушечки своих соотечественников вместо объявленных по рации американских десантников. Чонкин да его невеста Анка, техник-смотритель с космодрома в Море Ясности, — вот и все «положительные герои», которых автор весело противопоставлял истинным жуликам и придуркам, облаченным в парадные скафандры КВ или мышинные мундиры ЛГБ.

Командор Волков из романа Вадима Меламуда и Владимира Кругликова «Время командора» тоже оказывался один

против всех, хотя Меламуд с Кругликовым писали уже вполне серьезное, отнюдь не сатирическое произведение. Волков был смертником, отправленным на американский космодром на мысе Канаверал со специальным заданием накануне гипотетической Третьей мировой войны (впрочем, в 70-е она казалась достаточно реальной) и, по счастливой случайности, оставшийся в живых. Он возвращается в Москву, чтобы выяснить, кто же все-таки послал его взорвать не представлявший никакой ценности устаревший модуль. Роман «Время командора» был, без сомнения, сознательно антисоветским произведением; в нем два многолетних «отказника» расквитались с нелюбимым строем. К счастью для писателей, «посебовские» томики «Времени командора» были получены на Лубянке уже после того, как авторам, наконец-то, удалось воссоединиться с несуществующими родственниками на «исторической родине». Владимир Войнович после выхода «Чонкина» на Западе тоже недолго оставался советским гражданином: он был отпущен в ФРГ и тут же лишен «серпастого и молоткастого» советского паспорта.

В Москве в это же время царила Секция. Кургузов, чьи услуги вновь сполна были оценены в Кремле, мог торжествовать. В 1973 г. Секция уже окончательно и официально подмяла под себя секретариат СП СССР. Секретарь правления сделался чисто декоративной фигурой и все бумаги обязан был визировать у Кургузова. Злые языки в ту пору утверждали, что Конст. Федин в Переделкино в течение двух месяцев пытался написать хоть небольшой фантастический роман или хотя бы какой-нибудь старый, вроде «Необыкновенного лета», наскоро переделать в «лунный» и выдвинуться из аутсайдеров в привилегированные писатели. Но мстительный Кургузов за все послевоенные годы — как только Секция окончательно встала на ноги — ни разу не обнадежил Фебина обещанием принять его в «организованные» ряды фантастов. Даже когда Федин выбился в руководство Союза писателей СССР, для Кургузова он все равно остался наглецом, посмевающим в 1934 г. в кулуарах I Съезда

писателей (Кургузову тотчас же донесли!) обронить, что-де «фантастический роман умер и закопан в могилу». Такое недружелюбие Кургузова было особенно обидно для Федина, ибо все его коллеги по Секретариату СП уже давным-давно были на льготных основания приняты в Секцию и уже выпустили по одному-два «лунных» романа: Георгий Марков еще в конце 60-х отправил «Грядущему веку» первый том своей производственно-космической, в духе Сем. Шпаньря, эпопеи; Анатолий Иванов и Вадим Кожевников, после консультаций в Пулковской обсерватории, выдали в соавторстве роман-дилогию «Тени исчезают в полдень» и «В полдень, на солнечной стороне», в котором довольно бойко были переложены «на язык родных осин» особенности лунного календаря за март-апрель. Прочие же авторы, многолетние члены Секции и верные кургузовцы (В. Понятовский, Ан. Спиринов, В. Маркелов и др.) продолжили свой каждодневный труд на благо Луны и Родины, не изменив себе ни на йоту.

Унылый литературный ландшафт в те годы украшали разве что детские повести Конст. Булычева из цикла про Алешу — на фоне всеобщего маразма, запустения и унылого перепевания «ранних себя» членами Секции эти вещи выглядели довольно привлекательно. Кажется, Булычев был единственным из членов Секции, кто мог позволить себе держаться независимо с Кургузовым: так повелось с конца 40-х, когда «Лунный вопрос» вознес драматурга на один уровень с Главным фантастом. С того времени многое изменилось — прежде всего сам Булычев сделался либералом и даже пацифистом, однако острое ощущение *иерархии*, воспитанное в Кургузове, не позволяло ему окоротить писателя. В начале 70-х Степан Кургузов не раз и не два пытался вызвать Булычева на откровенный разговор, но всякий раз тот находил убедительный повод для неуступки. А потом Булычев оказался в Париже, а Кургузову стало не до выяснения отношений с «предателем» и «отщепенцем»: подоспели новые события.

Начиная с лета 1973 г., в московском самиздате появились рассказы какого-то не известного доселе автора; подписаны

они все были «Виталий Бабенко». В море разнообразной научно-фантастической продукции самиздата эти произведения сразу привлекли повышенное внимание многих. Во-первых, потому что автор обладал явным талантом. И, во-вторых, и в главных, потому что за каждым рассказом чувствовались обширные знания и опыт в сфере, недоступной для простых смертных. Основой для неожиданных экстраполяции и гротесков автору всегда служила унылая повседневная жизнь совершенно секретных ракетных НИИ («ТП»), рутина космических комплексов («Стоп, машина!») и тихий ужас «плановых» аварий («Холодильник»). Выдумать такое было невозможно: по множеству конкретных деталей и умению автора ими свободно оперировать чувствовалось, что писал человек, не совсем посторонний в этой области. Видимо, поэтому некоторые читатели восприняли прозу «Виталия Бабенко» чрезвычайно болезненно. А уж когда в рассказе «Музей человека» впервые мелькнул хитрый и умный разработчик Большой Бомбы по имени Игоряша, который был уверен, что правительство золотой рыбкой исполнит все желания его НИИ, а сам он всегда в случае чего в бункере отсидится, — доброты покойного Игоря Васильевича Курчатова не на шутку рассердились и посчитали необходимым обратиться в КГБ, чтобы Комитет «нашел и обезвредил клеветника».

Вообще, появление в самиздате рассказов про Игоряшу наделало много шума. Автор убедительно показал, что именно кроется за расхожей формулировкой «мирный космос»: тщательно скрываемая связь королевской «семерки» и ведомства «Игоряши» сделалась явной, и у читателя не оставалось сомнений, чем будет оснащен первый же серийный транспортный «лунник».

Степан Кургузов, который получил уже из Комитета госбезопасности полную подборку текстов «Виталия Бабенко», вынужден был признать, что никогда ничего подобного не читал и кто именно скрывается за этим псевдонимом, понятия не имеет. «Поищите у своих ракетчиков», — единственное, что мог сказать в ответ шеф Секции. (Описывая в своих мемуарах

этот эпизод, сам Степан Кургузов был, похоже, всерьез раздосадован, что не смог в тот раз помочь чекистам!)

К началу 1974 г. виновный был обнаружен. Вероятно, он смог бы еще какое-то время хранить свое инкогнито, и не потому, что был отличным конспиратором, а потому что никому и в голову не приходило заподозрить лицо такого положения. Автор стал жертвой собственной доверчивости. Свою только что законченную повесть-памфлет под названием «До следующего раза!» он — вместо того, чтобы по проверенным каналам пустить по волнам самиздата, — решил сразу передать для публикации за рубеж. Тема представлялась ему настолько злободневной, что он не желал ждать. Посредником вызвался быть известный французский журналист Виктор Луи, по всей вероятности, связанный с КГБ. Во всяком случае, на квартире, где автора должен был ждать посредник, его ждала засада.

Кагэбэшники, получив в руки личные документы задержанного, были удивлены и смущены: вредитель-писака, ко-его велено было поймать и доставить на Лубянку, имел чин генерал-лейтенанта, был Героем Советского Союза и доктором наук. Мало того, он был одним из ведущих конструкторов королевской «семерки».

Звали его Борис Артемьевич Бенько.

PERSONALIA: БЕНЬКО (БАБЕНКО)

Борис Артемьевич Бенько родился в 1915 г. в Житомире в семье мелкого скобяного торговца Артемия Бенько. Закончив школу, Борис поступил в Московский университет на физико-математический факультет. К середине 30-х годов талантливый студент был замечен вербовщиками расчетной группы проекта «Катапульта»

и приглашен по окончании вуза работать во 2-й Наркомат авиационной промышленности (т. е. в ракетное ведомство). Первоначально Борис работает в группе, занятой непосредственно двигателями, затем становится заместителем начальника отдела ходовых частей и механизмов торможения (ХЧМТ). Звание Героя Советского Союза ему присваивают в сентябре 1943 г., когда вступает в действие новая система гвардейских минометов. Бенько сам руководит боевыми испытаниями экспериментальных установок и в критической ситуации, после неожиданной высадки вражеского десанта, берет командование на себя и спасает машины от уничтожения или захвата немцами.

После войны Борис Бенько — ведущий научный сотрудник королевской «семерки»; его открытия, позднее оформленные в виде кандидатской и докторской диссертаций, дали мощный толчок «Проекту-К». Однако сам Бенько все более разочаровывается в проекте — не в технической стороне дела (тут как раз «свет в конце туннеля» виден), но в нравственной. В письме к сестре (май 1967 г.) он откровенно признается: «Великолепная техника попадает в руки канибалов. Для них Луна — просто еще один стратегически выгодный военный плацдарм. Иногда я даже рад, что нам еще далеко до запуска собственного «лунника» с пассажирами и пилотами».

Примерно к тому же времени относятся и первые литературные опыты Бориса Бенько — фантастические рассказы «Монреаль», «Крошка Енох», «Случай на гравилке» и другие, в которых причудливый мир Босха и Брейгеля был распластан на тусклой глади советских «конторских будней».

Исследователи полагают, что история, ставшая сюжетной канвой рассказа «Авангардист», действительно произошла с одним из знакомых автора, хотя и не закончилась так трагично, как в рассказе. По всей видимости, сюжет повести «До следующего раза!» (другое название — «Встреча») имел самое прямое отношение к реальности. Вероятно, это было самое нефантастическое произведение генерала Бенько. Судя по косвенным данным, в повести речь шла о попытке ГРУ организовать перехват в тропосфере одного из американских лунных «челноков» системы «Аполлон» с последующей его принудительной посадкой в Капустинном Яру — в то время как наш корабль-имитация должен был взорваться якобы во время случайной аварии. Эксперты ЦРУ считают, что такой проект был действительно разработан уже в сентябре 1968 г. и не исполнен только по причине его дороговизны, и непредсказуемости последствий никто не мог предугадать, как поведет себя ядерный реактор «челнока» в силовом поле, и никто не мог гарантировать, что пленный корабль не превратится в огромную атомную бомбу. Борис Бенько был одним из самых энергичных противников такой

акции. Видимо, он и написал свое произведение, когда ему показалось, что план будет все-таки принят. Есть сведения, что к концу 70-х эта идея чуть не была снова реанимирована. Потому-то генерал Бенько и поспешил передать свое предупреждение, рассчитывая, что в случае публикации повести на Западе замысел похищения будет считаться рассекреченным. Отчаянная попытка генерала не пропала даром: опасаясь огласки, ГРУ окончательно похоронило свой замысел.

К глубокому сожалению, повесть «До следующего раза!» — вероятно, лучшее прозаическое произведение Бенько — постигла та же судьба, что и перевод Андрея Гамова: все тексты были то ли уничтожены, то ли утеряны в недрах КГБ. Разыскания, предпринятые в 1990 г. издательством «Московский рабочий» при подготовке тома избранной прозы Бенько, успеха не имели. Сборник все-таки был, чисто символически, назван «До следующего раза!», но самого этого произведения, как нетрудно заметить, в книге нет.

Будучи талантливым ученым и даровитым писателем, Бенько чисто по-человечески был достаточно наивен. Он совсем не был похож на своего литературного «двойника» хладнокровного супермена генерала Ренько, героя шпионских романов англичанина Мартина Круса Смита «Парк Горького» и «Красная площадь», написанных по отдаленным мотивам реальных событий. В статье, опубликованной парижской «Русской мыслью» в связи с 70-летием со дня рождения генерала Бенько (май 1985 г.), Аркадий Гинзбург писал: «Сейчас говорят о том, что Бенько был дилетантом во всех областях, кроме ракетостроения и литературного творчества. Мол, дилетанта в нем выдавало решительно все — от выбранного псевдонима, настолько прозрачного, что раскрыть его мог даже ребенок, до наивных надежд на открытый судебный процесс. Однако произведения именно этого «дилетанта» будили мысль и воображение в те годы, когда, казалось, вся наша фантастика пребывает в состоянии летаргии и неизвестно, когда очнется. Борис Бенько был многократно талантлив, смел и честен. Наша утрата невосполнима».

Борис Бенько действительно не дождался ни открытого процесса, ни даже просто суда. По специальному указанию Суслова он был официально признан невменяемым и помещен в психиатрическую лечебницу усиленного режима, где «больного» и должны были, при помощи аминазина и барбитуратов, довести до состояния, обозначенного в диагнозе. В короткий миг просветления генералу удалось развязаться и выпрыгнуть из окна четвертого этажа. По всей видимости, тело его захоронено там же, на территории больницы. Родные получили только на руки справку, где в графе «причина смерти» значится воспаление легких.

Первое десятилетие «эпохи спокойствия» было отмечено достойными именами: демонстранты августа 68-го, переводчик А. Гамов, «возвращенцы» из кружка Д. Новикова, автор «Чонкина», мятежный генерал Бенько и еще многие, здесь не упомянутые. Эти люди практически не были известны широкой публике, но отчасти благодаря им политическое «похолодание» не было таким стремительным: их отчаянное стремление «отдышать» хотя бы крошечный кусочек от Большого Холода, вопреки законам физики, все-таки не пропали.

Следующей попыткой оказался «Лунариум».

IX. «ЛУНАРИУМ» И ВОКРУГ (1979—1984)

Известный культуролог Сергей Эйгелис однажды заметил: «История советской фантастики — это история ее альманахов. «Селена» была квинтэссенцией тематических поисков 20-х годов, когда канон еще не отвердел и художественная палитра фантаста состояла больше, чем из двух-трех полагавшихся красок. «Последний экземпляр», чахлый цветок хрущевской «оттепели», был призван, по сути, реанимировать разрешенный плюрализм 20-х. Напротив, дерзкий «Лунариум» с самого начала ставил себя в оппозицию официальному «кургузовскому» курсу, нагло нарушал приличия в расчете на скандал и мордобой. В условиях тотальной несвободы погибнуть обязаны были все, и первые два альманаха в свое время тихо угасли за кулисами эпохи. Только у создателей «Лунариума» хватило храбрости обреченных превратить неизбежную смерть их детища в мрачноватый хэппенинг, растянувшийся на добрых пять лет».

Статья С. Эйгелиса, откуда взята приведенная выше цитата, написана была в конце 80-х годов, когда уже трудно было удержаться от соблазна некоторой идеализации «героического вызова» создателей «Лунариума». На самом деле вариант «смерти на миру» рассматривался и редактором, и некоторыми (не всеми) авторами альманаха в качестве всего лишь одной из возможных альтернатив. В 1979 г. казалось, что власти, сами не заинтересованные в полной отверженности «второй» фантастики и окончательном переходе ее в самиздат и «тамиздат», пойдут на некий компромисс: уж одно альтернативное издание никак не могло представлять реальной угрозы господству Секции. Складывалось впечатление, что при умном поведении властей «Лунариум» и впрямь мог превратиться в своего рода литературное гетто, откуда оппозиционеры выкрикивали бы своими тоненькими

голосочками эстетические протесты посредством тиража в 3—5 тысяч экземпляров (большую часть которого можно было легко вывезти за пределы страны и оставить пылиться в лавках русской книги Восточной Европы и Индокитая). К сожалению или к счастью, ничего подобного не случилось.

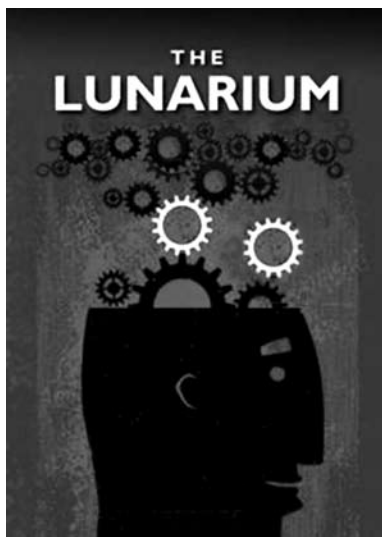
Однако не будем забегать вперед.

Идея создать Неподцензурный Неконъюнктурный Альманах Новой Фантастики возникла уже к середине 70-х, когда самиздат, распухающий на глазах у всех, мог разрешиться от бремени как по эту, так и по ту сторону государственной границы СССР. Как раз в эти годы вал громких политических процессов над литераторами несколько поутих, что многими было ошибочно расценено как признак «смягчения курса» (о психушках, куда, вслед за мятежным генералом Бенько, стали втихую отправлять оппонентов «экономной экономики» и «фантастической фантастики», в ту пору знали еще не все). К тому же в периодике стали понемногу появляться произведения В. Аксенова, Е. Евтушенко, С. Потапова, А. Измайлова и других видных «шестидесятников» — что тоже можно было, с некоторой долей воображения, расценить как аргумент в пользу «либерализации». Создавалось впечатление, что достаточно проявить инициативу — и «вторая» фантастика станет полноправной участницей литературного процесса; тем более что слащавый, нелепо идеализированный образ Луны в произведениях членов Секции, казалось, навяз в зубах даже у насквозь правоверной критики (в 1978 г. в «Литгазете» самого Семена Шпаньря деликатно упрекнули в «некоторых самоповторах»). Теперь требовалось только благоприятное стечение обстоятельств.

Удобный случай представился в феврале 1979 г., когда в издательстве «Молодая гвардия» решено было выпустить сборник «Лунариум», своего рода антологию лучших произведений о спутнике нашей планеты, от Сирано де Бержерака и Эдгара По — до Вячеслава Курицына и Степана Кургузова. Предполагалось, что книга выйдет в подарочном издании, с цветными иллюстрациями на отличной финской

бумаге и большим тиражом. По непонятным до сих пор причинам вся работа над составлением и редактурой «Лунариума» была поручена всего одному молодому сотруднику «Молодой гвардии» — при этом отсутствовал обычно строгий контроль за работой (вследствие ее очевидной рутинности). Молодой редактор не замедлил этим воспользоваться.

В первую очередь, был сознательно нарушен антологический принцип издания: глупо было переиздавать многократно тиражированное, когда есть столько новых вещей. Составитель почел своею прямой обязанностью включить в книгу только оригинальные, еще не опубликованные у нас произведения. Мало того, не отказываясь от «лунной» тематики, составитель подбирал произведения не по традиционному принципу. В коротком редакционном предисловии, озаглавленном «Обратная сторона Луны», были очень четко изложены критерии отбора. В частности, там говорилось: «Если постоянно питаться одной манной кашей, выпадут зубы. Если при слове «Луна» всю жизнь пускать

Обложка американского издания альманаха «Лунариум»

слюни умиления и восторга, то атрофируются все другие нормальные чувства. Фантастика — не манная каша, а Луна — не фонарик на нескончаемом глуповатом карнавале. Муторная инерция, которая существует в журналах и издательствах, едва не превратила спутник Земли в успокоительную пилюлю для тех, кто живет в состоянии вечного застойного перепуга, стремится всю фантастику подогнать под один ранжир. «Внекомплектная» научная фантастика обречена была на многолетние

скитания и бездомность. Теперь у нее есть своя крыша над головой. И Луна, которая светит над этой крышей, только на первый взгляд может показаться непривычной и пугающей. На самом деле она просто очень похожа на Землю».

Слова предисловия не были пустой декларацией. В альманахах действительно попали произведения, авторы которых словно задались целью переменить читательское представление о Луне, создавшееся за годы господства секционной фантастики. Благодаря мастерству составителя, каждая «авторитетная» банальность, каждый трюизм, каждый «освященный славными десятилетиями» шаблон находили в альманахе себе противоядие.

Так, в повести Евгения Велтистова и Мориса Симашко «Гумга» речь шла о поистине страшном месте — закрытом поселении Гумга в лунном Море Спокойствия. Название это даже внешне напоминало Гулаг, и по существу поселок этот и был лагерем, где формируются штрафные батальоны. Мальчик Максим из 70-х годов XX в. во время игры с отцовским компьютером проваливался в пространственно-временной туннель и попадал на Луну начала XXI в. в самый разгар непонятной «звездной войны». Прилежный читатель фантастики, Максим и представить себе не мог такого ада, какой он увидел воочию. Повесть была написана задолго до нашей афганской авантюры, но выглядела гротескной иллюстрацией на тему «войны всех против всех». Луна, как и положено, в повести считалась первым земным форпостом на пути инопланетной агрессии. Но ни штрафники, кандидаты в «пушечное мясо», ни их командиры, ни тем более Максим не могли взять в толк, какой смысл в этой войне без видимого противника. Да и был ли он, этот противник, вообще? Не родился ли он просто из-за сбоя компьютера Генерального штаба? Такие мысли приходят в голову героям на протяжении всего произведения. Но сделать они уже ничего не могут: машина войны пущена в ход, а раз так, нужны и убитые, и дезертиры, и потери — иначе война будет выглядеть ненастоящей. Слово «Гумга» превращается для

мальчика в самоубийственный символ общества, где слово и ритуал неудержимо вытесняют реальность, где все игры смертельны, потому что «бой с тенью» ведется до победного конца. Легко понять, почему повесть Велтистова и Симашко, пройдя через множество редакций, не задержалась ни в одной: ее явная антитоталитарная направленность и твердое намерение писателей избежать трафаретных оценок делали произведение неприемлемым нигде, кроме «Лунариума».

Можно согласиться с Борисом Хазановым, заметившим, что «практически все произведения, включенные в «Лунариум», написаны в жанре шока». У читателя, воспитанного на «кургузовском» рациионе, Луна-концлагерь, описанная в «Гумге», вызвала потрясение. Еще больше могла шокировать Луна-бордель из рассказа Евгения Попова «Страдания молодого селеноида» и повести Виктора Ерофеева «Лунная красавица». И Попов, и Ерофеев сокрушали штампы поистине раблезианскими методами: над бесплодной и бесполой пустыней пуританской фантастики всходила Луна, вся переполненная плотью, почти лопающаяся под напором могучих жизненных сил. И кратеры, и горные пики, и даже лунная пыль — все было олицетворением гениталий. Возможно, метафоры писателей были чересчур прямолинейны, а юмор скорее задирист, нежели тонок, однако эффект был налицо. Каждый поступок ерофеевской «лунной красавицы» Ойги, в лице которой (и в других, не менее важных, частях тела) автор изобразил своеобразного тяни-толкая из европейской расчетливости и русской чувствительности, был почти пародийным перепевом тяжелой «технологической» тягомотины официальной НФ литературы. Там, где у Кургузова, Понятовского, Маркелова, Шпаньря, Казанцева, Спирина и иже с ними серебрились лунные купола станций и складов, дымились заводские трубы и уходили ввысь тела транспортных кораблей; где постоянно «ковали что-то железное» или клеймили что-то зарубежное, — там у Ерофеева вызывающе стояла непропорционально огромная трехспальная кровать под шелковым балдахинном, в которой каждый желающий

(заплатив по таксе) мог занять место рядом с очаровательной Ойгой. Здесь тоже были свои «технологические» процессы, здесь давались и брались повышенные обязательства, здесь недовыполнялись или, напротив, перевыполнялись намеченные планы, и здесь, наконец, агент любой из разведок обречен был расстаться с одним из своих жизненно важных секретов (не в военно-политическом, но в чисто физиологическом смысле этого слова).

На фоне угрюмой нетерпимости, порожденной «холодной войной», ерофеевский Дом терпимости на Луне смотрелся прямо-таки симпатично и мирно. По этой же причине и «юный селеноид» Квекс из рассказа Евгения Попова, прилетевший на Луну из другой звездной системы в надежде на платные удовольствия в салоне мадам Баттерфляйшман, очень выигрывал в сравнении с бравым полковником КВС Сухловым-Кобеньковским, прибывшем на Луну якобы инспектировать зенитные лазеры, а на самом деле — с той же, что и юный Квекс, целью. Оба героя рассказа прекрасно знают, что никаких зенитных лазеров на Луне нет и в помине (их вообще пока еще не изобрели), но землянин с идиотским видом следует инструкции, в то время как новоиспеченный селеноид целеустремленно ищет бордель. Позднее Попова обвиняли не только в «порнографии», но и в «клевете на нашу армию»; между тем его Сухлов-Кобеньковский представляет собой поистине универсальный (как военный, так и гражданский) тип отечественного номенклатурного недоумка, привыкшего облекать даже естественные желания в неестественные бюрократические формы. «Страдания юного селеноида», созданные не без помощи табуированной лексики и местами сделанные на грани фола, стали первой попыткой выхода нашей фантастики в еще одну запретную тематическую область и — благодаря «Лунариуму» — попыткой не последней.

Вслед за Луной-концлагерем и Луной-борделем в альманахе возникло жутковатое видение Луны-психушки. Этот образ практически одновременно родился у таких разных

авторов, как Сергей Потапов (рассказ «Бедлам»), Донат Быков (рассказ «A la Lune comme a la Guette» — «На Луне как на войне») и американец Филип Дик (короткий роман «Семь кланов Луны», перевод Инны Гуровой). В принципе, предполагалось, что альманах будет состоять только из произведений соотечественников, однако для Филипа Дика было сделано исключение. Дело в том, что вещь эта была в те же годы весьма актуальной и абсолютно «непроходной»: в пору, когда объявляли невменяемыми диссидентов наподобие Владимира Буковского или генерала Бенько, невозможно было опубликовать роман, где бывшие обитатели дома скорби оказываются вполне нормальными, зато их врачи — наоборот, маньяками. А уж обращение лунных экс-психов за помощью к инопланетянам, могущим спасти их от нового заключения в сумасшедшем доме, и вовсе на советском языке называлось предательством и каралось по статье УК большим сроком и даже «высшей мерой социальной защиты». Точно так же и рассказы С. Потапова и Д. Быкова в тогдашней политической системе координат выглядели по меньшей мере злопыхательскими. Мир нормальный и мир безумный менялись местами. У Потапова, к примеру, эмоциональное донесение в Центр коменданта Лунной базы, обнаружившего американского агента, в конце концов оказывалась болезненным бредом обитателя Бедлама, страдающего манией преследования. У Быкова, описавшего некие бессмысленные военные маневры на Луне, единственным здравомыслящим человеком, способным предотвратить катастрофу, становился «официальный» сумасшедший гарнизона, запертый в полевой лазарет; все прочие, напротив, проявляли все признаки болезненной депрессии. Вот почему ответ на финальный вопрос: «Так кто же из нас идиот?!», заданный этим главным героем своим визави, мог дать любой из прочитавших рассказ.

Пожалуй, самым значительным и самым дерзким произведением альманаха явилась повесть Виктора Пелевина «Омон Ра». Автор не просто подвергал сомнению некоторые общепризнанные положения: своей повестью он практичес-

ки перечеркивал всю «великую мечту советского народа» как таковую. По Пелевину, весь «лунный проект», от начала до конца, был надувательством: с космодромов запускали пустые болванки, а победные телерепортажи вели из специальных студий. Повесть была написана до того достоверно, с такой хорошей проработкой деталей, что у читателя закрадывалось невольное сомнение, в какой мере произведение может считаться фантастикой. (О том, что многое в «проекте века» строилось на подтасовках, с достаточной очевидностью вытекало уже из «документально-фантастических» рассказов генерала Бенько.) Главный герой повести, космонавт-смертник Омон Кривомазов, свою жизнь должен был заплатить за поддержание в «рабочем режиме» Великого Блефа, причем его неожиданное спасение от смерти в самый последний момент было, надо думать, только отсрочкой: человек, владеющий таким секретом, был уже потенциальным покойником.

Надо отдать должное смелости автора: публикация подобного произведения в 1979 г. неизбежно должна была закончиться не просто «проработкой» критики или обычными обвинениями в «идеологической диверсии», но неприятностями куда более серьезными. По некоторым сведениям, повесть была написана еще в середине 70-х годов и тогда же предложена журналу «Знамя». Автор «Омона Ра», к сожалению, не знал, что все «подозрительные» произведения главный редактор В. Кожевников, певец «щита и меча», немедленно передает в Комитет госбезопасности: в начале 60-х такая участь постигла роман Вас. Гроссмана, через полтора десятилетия пришел черед повести В. Пелевина. Результатом этого высокопатриотического поступка редактора, как рассказывают, стал ночной обыск в квартире писателя. Все найденные экземпляры (и даже использованная копия) были изъяты гебистами, а сам автор будто бы приглашен был на беседу с самим Юрием Андроповым. «Вам не откажешь в интуиции, юноша, — говорил Андропов, расхаживая по своему кабинету на Лубянке. — Поэтому бросьте эти писания. Вы ведь водолаз по профессии, не правда ли? Вот и не валяйте

дурака, если не хотите однажды не всплыть на поверхность... Что касается вашей повести, то публиковать ее можно будет только лет через двести, не раньше. Понимаете, почему?»

Согласно все той же версии беседы, автор «Омона Ра» не стал спорить, однако ровно через месяц после разговора передал один из двух спрятанных экземпляров повести составителю «Лунариума»: писатель отчего-то не хотел ждать двести лет...

Даже из всего этого конспективного пересказа видно, что надежды сделать предстоящий альманах «легальным» были на самом деле призрачными. Увидеть свет в нашей стране подобная книга могла только чудом. Именно потому составителю «Лунариума» не осталось ничего иного, как это чудо организовать. Затея была, разумеется, самоубийственной: в случае выхода альманаха из печати уж составитель наверняка не смог бы спастись от преследований. И все-таки молодой редактор издательства «Молодая гвардия» решился — и тем самым навсегда вписал свое имя в историю отечественной фантастики.

Звали этого редактора Владимиром Щербаковым.

PERSONALIA: ЩЕРБАКОВ

Владимир Израилевич Щербаков прожил короткую, но яркую жизнь. Родился он в 1945 г. в Москве. Отец его, Израиль Маркович, был одним из тех «окулистов-вредителей», которых арестовали в декабре 1952 г. и реабилитировали сразу же после смерти Сталина. По окончании Московского политехнического института Владимир работает в редакции журнала «Юный техник» (ведет отдел писем), потом его приглашают в штат журнала «Изобретатель и моделист», где

Щербаков заведует отделом «Страна Фантастика». После конфликта с руководством журнала (принципиально отказался публиковать одну из статей А. Казанцева о «лунной природе» Тунгусского метеорита) покинул редакцию. С января 1979 г. — редактор издательства «Молодая гвардия». Альманах «Лунариум» был первой и единственной его работой в «Молодой гвардии». Как только альманах вышел в свет, В. Щербаков был немедленно из издательства уволен. Правда, большой международный резонанс «Лунариума» (рецензии в «Нью-Йорк Тайме», «Франкфуртер Алльгемайне», «Фигаро», «Гардиан», обращение американского ПЕН-клуба, Европейской ассоциации фантастов и др.) помешал после ареста предъявить Щербакову политические обвинения; он был осужден только по статье «Злоупотребление служебным положением в личных целях». Просидев два года из отмеренных ему шести, Щербаков неожиданно был освобожден с условием немедленно покинуть страну. После чего по приглашению Энтони Берджесса, Кингсли Эмиса и Грэма Грина вылетел в Англию. Самолет «Аэрофлота» приземлился в лондонском аэропорту Хитроу утром 18 мая 1981 г. При выезде с территории аэропорта на шоссе в такси, где ехал Владимир Щербаков, врезался нагруженный трейлер. Создатель «Лунариума» погиб сразу, его не удалось довести даже до больницы, шофер такси скончался в реанимации. Репортер «Таймс», первым оказавшийся на месте аварии, высказал предположение, что это была отнюдь не простая дорожная авария, а политическое убийство. Однако реальных доказательств у него не было. Советская печать не удостоила гибель В. Щербакова ни единой строчкой хроники.

Владимир Щербаков похоронен в Лондоне, на Хайгейтском кладбище. На мраморной плите — имя, фамилия, годы жизни и надпись по-русски: «Прости, Володя». Место на кладбище в течение более чем десятилетия оплачивалось Обществом научной фантастики Великобритании. Начиная с декабря 1991 г. все расходы на себя взяло российское посольство в Лондоне. В 2005 году, однако, посольство РФ сняло с себя упомянутые обязательства, но выплаты продолжают и поныне; имя мецената не разглашается.

Самым трудным для Щербакова оказался отнюдь не сбор материалов для альманаха (достойных рукописей было так много, что составитель имел возможность отобрать лучшее). Главное было — изобрести способ, чтобы обмануть бдительный Главлит, без визы которого ни одна типографская машина не начала бы работать.

После того как двумя годами раньше главный редактор журнала «Дальний Восток» Захар Васильченко, уходя на

пенсию, напечатал в обход Лито «Луну в тумане» опального японского писателя Акинари Уэда (тот, как известно, осудил наше вторжение в Чехословакию и тут же превратился для нас в «персону нон грата»), контроль был усилен. О том же, чтобы «официально» провести альманах в таком виде, нечего было и думать: Секция не оставила бы от этого замысла камня на камне. Вот почему Щербаков принял отчаянное решение выпустить «Лунариум» во что бы то ни стало и просто поставить руководство Союза писателей перед свершившимся фактом. Надо признать, что способ был придуман весьма остроумный. Дело в том, что Щербаков подготовил к печати сразу два «Лунариума» с одинаковыми выходными данными и с идентичным внешним оформлением. Первый содержал упомянутые выше произведения Е. Попова, В. Ерофеева, В. Пелевина и других, а второй — был той самой заказанной антологией, составлением которой он и должен был заниматься (там действительно были все положенные для такого случая тексты, от Сирано де Бержерака до фрагментов «Катапульты» С. Кургузова). Затем Щербаков дважды провел через Лито второй «Лунариум» и аккуратно поменял проштампованные цензором титульные листы. Остальное было делом техники: оба «Лунариума» спокойно печатались в разных типографиях, только за «официальный» платила «Молодая гвардия», а «подпольный» оплачивал Щербаков из своего кармана (для этого ему пришлось продать дачу; этот факт, всплывший на суде, сильно затруднил работу государственного обвинителя, пытавшегося доказать сначала, будто Щербаков действовал исключительно из корыстных побуждений).

В ноябре 1979 г. оба тиража были отпечатаны. Сразу же из типографии, минуя базу в Столешниковом переулке, по пять тысяч экземпляров каждого «Лунариума» было отправлено, соответственно, в «Книжный мир» на Кузнецком мосту и в Центральный Дом книги на Калининском проспекте. Благодаря путанице, вызванной полным внешним сходством двух книг, все полученные магазинами экземпляры были проданы без помех в течение первого же дня 17 ноября. Руководство Секции

тоже некоторое время было дезориентировано. Истерический телефонный звонок днем 17 ноября Анатолия Спирина домой Кургузову и его слова о том, что «в Доме книги на Калининском поступил в продажу «Лунариум» — антисоветский альманах фантастики», был сочтен Степаном Петровичем за проявление старческого маразма его соратника. Как раз накануне он лично получил из «Молодой гвардии» десять авторских экземпляров альманаха со своей «Катапультой» и один водрузил на полку. «Я, что ли, антисоветчик? Совсем сдурил, пенек старый!» — буркнул в ответ Кургузов и, больше ничего не слушая, бросил трубку...

Приведя этот любопытный обмен репликами со слов самого С. Кургузова, журналист Макс Дейч в статье «Лунариум», десять лет спустя» («Столица», 1989 г.) далее замечает: «Уже через два дня уловка Щербакова была раскрыта, остаток «незаконного» тиража конфискован и сгинул в необъятных подвалах мрачного здания на площади Дзержинского. Все надежды, что руководители Союза писателей, прочитав злополучный альманах, внезапно прозреют и дадут возможность выпускать его и далее, были, без сомнения, тщетными, а сам «партизанский» поступок Влада Щербакова — мальчишеством чистой воды. Наоборот, злобное негодование оскорбленных в своих лучших чувствах членов кургузовской Секции уничтожило даже малейшую возможность «других» фантастов хоть каким-то образом ужиться с «официальными» творцами НФ. Случай с «Лунариумом», скорее всего, дал лишний повод Степану Кургузову вновь «крепче сплотить ряды», удвоить дисциплину, утроить бдительность и еще раз обозначить Секции ее законное место в «идеологической схватке двух систем» (...) Но был ли поступок Владимира Щербакова бессмысленным, «вредным» и «провокационным», затормозившим будто бы «поступательное движение к компромиссу» — как позднее выражались некоторые «либералы» от НФ? Не думаю. В царстве лени, тоски, мертвой апатии Владимир Щербаков был одним из немногих, кто не струсил, рискнул всем, что у него было. Несколько тысяч синих книжек «Лунариума»

разлетелись по стране, и они-то были настоящим глотком свободы, первой ласточкой, которая возвестила о весне задолго до самой весны...»

Из всех причастных к созданию альманаха арестован был только один Щербаков: он предусмотрительно организовал все дело так, что привлечь к уголовной ответственности можно было лишь его одного. С остальными «разобрались» привычными методами. Виктор Ерофеев и Евгений Попов были тотчас же исключены из Союза писателей, Сергей Потапов уволен с работы, все рукописи Евгения Велтистова и Бориса Симашко, принятые в различных издательствах и журналах, были сразу же возвращены авторам. Ничего не могли сделать с Филипом Диком, зато переводчице И. Гуровой мелко отомстили: сделанный ею по договору с издательством «Мир» перевод «Опрокинутого мира» Кристофера Приста, уже одобренный редакцией, был без объяснения причин отвергнут. По слухам, госбезопасность была особенно зла на обманувшего ее автора «Омона Ра», и, памятуя предупреждение Юрия Андропова, Виктор Пелевин на несколько лет исчез из Москвы. Особой экзекуции был подвергнут Донат Быков, член кургузовской Секции и, стало быть, настоящий изменник. Чтобы неповадно было другим, поведение Быкова решено было обсудить на расширенном заседании Президиума Секции. Друзья уговаривали Д. Быкова не ходить на судилище, но у того были крепкие нервы — и он выслушал все сполна. Через десять лет в предисловии к репринтному переизданию «Лунариума» Донат Быков поделится своими впечатлениями: «Присутствовала вся Секция, от мала до велика. Члены Президиума сидели за длинным столом и возмущенно шевелили руками: казалось, копошится множество змей. В середине председательского стола сидели Степан Кургузов, Владислав Понятовский и Юрий Бондарев. Бондарев не произнес ни слова, но свое негодование выражал мимикой — то за лоб схватится, то руки возденет. Главным спикером был Понятовский. Вопросы были обычные, гнусные: как додумался до такого мерзостного дела? Понимаю ли, какой ущерб нанес авторитету и Секции,

и всей страны? Как отношусь к тому, что мое имя используется на Западе реакционными кругами? Щербакова называли «агентом-provокатором», «ловцом душ», говорили, что у него счет в швейцарском банке и уже оформленная виза на выезд в Израиль...» Сам рассказ Быкова, включенный в альманах, был аттестован однозначно: «Это мусор, а не научная фантастика, что-то близкое к графомании» (слова С. Кургузова). Ожидалось, что автор покается, после чего его все равно исключат из Секции за дискредитацию высокого звания писателя-фантаста. Автор, однако, не покался, а сам выложил на стол заявление о выходе из Секции. Это сценарием не было предусмотрено. Поэтому в отчете, опубликованном многотиражкой «Московский литератор», так и остались слова «единогласно исключен из рядов».

Как видно, «Лунариум» взбаламутил основательно состоявшееся болото советской фантастики. Горячо осуждая на словах «это возмутительное безобразия», многие члены Секции вынуждены были сами так или иначе корректировать свое видение привычной темы. После «Лунариума» писать так же, как прежде, не изменившись ни на йоту, было просто невозможно. «Вражеская выходка», по крайней мере, давала направление к выходу из застойного тупика. Поэтому в начале 80-х в повестях и романах законопослушных членов Секции («Алмазы Преисподней» К. Рублева, «Вернись! Вернись!» А. Осипова, «Лунная морозная ночь» С. Некрасова и других) можно уже встретить некоторые, достаточно робкие, мотивы, впервые возникшие в «Лунариуме». Даже сам Степан Кургузов в своих мемуарах позже вынужден был признать: «Мы их (т. е. создателей альманаха. — *Р. К.*) задавили числом, но не победили. Та литература, которой мы посвятили всю свою жизнь, начала разрушаться изнутри».

Пожалуй, Кургузов преувеличивал — в начале 80-х годов Секция еще была достаточно сильна и сплочена. Необратимые изменения начали происходить несколько позже, со второй половины 80-х годов, и вот тогда остановить их уже не смог бы никто.

Х. ЭПИЛОГ (1985—1993)

Официально Степан Кургузов подал в отставку с поста руководителя Секции фантастики СП СССР 26 июня 1988 г., на следующий день после известного доклада Михаила Горбачева на XIX партийной конференции. «Странно, что он не сделал этого раньше», — так лаконично прокомментировала эту отставку обозреватель «Московских новостей» Надежда Жукова. Однако на самом деле уход С. Кургузова в тень еще в минувшем году многим казался маловероятным.

Как ни парадоксально, глава Секции воспринял первые шаги перестройки и гласности почти с энтузиазмом. Его деятельной — несмотря на солидный уже возраст — натуре был не по душе вязкий кисель застойного бессобытия (даже в сфере «идеологической борьбы», после энергичной расправы с «Лунариумом» в 1979 г., крупных дел больше не было). Еще в 1986 г. Степан Кургузов одним из первых в прессе выступил против «сталинского самовластья, тормозившего развитие нашей литературы и науки». Отвечая на вопрос корреспондента «Огонька», Кургузов тогда же говорил: «Сегодня некоторые толкуют о том, будто именно благодаря Сталину и наша научная фантастика, и наша космическая наука шагнули далеко вперед. Это вранье! Как руководитель Секции ответственно заявляю, что фантастика в нашей стране развивалась не благодаря, но вопреки Сталину. Самые талантливые писатели-фантасты стали жертвами политических репрессий, сгинули в лагерях Леонид Полярный, Николай Олейников, Андрей Чернышев, Даниил Крептюков, вернулся с Колымы инвалидом Григорий Рапопорт. Еще раньше трагически погиб мой большой друг Алексей Лежнев, закрыт был единственный в стране альманах фантастики «Селена». То же в полной мере касается и ракетостроения. Если бы не сталинский авторитарный стиль руководства, помноженный на сталинскую

подозрительность, наши исследования в этой области шли бы полным ходом еще в 40-е годы. К большому сожалению, все мои попытки высказать свое мнение и в годы культа, и в последующие годы немедленно пресекались. Не секрет, что один из моих собственных романов — «Конец «Острова Негодяев» (довольно удачный, если верить некоторым видным американским критикам) — был запрещен именно по политическим причинам».

Отдадим должное Кургузову: в том, что, наконец-то, А. Лежнев был реабилитирован, есть и заслуга главы Секции. Именно Кургузов настоял на репринтном издании первых двух, самых редких, выпусков альманаха «Селена», а также именно он стал инициатором подготовки мемориального сборника воспоминаний «Мы знали Алексея Лежнева», приуроченного к 100-летию со дня рождения руководителя «Красных Селенитов» (1987). В эти же годы выходят в свет переиздания романов Аристарха Оболянинова, Вячеслава Курицына, Леонида Полярного (все — с предисловиями С. Кургузова). Глава Секции добивается не только того, что нормальным тиражом выпущен известный уже всему миру некогда опальный роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», но и ходатайствует перед Идеологическим отделом ЦК, чтобы ленинградскому журналу «Нева» разрешили напечатать новый роман писателя, «Белые одежды». Есть все основания полагать, что инициатива восстановления в Союзе писателей Евгения Попова и Виктора Ерофеева (февраль 1988 г.) и решение Секретариата СП СССР об увековечивании памяти Конст. Булычева (месяцем позже) исходило опять-таки от Кургузова — хотя, по известным причинам, этого Степан Петрович не афишировал. В кулуарах Секции некоторое время ходили невероятные слухи, будто бы во время своей поездки в США в качестве главы официальной делегации советских фантастов (апрель 1988 г.) Степан Кургузов встречался с «самым большим антисоветчиком», «ястребом» и т. п. Робертом Хайнлайном и едва ли не пригласил его посетить Советский Союз...

Доклад М. С. Горбачева на XIX партконференции оказался для С. Кургузова роковым. Беда была не в том, что Михаил Сергеевич признал уже очевидный для многих факт приоритета США в области освоения Луны (начиная с 1986 г. цветные портреты Армстронга, Олдрина и Коллинза можно было уже купить не на «черном рынке» из-под полы, а в киосках «Союзпечати»), Горбачев сделал шаг к полному отказу от «лунной идеи», произнесся загадочные слова о каком-то «асимметричном варианте». И, хотя тут же были сказаны успокоительные фразы о «непреходящих заслугах советских писателей-фантастов», Кургузов мгновенно понял: это конец. Эпоха государственного патронажа одному литературному жанру в связи с отмиранием прежней «руководящей идеи» закончилась. Отныне научной фантастике в СССР предстояло существовать без «официального статуса», наравне с обычной прозой и даже поэзией. («Пахана» перевели в лагерные «шестерки» — в свойственной ему афористической манере обозначил эти перемены в иерархии литературных жанров Владимир Буковский.) Понятно, что быть распорядителем на собственных похоронах Степану Кургузову не хотелось. Он предпочел сам уйти до того, как все окончательно разрушится.

1988—1991 гг. стали временем лихорадочно быстрой смены читательских предпочтений. «Семейный роман», эротический роман, авантюрный роман уверенно потеснили роман фантастический; скоро даже игры «в космонавтов» стали считаться среди детей дурным тоном, признаком глубочайшей провинциальности. Фантастика еще не покинула окончательно стеллажи книжных киосков — но только такая, где речь шла о призраках или вампирах и где ничего не говорилось о советских звездных экспедициях, и тем более о Луне. (Последнее слово все более приобретало характер бранного, и в 1990 г. словарь «Малый Ларусс» уже зафиксировал новые ругательства — «лунарь» и «лунак», пришедшие из России.) На этом фоне запоздавшие дебаты в прессе, имеем ли мы право отказываться от «главной мечты советского народа — полета на Луну» или

нет, выглядели не более чем малоприличной перебранкой, от которой следовало оберегать юношество.

Сторонники небезызвестной преподавательницы астрономии Нины Андреевой утверждали, что «якобы высадка американцев на Луну еще не факт», но даже если «такая нелепая случайность и имела когда-то место, она не может изменить героических завоеваний советского народа» (цитирую по газете «Советская Россия»). «Даже приливы и отливы на Земле находятся в прямой зависимости от Луны, — подчеркивал Н. Кожемяко, публицист «Правды». — Что уж говорить о нашей повседневной жизни, которая без Луны просто немыслима?!» Оппоненты тех, кто «не поступился принципами», доказывали в свою очередь на страницах «Огонька», «Московских новостей» и «Московского комсомольца», что Луна — всего лишь огромный камень в небе и что, мягко говоря, довольно наивно связывать с камнем «наши исторические завоевания» и «тем более — наши планы на будущее». Появившиеся в эти же годы многочисленные прорицатели, астрологи и некроманты также разделились в соответствии со своими политическими пристрастиями: наблюдая за фазами Луны, одни предрекали скорую экономическую катастрофу, другие — медленный экономический подъем, и все вместе — близкий военный переворот.

В августе 1991 г. обещанный переворот действительно состоялся, однако путчисты, поверившие пыли газетных дискуссий, были обречены с первых же часов. Как только из опубликованных указов и обращений ГКЧП граждане узнали, что «еще вчера советский человек чувствовал себя представителем великой космической державы» и хочет снова чувствовать; как только выяснилось, что теперь «нашей первоочередной задачей станет незамедлительная подготовка к запуску первого советского космического корабля на Луну» — участь организаторов путча была решена. Нового возвращения к «светлой мечте» никто уже не хотел. Не случайно самым распространенным плакатом в августовские дни возле российского Белого дома был «Коммунистов — на

Луну!» (Позднее известный философ и публицист Григорий Померанц посвятил культурологическому анализу этого лозунга целую полосу в «Литгазете» под названием «Что изменится, если все коммунисты улетят на Луну?») Любопытно, что после ареста заговорщиков никто, кроме вице-президента, так и не смог внятно объяснить, для чего же гэкачепистам понадобилась Луна и что они, собственно, собирались с ней делать. Врио президента, напротив, на вопрос следователя автоматически, не задумываясь, ответил: «Кто контролирует Луну — тот контролирует весь мир». Если бы Степан Кургузов узнал, что фраза из его романа «Катапульта», так понравившаяся Сталину, стала одной из причин бесславного провала путча, он был бы очень удивлен. Однако, как известно, именно 21 августа бывшего главу Секции фантастики доказал сердечный приступ.

Секция ненадолго пережила своего создателя. В принципе, структура эта, сцементированная за десятилетия, могла бы просуществовать еще долго — если бы ее руководство после Кургузова смогло бы понять, что время изменилось и что «фантаст в России не больше, чем фантаст». Как вспоминал позднее Валерий Маркелов, в своем прощальном слове уходящий на покой Кургузов попросил всех членов Президиума Секции: «Только больше не вмешивайтесь в политику, занимайтесь литературой. И ради Бога, не избирайте Якубовского! Он молод, честолюбив и все погубит!». Надо ли говорить, что преемником Кургузова был избран его мстительными соратниками не кто иной, как Якубовский.

PERSONALIA: ЯКУБОВСКИЙ

Михаил Аскольдович Якубовский родился в 1956 г. в Минусинске в семье ветфельдшера. Он закончил школу и первый курс автотехникума в Абакане. На этом его образование закончилось и начались путешествия по стране. Михаил был рабочим в Волгограде и преподавателем в Саратове, служил редактором в Перми и руководителем детского клуба «Бригантина» в Свердловске. В середине 80-х он оказался в Москве, сотрудником НИИ

химических удобрений и ядохимикатов. И куда бы ни заносила его судьба, везде он писал научную фантастику, причем довольно неплохо печатался. К лету 1988 г. когда он был избран новым руководителем Секции, Якубовский уже опубликовал романы «Крыша Вселенной», «Варяги без стука», «Великая Лунная дуга», «Пенелопа покидает Одиссея», десять повестей и свыше полусотни рассказов.

К большому сожалению, Якубовский был действительно чересчур честолюбив вместо того, чтобы тихо перевести Секцию на коммерческие рельсы и хотя бы обеспечить благосостояние

своим соратникам при помощи издания Филипа Дика и Роберта Хайнлайна (благо, поначалу спрос еще не упал), новый шеф советских фантастов с головой окунулся в общественную деятельность. Его лицо замелькало на ТВ и на митингах, за границей он был чаще, чем в Москве. В 1989 г. он стал депутатом союзного, а в 1990 — российского парламента. После августа 1991 г. Якубовский стал членом Верховного Совета РСФСР, возглавил фракцию «Полет ради прогресса». По его мнению, подготовка советской лунной экспедиции была необходимой — но не по тем причинам, по которым в свое время требовали полета коммунисты, а по прямо противоположным: чтобы окончательно доказать народу, что на Луне нет ничего ценного и что мы действительно можем прекрасно обойтись без нее. Первое время своего депутатства Михаил Якубовский еще успевал руководить Секцией и даже выхлопотал персональные пенсии С. Шпаньрю и А. Зайцеву. Однако затем служение народу окончательно все вытеснило. И пока Михаил Якубовский председательствовал во всевозможных комиссиях и подкомиссиях, Секцию постигла судьба всего Союза писателей: она окончательно распалась. Если бы не благотворительность Сергея Потапова, два десятка неприкаянных старичков — бывших «кургузовцев» — остались бы просто без средств к существованию (Литфонд приказал долго жить одновременно с Секцией). Тем временем Михаил Якубовский сначала чуть не стал лидером НПСР (Национальной партии социалистов-революционеров), затем поменял несколько коалиций и в конце концов присоединился к блоку «неприсоединившихся».

Карьера его была бы успешной, если бы не сомнительные финансовые операции, к которым имела прямое касательство одна из парламентских подкомиссий. Когда пресса запестрела заголовками о «деле Якубовского», Михаил Аскольдович почел своей обязанностью временно не возвращаться из-за границы, где был в командировке.

Ныне М. А. Якубовский живет в Швейцарии. Если верить газете «Аргументы и факты», он вновь занялся писательством и не без успеха: фантастика в Швейцарии все еще популярна.

История полна многозначительных совпадений. История советской фантастики, например, действительно закончилась на букву «я» — на Якубовском. Философы утверждают, однако, что в мире никогда ничего не кончается, все лишь меняет очертания, переходит из одной формы в другую. Поэтому, вполне возможно, история фантастики в России (равно как и в других странах, образовавшихся на месте бывшего СССР), развиваясь по законам гегелевской спирали, в чем-то повторит на новом витке некоторые уже прошедшие фазы. Но точно такого, что было в мире НФ от Обольянинова до Якубовского, уже не будет никогда.

Случилось так, что, когда автор этих строк дописывал книгу, ему в руки попался старый номер газеты «Комсомольская правда» за 24 августа 1993 г., а в газете — две примечательные заметки.

Первая — некролог: издательство «Альфа-фантастика» с прискорбием извещало, что на 94-м году жизни скончался старейший писатель России, сподвижник Алексея Лежнева, один из авторов первого выпуска легендарного альманаха «Селена» Семен Михайлович Шпанырь. Некролог подписали Сергей Потапов, Зиновий Юрьев, Абрам Палей и другие.

Вторая заметка была игриво названа строкой из Байрона — «Не бродить уж нам ночами в серебристой лунной мгле...» Газета сообщала, что, согласно последним вычислениям сотрудников Бюраканской обсерватории, в 2015 г. наша Луна окажется на пути кометы Виола и, скорее всего, будет снесена с орбиты в межзвездное пространство.

Судя по всему, обе эти заметки прошли никем не замеченные.

ЛИТЕРАТУРА

Предлагаемый читателю библиографический список, в целях экономии места, включает только те источники, которые в тексте монографии непосредственно цитируются. Если книга, о которой идет речь, многократно переиздавалась, дается ссылка на наиболее репрезентативное издание. Состав альманахов и коллективных сборников, кроме особо оговоренных случаев, не раскрывается. Материал к каждой главе расположен в алфавитном порядке.

ОТ АВТОРА

Каганская М. Телефонная книга фантастики (о монографии Р. С. Каца) // 22 (Иерусалим). 1986. № 48.

Кац Р. Очерки истории советской фантастики. М., 1986.

Лемхин М. «Недолго мучилась старушка...» (Доктор Кац и советская фантастика) // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1986. 27 авг.

Suvin D. Dr. Katz's «Basic Course» // Galaxy. 1987. Feb.

I. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО СЕЛЕНИТА» (1921–1928)

Бонч-Бруевич В. Что читал В. И. Ленин в 1919 г. // На литературном посту. 1926. № 1.

Брик О. Так называемые фантасты! // Леф. 1923. № 2; Из Пушкина – Луну! // Там же. 1924. № 4.

Буренин В. Эротические похождения г-на Обольянинова // Новое Время. 1915. 16 сент.

Величко А. Армагеддон [Стихотворения] // Самарский вестник. 1910. 26 нояб.; Люди и звери. Стихи. М., 1924; Враги. Повесть. М., 1925.

В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957.

Горбов Д. Из дневника. 20-е годы // Вопросы литературы. 1987. № 2.

Гроссман-Рошин Н. Революция на Луне. О книге А. Обольянинова «Красная Луна» // Революция и культура. 1922. № 10.

Губарев М. В. И. Ленин как завоеватель Луны // Огонек. 1988. № 42.

Жаров А. Лунатик [Стихотворение] // На посту. 1922. № 3.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Роман // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 6 т. Том 1. М., 1961.

Кагарлицкий Ю. В. И. Ленин и книги Герберта Уэллса // Вопросы литературы. 1985. № 11.

Кац Р. «Советский Жюль Верн» граф Обольянинов // Обольянинов А. Красная Луна. Романы. М., 1990.

Кириллов И. В эти дела Ильич не вмешивался // Комсомольская правда. 1989. 4 авг.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. М., 1953.

Левидов М. Его сиятельство летит на Луну // Печать и революция. 1922. Кн. 1.

Лежнев А. Великий мыслитель // Московская правда. 1925. 24 янв.; Луна и революция. Сб. статей. М.–Л., 1927.

Л-н Н. [Ленин В. И.] Полезная книжка! // Известия ВЦИК. 1921. 17 янв.

Луначарский А. Василиса Премудрая. Пьеса-сказка. Пг., 1920; Куда прилетел тов. Лежнев? // Творчество. 1921. № 4; Ответ «селенитам» // Печать и революция. 1922. Кн. 2.

Медведев Ю. «Вся Вселенная жива...» // Циолковский К. Грезы о земле и небе. Тула, 1986.

Мы знали Алексея Лежнева. Сборник. М., 1988.

Обольянинов А. Собр. соч.: в 3 т. Пг., 1916 [Утро в усадьбе (т. 1), Рассказы (т. 2), Танцовщица из Шанхая (т. 3)]; Соломанный букет. Рассказ // Грядущая Россия (Париж). 1919. № 3; Красная Луна. М., 1921; Профессор Гелий. Роман. М., 1922; Тени кратера. Повесть. М., 1926.

«Они давно меня томили...» Из истории переписки А. Обольянинова с М. Пришвиным. Публикация и примечания Р. Каца // Вопросы литературы. 1988. № 7.

Платонов А. Лунная бомба. Рассказ // Всемирный следопыт. 1926. № 12.

Полонский В. Очередные задачи Государственного издательства // Печать и революция. 1921. Кн. 1.

Родов С. Селенитам [Стихотворение] // Грядущее. 1921. № 7.

Рюриков Б. Космизм ленинских идей // Вопросы истории КПСС. 1977. № 2.

Селена. Альманах научной фантастики. Вып. 1. М.; Пг., 1921 [Альманах «Селена» выходил до 1928 г., нумерация выпусков сплошная. Все ссылки на конкретные произведения, опубликованные в альманахе, даны непосредственно в тексте монографии].

Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958.

Храпченко М. Литература великой мечты. М., 1962.

Циолковский К. На Луне. М., 1982.

Чужак И. Господа-обольяниновы // Красный Журнал для Всех. 1922. № 12.

Шубин В. Наследники Фанни Каплан // Советская Россия. 1988. 22 нояб.

Esler D. W. Soviet Science Fiction of the 1920s: Explaining a Literary Genre in its Political and Social Context // Foundation (International Review of Science Fiction). Issue 109, pp. 27–52, Summer 2010 UK (Liverpool).

II. КАТАПУЛЬТА НА СОЛОВКАХ (1929–1932)

Бажанов Б. Я был секретарем Сталина. М., 1991.

Бескин И. Всемирный потоп С. Кургузова (По поводу романа «Катапульта») // Красная новь. 1928. № 11.

Богуш В. Соловки. Frankfurt a.M., 1964.

Ермилов В. Подвиг Анны Соколовой // Литературная газета. 1929. 4 апр.

Кургузов С. Катапульта. Роман. М., 1928.

Левада Б. Степан Кургузов. М., 1969.

Нейман С. К истории публикации романа «Катапульта» С. Кургузова // Литературное обозрение. 1973. № 11.

Об одной вылазке «Красной нови» и ее последствиях [Без подписи] // Правда. 1929. 1 марта.

Eliseyev H. Soviet Literature, 1917–1934. University of California Press. 1963.

III. «СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ТОВАРИЦУ УЭЛЛСУ...» (1933–1936)

Анисимов И. Новая эпоха всемирной литературы. М., 1966.

Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. М., 1952.

Маслов И. Луна не продается! // Правда. 1933. 18 июня.

Первый всесоюзный съезд писателей. Стенографический отчет. М., 1934.

Рапопорт Г. «Крюк». Воспоминания «литературного невидимки» // Огонек. 1987. № 21.

Советские поэты о Луне. Хрестоматия. М.–Л., 1936.

Спирин А. Необыкновенные путешествия. Романы и повести. М., 1932.

Шпаковский Н. Вспашка. Роман. М., 1934.

Шпаньрь С. Первопроходцы. Роман. М., 1933.

Cosmonautics in the USSR. London, 1983.

Golitzyn A. The Phenomen of Nikolay Shpakovsky // Soviet Literature. Problems of Development. New York, 1975.

IV. ВРАГИ ВНУТРЕННИЕ, ВРАГИ ВНЕШНИЕ (1937–1945)

Богомоллов К. Небо без границ (К 50-летию со дня гибели Вяч. Курицына) // Урал. 1990. № 4.

Вершинин Г. Заговор против «Елены». Роман. М.–Л., 1940.

В целях совершенствования боевой подготовки [Передовая] // Правда. 1937. 17 февр.

Ильенков В. «Дело конструкторов» — миф и реальность // Московские новости. 1989. № 46.

Крепить оборону! [Передовая] // Литературная газета. 1937. 28 февр.

Кургузов С. Он многого не успел... (О Вячеславе Курицыне) // Курицын В. Границы неба. Роман, рассказы. М., 1988.

Курицын В. Границы неба. Роман. М., 1937.

Сапунов И. В те грозные дни. Воспоминания. М., 1972.

Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3–5.

Треппер Л. Большая игра. Воспоминания советского разведчика. М., 1990.

V. БОРЬБА ЗА ПЕРВЕНСТВО МИРА СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ (1945–1953)

Булычев К. Лунный вопрос. Пьеса // Знамя. 1947. № 6; Чья-то тень. Пьеса // Там же. 1948. № 12.

Мы с тобой, Джоанна Бакли! (Письма читателей) // Комсомольская правда. 1947. 2 авг.; 7 сент.

О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. М., 1953.

Рутберг М. Если враг не сдастся... Роман. Л., 1946.

Садофьев И. Далекое — близкое. Роман. Л., 1946.

Спирин А. Таинственный пеленг. Рассказы о необыкновенном. М., 1947.

Шпаковский Н. Вам предстоит осваивать Луну (Выступление на I Всесоюзном совещании молодых писателей) // Литературная газета. 1947. 19 марта.

Шпаньрь С. Черный вихрь. Роман. М., 1947.

Хрусталеv О. Битая карта. Роман. Л., 1946.

Hartmann W. The Moon's Early History // Astronomy. 1976. Vol. 4. № 9.

Mylin R. Hiroshima Followed Potsdam. New York, 1966.

VI. ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА... (1954–1968)

Абрамов Ф. Личности нужны России // Литературное обозрение. 1987. № 4.

Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6–7.

Аксенов В. На полпути к Луне. Рассказ // Новый мир. 1962. № 7.

Андреев Ю. Ревизионисты и телескоп [Рецензия на роман И. Шевцова «Тля»] // Новый мир. 1964. № 12.

Гранин Д. Собственное мнение // Новый мир. 1956. № 8.
Дудинцев В. Не хлебом единым. Роман // Новый мир. 1956. № 8–10.

Евтушенко Е. Наследники Сталина [Стихотворение] // Правда. 1962. 21 окт.

Ермилов В. За литературу великой мечты! // Правда. 1954. 3 июня.

Калашников М. Четверо страдальцев в поисках автора (о повести С. Потапова «Четверо») // Литературная Россия. 1963. № 32.

Кузин Б. Из дневника референта Булганина // Наука и жизнь. 1988. № 4.

Лесючевский И. За чистоту марксистско-ленинских принципов в литературе // Литературная газета. 1954. 24 июня.

Милькин Р. «Это был наш последний...» (Альманах «Последний экземпляр» и судьба советской фантастики) // Огонек. 1988. № 9.

Нахмансон Р. Двадцать лет с «Новым миром». Воспоминания. Иерусалим, 1972.

Партия и вопросы развития советской научной фантастики [Редакционная статья] // Коммунист. 1957. № 3.

Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12.

Понятовский В. Против антинаучной фантастики // Коммунист. 1963. № 14.

Потапов С. Четверо. Повесть // Последний экземпляр. Альманах научной фантастики / под ред. А. Софроновой, К. Паустовского. Вып. 1. Калуга, 1963.

Розов В. В поисках радости. Пьеса // Театр. 1957. № 12.

Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989.

Скорино Л. Разговор начистоту (По поводу статьи В. Померанцева) // Знамя. 1954. № 2.

Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11; В круге первом. М., 1991.

Твардовский А. Теркин на Луне. Поэма // Новый мир. 1962. № 3.

Тендряков В. На блаженном острове коммунизма // Новый мир. 1988. № 9.

Фролов А. «Зато мы делали ракеты...» (Воспоминания) // Родина. 1990. № 6.

Хрусталеv О. Под куполом. Роман // Звезда. 1957. № 10–12; Кошунство! (По поводу спектакля в Большом драматическом театре) // Ленинградская правда. 1958. 5 марта.

Чупринин С. Оттепель: время больших ожиданий // Оттепель. 1953–1956. Страницы русской советской литературы. М., 1990; Оттепель: хроника важнейших событий // Там же.

Шевцов И. Тля. Роман-памфлет. М., 1964.

Яшин А. Рычаги. Рассказ // Литературная Москва. Сборник. М., 1956.

French B. What's New on the Moon-II // Sky and Telescope. 1977. Vol. 53. № 4.

VII. ...ВЫНУЛ НОЖИК ИЗ КАРМАНА (1968)

Борзенко С. Они грозили нам атомной бомбой... // Правда. 1968. 23 авг.

«До Праги было ближе, чем до Луны...» (Диалог А. Караулова с П. Шелестом) // Караулов А. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990.

Засурский Я. Антикоммунизм и литература США. М., 1970.

Заявление ТАСС // Правда. 1968. 20 авг.

Кургузов С. Что было, то было. Книга воспоминаний и размышлений. М., 1990.

Кургузов С., Марков Г., Шпаньрь С. и др. Не надо врать, господин президент! (Обращение советских писателей-фантастов) // Литературная газета. 1968. 20 авг.

Немзер Б. Еще при Твардовском // Литературное обозрение. 1988. № 12.

Носов И. Незнайка на Луне. Роман. М., 1968.

«Пражская весна». Материалы, документы, интервью. М., 1992.

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сб. документов и материалов. М., 1972.

Суслов М. Избранное. Речи и статьи. М., 1972.

Between Prague and the Moon. Chronicle of Recent Events. Collected Papers. London, 1970.

VIII. ПРОЦЕССЫ ПОШЛИ (1969–1978)

Алексеева И. Луна и грош. Очерки история инакомыслия в СССР. New York, 1978.

Бабенко В. До следующего раза! Повести и рассказы. М., 1990.

Быков Д. Спасение от знамени // Собеседник. 1993. № 11.

Гинзбург А. Победа «дилетанта». К 70-летию со дня рождения Бориса Бенько // Русская мысль (Париж). 1985. 17 мая.

Гопман В. Мое знакомство с Генералом // Горизонт. 1991. № 12.

Еременко П. О чем шумите, господа? // Известия. 1969. 7 янв.

Климов А. Жизнь и судьба Андрея Гамова // Смена. 1989. № 6.

Московские процессы. Сб. документов. М., 1990.

От Луны до Праги. Хроника одного политического процесса в СССР. Frankfurt a.M., 1969.

Смит М. Парк Горького. М, 1992; Красная площадь. М., 1993.

Хайнлайн Р. Долгая вахта. Рассказ // Научно-фантастические рассказы американских писателей. М., 1960.

IX. «ЛУНАРИУМ» И ВОКРУГ (1979–1984)

Арбитман Р. Палеонтолог настоящего // Россия. 1993. № 18.

Быков Д. Исключение из литературы // Лунариум. Альманах научной фантастики [Репринтное воспроизведение издания 1979 г.]. М., 1989.

Быков Д., Ерофеев В., Попов В., Потапов С. Володя. Сборник памяти В. Щербакова. М., 1990.

Володина Л. Королевский гамбит (Рец. на книгу С. Шпаньрия) // Литературная газета. 1978. 12 дек.

Дейч М. «Лунариум», десять лет спустя // Столица. 1989. № 3.

Лунариум. Альманах научной фантастики. М., 1979.

Лунариум. Антология научной фантастики. М., 1979.

Хазанов Б. Другое искусство (Альманах «Лунариум» был вчера) // Камера хранения. Вып. 3. СПб, 1992.

Шохина В. Кто он. Виктор Пелевин? // Пелевин В. Омон Ра. Повесть и рассказы. М., 1993.

Эйгелис С. «Вторые» стали первыми. Ренессанс эпохи Альманаха // Новое время. 1989. № 51.

Х. ЭПИЛОГ (1985–1993)

Бахтина А. Якубовский — Джеймс Бонд российский? // Литературная газета. 1993. 18 авг.

Время выбора. По страницам советской печати. М., 1990.

XIX Всесоюзная партийная конференция. Материалы. М., 1988.

Жукова Н. Степан Кургузов уходит по-английски // Московские новости. 1988. № 27.

Красное или белое? Драма августа 1991 г. Сборник. М., 1991.

Маркелов В. Степан Кургузов был прав // Независимая газета 1992. 22 авг.

«Нам было тяжело это терпеть...» Писатель-фантаст Степан Кургузов отвечает на вопросы корреспондента А. Терехова // Огонек. 1986. № 51.

Померанц Г. Что изменится, если все коммунисты улетят на Луну? // Литературная газета. 1993. 11 авг.

**НА ПОЛПУТИ К ЛУНЕ,
ИЛИ БОЛИВАР ДОКТОРА КАЦА**
(Послесловие редактора)

— Все неверно, — сказала гусеница.
— Да, не совсем верно, — робко согласилась
Алиса. — Некоторые слова не те.

Льюис Кэрролл

Эпиграф из «Алисы в Стране Чудес», предпослан этим заметкам не случайно.

Пока рукопись книги д-ра Каца готовилась к печати, с ней успело познакомиться довольно много специалистов, историков и филологов. Оценки были полярными, причем преобладали претензии. Если рассортировать упреки на три группы, то мы получим следующее: 1) это издевательство над историей нашей фантастической литературы; 2) это издевательство над историей нашей литературы и 3) это издевательство над историей.

Претензию № 3 сразу хотелось бы отвести. По сравнению с тем, что сотворили с нашей историей за 70 с лишним лет другие доктора наук и академики, создатели сотен школьных и вузовских учебников, несколько нетрадиционный подход нашего автора выглядит вполне respectable. Доктор Р. С. Кац, вообще говоря, не совершил ничего особо крамольного: он просто из двух маниакальных идей, долгие годы владевших обществом (построение рая земного на одной шестой отдельно взятой части суши и достижение Луны обетованной), избрал вторую, менее известную, и сделал на ней особый акцент.

Прием был выбран довольно рискованный? Ну, безусловно! Меня и самого, признаться, поначалу смущало, мягко говоря, неакадемическое отношение к материалу сочинителя книги, которое как-то не очень соответствовало облику почтенного филолога, доктора наук, профессора, заведующего

кафедрой и прочее, и прочее. При первом чтении рукописи рука моя непроизвольно тянулась то и дело к редакторскому карандашу: хотелось немедленно все «поправить», убрать явные накладки. Разумеется, на самом деле никакого выступления Молотова на I Съезде писателей СССР вообще не планировалось, а речь С. Кургузова произнесена была в середине форума, но не в конце. Очевидно, что отголосок сюжета романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», можно обнаружить отнюдь не в «Робокопе» Пола Верховена, а в «Терминаторе» Джеймса Камерона. Естественно, живописные подробности беседы Юрия Андропова с Виктором Пелевиным тоже вызывают самые серьезные сомнения (боюсь, что автор их просто домыслил). И уж, конечно, когда Армстронг и Олдрин действительно ступили на поверхность Луны, президентом США был Ричард Никсон, а совсем даже не Линдон Джонсон... И так далее, и тому подобное.

Само собой, я не стал ничего исправлять, ибо быстро понял, что мое профессиональное редакторское негодование намеренно спровоцировано автором и что он, к примеру, специально перетасовывает в своей книге реальные исторические личности (такие, как Ленин, Сталин, Обольянинов, Солженицын, Кургузов, Паустовский, Тендряков, Потапов и др.) и тех, в чьем существовании лично я не совсем уверен или даже совсем не уверен (Шпаньрь, Курицын, Хрусталев, Шевцов, Розов, Понятовский и др.). При желании книгу можно рассматривать как любопытный кроссворд, и эрудированный читатель сам может попробовать отгадать — где домысел и где факт, где стилизация и где подлинная цитата. (Подскажу, что по меньшей мере две трети приводимых доктором Кацем цитат, как это ни смешно, — подлинны.) Однако, думается, литературная игра сама по себе не есть главная задача, поставленная автором при создании своего «краткого курса». И в этой же связи обе оставшиеся претензии, которые я упомянул в самом начале, тоже следует считать неосновательными. Ибо книга доктора Каца — вовсе не издевательство, а, скорее, доказательство. Причем «от

противного». Это своеобразная попытка дать, наконец, ответ на вопрос, который так часто задавали вслух честные советские писатели-фантасты, от Беляева до Булычева: почему во всем мире (в США, в Западной Европе, в других странах) жанр science fiction давно выбился в число приоритетных, а в СССР научная фантастика всегда была изгоем, литературой «второго сорта», «Золушкой», «падчерицей эпохи»?

Ответ Р. С. Каца прост, но, по-моему, ничем не хуже других. «Зачем нам два генсека?» — помнится, недоуменно спрашивал престарелый Л. И. Брежнев у своего внука в известном анекдоте. В самом деле, пока росла и крепла в нашей стране литература «социалистического реализма», для чего Советскому Союзу было иметь сразу две фантастики? Официозным «опупеям» Г. Маркова, Ан. Иванова, П. Проскурина и прочих абсолютно не нужна была литература-конкурент, которая к тому же и не боялась признать, что она то — выдумка, а не «правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии». Надо полагать, Боливар не выдержал бы двоих.

Именно поэтому остроумное, на мой взгляд, смещение в иерархии жанров, предпринятое автором книги, не выглядит для истории литературы кощунственным и, главное, не становится фатальным для истории. Если не считать мелких флуктуаций, все осталось на своих местах. «Раз, два, три — ничего не произошло!» — как сказал бы Даниил Хармс. И, добавим, не могло произойти. Система щелкнула этим превращением, словно семечком, и даже не поперхнулась, продемонстрировав свою чудовищную инертность. Таким образом, самым лучшим результатом оказалось отсутствие видимого результата.

Право же, если бы реального доктора Р. С. Каца в природе не существовало, его следовало выдумать хотя бы ради этого.

Роман АРБИТМАН

СОДЕРЖАНИЕ

Отавтора.....	3
I. Взлет и падение «Красного Селенита» (1921—1928).....	7
II. Катапульта на Соловках (1929—1932).....	44
III. «Слово предоставляется товарищу Уэллсу...» (1933—1936).....	60
IV. Враги внутренние, враги внешние (1937—1945).....	81
V. Борьба за первенство мира со смертельным исходом (1945—1953).....	101
VI. Вышел месяц из тумана... (1954—1968).....	121
VII. ...Вынул ножик из кармана (1968).....	156
VIII. Процессы пошли (1969—1978).....	168
IX. «Лунариум» и вокруг (1979—1984).....	186
X. Эпилог (1985—1993).....	200
Литература.....	207
Роман АРБИТМАН. На полпути к Луне, или Боливар доктора Каца (послесловие редактора).....	216

Научное издание

Кац
Рустам Святославович

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Редактор Р. Арбитман
Технический редактор А. Тужилкин
Корректор Е. Гаджиева

Подписано в печать 12.04.13. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,55. Тираж 1000 экз. Заказ 4782.

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.
Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн»
400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 88
Наши электронные адреса:
www.printerra.com,
e-mail: mail@printerra.com